

1612

ОСВОБОЖДЕНИЕ

АЛЕКСАНДР
НЕЧВОЛОВ

ИСТОРИЯ СМУТНОГО
ВРЕМЕНИ В РОССИИ

ОТ БОРИСА ГОДУНОВА
ДО МИХАИЛА РОМАНОВА

Александр Нечволодов. История Смутного времени в России. От Бориса Годунова до Михаила Романова //Алгоритм, Москва, 2013
ISBN: 978-5-4438-0216-9
FB2: "Vital ", 23 March 2016, version 1.0
UUID: 6f2371d5-e69d-11e5-b31f-0cc47a52085c
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Дмитриевич Нечволодов

История Смутного времени в России. От Бориса Годунова до Михаила Романова (1612. Освобождение)

Данная книга включает посвященные событиям Смутного времени исследования известного дореволюционного историка и генерала Александра Нечволодова. Автор использовал при работе над ней многочисленные источники на польском, греческом, латинском, французском и немецком языках, а также труды знаменитых историков и ученых: Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, В. О. Ключевского, С. О. Платонова, А. А. Шахматова, Н. П. Кондакова, А. И. Соболевского, Н. П. Лихачева и других. При Советской власти книга была практически уничтожена, а данный текст только чудом сохранился в библиотеке газеты «Красная звезда». «Предлагаемая книга, – говорил сам автор, – написана с целью дать возможность каждому русскому человеку изучить жизнь и дела своих предков в давние времена».

Содержание

#1	0006
Царствование Феодора Иоанновича	0007
Годунов-правитель	0012
Учреждение Патриаршества	0039
Убиение царевича Димитрия	0042
Царь Борис	0054
Брестская уния	0092
Самозванец на Литве и в Польше	0099
Поход на Москву Лжедмитрия	0134
Царствование Лжедмитрия	0153
Брак Лжедмитрия с Мариной Мнишек	0176
Гибель самозванца	0195
Царствование Василия Ивановича Шуйского	0211
Дальнейшее развитие Смуты	0223
Болотников	0225
Появление вора	0241
Тушино	0249
Перелеты	0258
Князь М. В. Скопин-Шуйский	0263
Настроение северных городов	0269
Осада Троице-Сергиевой Лавры	0274
Сигизмунд под Смоленском	0304
Свержение Шуйского	0332
Междоцарствие. Патриарх Гермоген	0336

Посольство под Смоленск	0342
Поляки в Кремле	0346
Смерть Вора	0367
Прокофий Ляпунов. Пересылки городов между собой	0371
Неудача первого Земского ополчения	0377
Минин и Пожарский. Очищение Московского государства	0428
Избрание и венчание на царство Михаила Феодоровича Романова	0491

**Александр Нечволодов
История Смутного времени в
России. От Бориса Годунова
до Михаила Романова**

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Царствование Феодора Иоанновича

Грозному царю наследовал смиренно-блаженный Феодор Иоаннович, вступивший на родительский престол двадцати семи лет от роду. Он был человеком небольшого роста, приземистым и опухлым, с ястребиным носом, нетвердой походкой и постоянной улыбкой на устах; он был очень прост, «бе бо, – по словам «Временника» дьяка Тимофеева, – естеством кроток и мног в милостех ко всем, и непорочен... паче же всего любя благочестие и благолепие церковное», но совершенно не склонен к занятиям государственными делами.

Очевидно, власть должна была перейти в руки тех, кто его окружал. Это были все близкие люди покойному государю, уцелевшие от разгрома, которому была подвергнута боярская среда, и выдвинутые или родственными связями с Грозным, или своею верною ему службою.

На первом месте стоял престарелый бо-

ярин Никита Романович Юрьев-Захарьин, родной дядя молодого царя по матери, отличавшийся, по общему отзыву современников, такими же светлыми душевными качествами, как и покойная сестра его – царица Анастасия Романовна. Даже ливонские летописцы с восторгом рассказывали, как великодушный Никита Романович, взяв город Пернау, позволил его жителям удалиться со всем их имуществом. За ним следовали: князь Иван Феодорович Мстиславский, сын двоюродной сестры Грозного, очень родовитый, но незначительный сам по себе человек, и Борис Феодорович Годунов, шурин государя и брат царицы Ирины, к которой молодой царь питал беспредельную привязанность.

Важное значение имел также решительный, смелый и честолюбивый Богдан Бельский, воспитатель царевича Димитрия, выдвинувшийся своею службою в опричнине и родством с Малютой Скуратовым и Борисом Годуновым.

Затем шло несколько князей Шуйских, во главе со знаменитым защитником Пскова князем Иваном Петровичем, заслужившим

доверие Грозного своею верною службою. Наконец, умные и хитрые думные дьяки – братья Андрей и Василий Щелкаловы – тоже принадлежали к самым близким людям царя Феодора.

Отдельно от описанного выше кружка держались Нагие, родные царицы Марии, матери царевича Димитрия.

По-видимому, окружающие царя Феодора опасались неприязненных действий со стороны Нагих; как только умер Грозный, то тотчас же они распорядились запереть все входы в Кремль, оставили на стенах стражу и держали пушки наготове с зажженными фитилями, на случай народного движения в пользу младенца Димитрия. На другой день была принесена высшими чинами торжественная присяга Феодору, а Димитрия вместе с матерью и Нагими поспешили удалить в Углич, данный ему в удел. Это удаление не имело, однако, вида суровой опалы.

Из Углича в день именин царевича, 19 октября, посылались по обычаю к государю и его семье пироги, а Феодор Иоаннович отдавал царицу Марию Нагую дорогими меха-

ми.

Богдан Бельский, воспитатель Димитрия, оставался после его удаления в Углич некоторое время в Москве, но скоро в народе разнесся слух, что он хочет известить царя Феодора. Чернь заволновалась. К ней пристали находившиеся в это время в столице влиятельные рязанские люди – Ляпуновы и Кикины; огромная толпа подступила к Спасским воротам в Кремле, навела на них пушку и требовала выдачи Бельского. Тогда царь велел объявить, что последний сослан им в Нижний Новгород, и народ успокоился. Был ли действительно виноват Бельский в какой-либо крамоле или слух об этом был пущен недоброжелателями, с целью вызвать его удаление от двора, – неизвестно.

Первое время по воцарении Феодора наибольшее влияние на дела имел дядя его – боярин Никита Романович; вскоре, однако, он был разбит параличом, а затем и умер, вверив Борису Годунову перед кончиною своих детей от брака с Евдокией Александровной Горбатой-Шуйской – молодых братьев «Никитичей», как их звали в народе, и взяв с него

клятву на верность с ними «завещательному союзу дружбы».

Годунов-правитель

После смерти Никиты Романовича Борис Годунов становится во главе правления и скоро сосредоточивает в своих руках небывалую власть над государством.

Жизнь этого человека, имевшего огромное значение в судьбах Русской земли, замечательна. Потомок крещеного татарского мурзы Чета, приехавшего в Москву при Иоанне Калите, Борис Годунов уже в молодых годах был близким человеком к Грозному, состоя при царском саадаке (лук и колчан со стрелами), и быстро вошел в его полную доверенность, чему способствовала женитьба Годунова на дочери Малюты Скуратова, а затем и брак его сестры Ирины с Феодором Иоанновичем.

Захват Борисом власти не обошелся, разумеется, без борьбы, но долгая служба в опричнине выучила Годунова не стесняться в средствах при ее ведении. Приближенные люди при царе Феодоре разделились, за несколько времени до смерти Никиты Романовича, на две партии: во главе одной был Борис Году-

нов, сблизившийся с братьями Щелкаловыми, верно оценившими, что сила на его стороне, причем Андрея Щелкалова Борис назвал даже себе отцом, хотя незадолго перед этим он назвал себе отцом и князя И. Ф. Мстиславского; к другой партии принадлежали: помянутый князь И. Ф. Мстиславский, князь Воротынский, Головины, Колычевы, а также и князя Шуйские, очень любимые всем московским населением – купцами, горожанами и чернью.

Говорят, что Мстиславский, после долгих отказов, согласился извести Годунова отравой у себя на пиру; но это было вовремя открыто; его схватили и насильно постригли в Кирилло-Белозерском монастыре, где он и умер. Воротынские же, Головины, Колычевы и многие другие были заточены по разным городам или отправлены в ссылку; при этом один из Головиных – Михайло – бежал за рубеж к королю Стефану Баторию.

Шуйских Борис пока не тронул, опасаясь, очевидно, большой любви к ним со стороны московских жителей; он даже пошел с ними на мировую. Посредником в этом был митро-

полит Дионисий, человек тонкого ума и сладкоречивый, но достойный и добрый пастырь, искренно служивший делу умиротворения. Когда, после примирения своего с Годуновым, князь Иван Петрович Шуйский вышел из Грановитой палаты, то был встречен на площади толпой торговых людей, причем два купца подошли к нему и сказали: «Помирились вы нашими головами; и вам от Бориса пропасть, да и нам погибнуть».

По рассказу летописца, Борис, злобясь на Шуйских, научил их дворовых людей – Феодора Старкова с товарищами обвинить своих господ в «измене». Шуйские были перехвачены вместе со своими друзьями – князьями Татевыми, Урусовыми, Колычевыми, Быкасовыми и другими. Началось следствие, сопровождавшееся страшными пытками и великим кровопролитием, ничего, однако, не обнаружившее. Кроме перечисленных выше лиц, пытали также семь человек московских гостей, но и они ничего не показали.

После следствия доблестный князь Иван Петрович Шуйский был отправлен на Белозеро и там, по свидетельству летописца,

удавлен; другой Шуйский – князь Андрей Иванович, по тому же свидетельству, был удушен в Каргополе; сторонники Шуйских были разосланы по разным городам и тюрьмам, а семи московским гостям были отрублены головы.

Доблестно исполнив святой долг свой – печалования за невинных, Дионисий и Варлаам были свергнуты, обнесенные Годуновым, и заточены в новгородские монастыри. Вместо же Дионисия митрополитом был поставлен ростовский епископ Иов, человек, всецело преданный Борису.

Таким образом, после низвержения Дионисия Годунов освободился от всех опасных себе людей и безгранично захватил власть в свои руки. Это было достигнуто им в течение трех с небольшим лет. Во всех отраслях управления, как в Москве, так и в городах, были поставлены люди, на безусловную преданность которых он мог рассчитывать. Английский посол Флетчер, прибывший в Москву в начале 1589 года, говорит по этому поводу, что «в настоящее время многие из этих важных мест занимают и вместе с тем правят почти

всем государством Годуновы и их приспешники»).

Вместе с тем, чтобы выделиться от всех остальных подданных, Борис создал для себя несколько весьма пышных наименований и величался: «Царский шурин и правитель, конюший боярин, и дворовый воевода, и содержатель великих государств, царств Казанского и Астраханского». Доходы его были огромны: он получал до 93 700 рублей ежегодно и, говорят, мог с родственниками, которые все были щедро наделены, выставить со своих имений до 100 000 вооруженных людей.

Кроме того, для вселения в народе как можно большего уважения к царице Ирине и к ее роду, Борис создал целый полк, весьма нарядно одетый, особых царицыных телохранителей, сопровождавших ее вместе со знатнейшими боярынями на всех выходах и во время богомольных походов. Наконец, по приговорам Боярской думы в 1588 и 1589 годах, Годунов получил важное право сноситься с иностранными государями от собственного имени, и в Посольском приказе были заведены особые «книги, а в них писаны ссыл-

ки царского величества шурина» с иностранными правительствами.

Двор Бориса представлял точное подобие царского. Он с теми же обрядами, как и царь, принимал иностранных послов и, как истый выскочка, при всяком удобном случае давал им ясно понять, что, собственно, все зависит не от государя, а от его воли. Ловкие иностранцы, разумеется, быстро сообразили, с кем имеют дело; они рассыпались перед ним в льстивых выражениях, величали его «пресветлейшим вельможеством» и «пресветлым величеством» и получали от восхищенного этим Бориса огромные льготы, зачастую прямо в ущерб русским выгодам, причем на их челобитные ответ писался «по повелению великого Государя, а по приказу царского величества шурина».

Несмотря, однако, на помянутые выше казни и жестокость Бориса-правителя, царствование Феодора Иоанновича почиталось летописцами очень счастливым, особенно по сравнению с печальными временами, наступившими в последние годы жизни его отца, когда Баторий, а затем и шведы нанесли нам

ряд тяжких ударов.

Тишина и сравнительно мирное житие, наступившие с воцарением Феодора Иоанновича, во многом зависели от ряда удачных для нас перемен, произошедших в это время в соседних государствах, главным же образом в Польско-Литовском.

Стефан Баторий после кончины Грозного не только не думал прекратить борьбу с Москвой, но, напротив, вместе с своим верным сподвижником Яном Замойским питал обширнейшие замыслы о нанесении нам последнего решительного удара. К счастью для нас, все эти замыслы разбились о противодействие его могущественных панов, которые вовсе не желали тяжелой и разорительной войны, опасаясь, в случае ее удачного для Польши исхода, усиления королевской власти над ними. При этом Замойский возбудил против себя обширную партию, во главе со знатным паном Зборовским, и вместо дружной подготовки к большому походу на Москву почти вся Польша разделилась на два лагеря – Замойского и Зборовского, причем дело доходило иногда и до кровопролития.

Тем не менее, по воцарении Феодора, Баторий послал в Москву своего посла Льва Сапегу, который, чтобы застрашать нас, объявил, что султан собирается воевать с Москвой, и требовал возвращения всех литовских пленников без выкупа, а за наших пленных запросил 120 000 золотых.

В отношении польских пленных Феодор Иоаннович, следуя внушению своего жалостливого сердца, поступил совершенно по-царски: он выпустил всех их без всякого выкупа, а о своих пленных приказал сказать, что передает решение вопроса об их участи на волю короля Стефана.

Баторий, однако, этим не удовлетворился: он обращался крайне грубо с нашим послом Измайловым, не отпустил русских пленных и продолжал упорно требовать Смоленска, Северской земли, Новгорода и Пскова; во всем этом его поддерживал уже помянутый нами Михаил Головин, который, убегая в Польшу от злобы Годунова, не постыдился стать там врагом своей земли и уверял Батория, что в Москве идет такая рознь, что ему нипочем будет одержать над нами победу.

Чтобы противодействовать замыслам Венского двора, в Москву был отправлен послом очень любимый, и притом православный, литовец пан Михаил Гарабурда, с предложением заключить прочный мир, но с тем условием, что если первым скончается Баторий, то Феодор становится королем Польским; в случае же если прежде умрет Феодор, то на его место царем московским избирается Баторий.

На это своеобразное предложение московские бояре отвечали с обычным своим достоинством и умением: «Нам про Государя своего таких слов, что ты говорил, и помянуть непригоже; это дело к доброму делу не годится... Как нам про Государя своего говорить? У нас Государя прирожденные изначала и мы их холопы прирожденные; а вы себе выбираете государей: кого выбираете, тот вам и государь... Как нам про Государя своего и помыслить это, не только что говорить? Мы и про вашего государя говорить этого не хотим... Ты, посол великого государя, пришел к великому Кхударю нашему и такие непригожие слова говоришь о их Государской смерти? Кто нас не осудит, когда мы при Государе, видя

его Государское здоровье, будем говорить такие слова?»

Гарабурда уехал из Москвы ни с чем. Баторий же продолжал напрягать все свои усилия, чтобы иметь возможность начать новую войну с нами; кроме Замойского он имел в этом отношении другого деятельного пособника: это был иезуит Антоний Поссевин, считавшийся духовником старой жены Батория Анны Ягеллонки и усердно сносившийся с Римом, чтобы завлечь нового Папу Сикста V в замыслы короля против Москвы. Поссевин успел в этом, и Сикст V, несмотря на свою страшную скупость, послал Баторию щедрое вспомоществование для войны с нами (250 000 скудий).

Но в самый разгар приготовлений к этой войне, 12 ноября 1586 года, Баторий умер, а с его смертью рухнули, разумеется, и все его замыслы.

В Польше же снова наступило бескорольевье, ознаменовавшееся крайне обостренной борьбой между партиями Замойского и Зборовского. Зборовские стояли за избрание в короли брата немецкого императора Рудольфа –

эрцгерцога Максимилиана, того самого, про которого был пущен в Польше слух, что его хотят избрать московские бояре после Феодора Иоанновича, а Замоиские выставляли своим избранником королевича Сигизмунда, сына известной Екатерины Ягеллонки и Иоганна Шведского.

Обе партии расположились военными станами под Варшавой на левом берегу Вислы, готовые, в случае нужды, поддержать с оружием в руках своих ставленников; в это же время на правом берегу Вислы расположилась особым станом и третья партия – литовская, выставив своим избранником царя Феодора Иоанновича.

Московское правительство было очень озабочено возможностью избрания королевича Сигизмунда, который должен был наследовать после короля Иоганна и шведский престол и соединить, таким образом, в своем лице обоих наших врагов – Польско-Литовское королевство и Швецию. Ввиду этого в Варшаву на избирательный сейм решено было отправить большое посольство во главе с боярином Степаном Годуновым, князем Феодо-

ром Троекуровым и дьяком Василием Щелкаловым, которое должно было заявить, что, в случае избрания Феодора Иоанновича польско-литовским королем, Литва и Польша будут пользоваться полным внутренним самоуправлением и, кроме того, Москва уплатит все долги, сделанные Баторием на содержание войска. Это посольство встретило очень радушный прием в Варшаве со стороны многих, но крупной его ошибкой было, что оно не привезло с собою денег.

Однако и без денег московская сторона была очень сильна не только среди Литвы, но и между поляками. Многие поляки высоко оценили милостивый поступок царя Феодора, отпустившего всех пленных без выкупа, и, конечно, тогда уже сознавали выгоды соединения двух родственных славянских государств. Когда выставили в поле три знамени – московское с изображением шапки, австрийское с немецкой шляпою и шведское с сельдью, то под русскою шапкою оказалось такое громадное большинство, что, по словам Н. М. Карамзина, «друзья Австрии и шведов, видя свою малочисленность, от стыда присоединились

к нашим».

Но иначе сложились обстоятельства на собрании вельмож – в «рыцарском коле», когда дело коснулось, по выражению литовских панов, «трех колод», которые надо было пересечь. Поляки требовали: 1) чтобы государь короновался в Кракове, в костеле; 2) чтобы в титуле он писался прежде королем Польским и великим князем Литовским, а потом уже царем Московским и 3) чтобы он перешел в латинство.

Разумеется, послы наши не могли согласиться на эти требования – «хотя бы, – говорили они, – и Рим старый, и Рим новый, царствующий град Византия начали прикладываться к нашему Государю, то как ему можно свое государство Московское ниже какого-нибудь государства поставить?»

Переговоры с поляками об избрании кончились ничем.

Литовские же паны продолжали еще некоторое время настаивать на избрании Феодора Иоанновича; воеводы виленский Христоф Радзивилл и трокский Ян Глебович тайно говорили нашим послам: «У нас писаное дело,

что немецкий язык славянскому языку никак добра не смыслит: и нам как немца взять себе в государи?.. Если поляки на избрание вашего Государя не согласятся, то мы, Литва, Киев, Волынь, Подолье, Подлясье и Мазовия, хотим от Польши отодраться...»

Создавшееся положение вещей в Польше с избранием Сигизмунда было, разумеется, на руку Москве и позволило нам быть более настойчивыми в переговорах со шведами, с которыми было много недоконченных счетов.

В 1586 году у нас было заключено с ними перемирие на четыре года; не желая иметь в это время войны, мы временно оставили за шведами Нарву, Ивангород, Яму, Копорье и Корелу. При этом, во время перемирных переговоров, утонул, переправляясь через Нарову, наш злейший враг, известный Понтус Делагарди.

Теперь, по истечении срока перемирия, в 1589 году, Москва настойчиво потребовала от Швеции Нарвы, Ивангорода, Ямы, Копорья и Корелы. «Государю нашему, не отыскав своей отчины, городов Ливонской и Новгородской земли, с вашим государем для чего мириться?»

Теперь уже вашему государю пригоже отдавать нам все города; да и за подъем государю нашему заплатите, что он укажет». Шведы отвечали отказом, и мы объявили им войну.

В январе 1590 года сильная русская рать двинулась к шведским границам; ее вел сам царь, а при нем, в качестве ближних воевод, были: Борис Годунов и двоюродный брат государя – Феодор Никитич Романов. Поход увенчался успехом: удалой начальник передового полка, князь Хворостинин, разбил шведского генерала Банера у Нарвы, и затем наши войска осадили самый город. Опасаясь потерять его, шведы предложили годовое перемирие, с уступкой нам Ивангорода, Ямы и Копорья. Мы потребовали также и Нарвы, но затем согласились на предложенные перемирные условия, оставив за шведами Нарву и Корелу; нет сомнения, что Нарва была бы нами взята, но, как мы говорили, Годунов, вершивший все дела, не обладал военными дарованиями.

Во всяком случае, поход этот принес немалые плоды: Польша и Швеция увидели, что Московское государство, после неудач, испытанных в последние годы Грозного, вновь

оправилось. В следующем же, 1591 году мы заключили двенадцатилетнее перемирие с Польшей, а со шведами война возобновилась и тянулась до смерти короля Иоганна. После нее сын его, Сигизмунд Польский, стал и королем Шведским, однако ненадолго. Он сейчас же вступил в борьбу с дядей своим Карлом, оставшимся правителем Швеции, и в скором времени вызвал к себе общую ненависть за крайнюю вражду, внушенную ему иезуитами, к лютеранскому населению Швеции, а затем лишился и отцовского престола, который занял Карл, с наименованием IX. Карл этот заключил с Москвой перемирие в 1593 году, а в 1595 году – вечный мир; Нарва была оставлена за шведами, а мы, кроме Ивангорода, Ямы и Копорья, получили Корелу до города Колы; вместе с тем между обоими государствами была установлена вольная торговля.

Так благополучно сложились при царе Федоре наши отношения с Польшей и Швецией.

Не менее благополучно сложились в первые годы его царствования и наши дела с

Крымом; там поднялись жестокие усобицы, причем о нападении на Москву не было и речи. Вместе с тем усилившееся казачество – запорожское, донское и терское – постоянно отвлекало своими нападениями татар от похода против Москвы.

Только в 1591 году, когда в Крыму прочно утвердился хан Казы-Гирей, последний задумал совершить внезапный набег на Москву. В июне месяце неожиданно пришло известие, что он идет с полутораста тысячами человек прямо к столице.

Тогда воеводам, стоявшим на Оке, спешно велено было тоже идти к самой Москве, и к 1 июля у Данилова монастыря войска наши сосредоточились в лагере, укрепленном телегами, или в так называемом «обозе». В этом лагере соорудили церковь во имя святого Сергия и поставили икону Божией Матери, бывшую с Димитрием Донским на Куликовом поле. Вокруг же всех дальних городских слобод и посадов были поспешно заложены деревянные стены с воротами и башнями; этот деревянный город был метко прозван народом Скородомом, или Скородумом.

Государь сам объезжал войска, жаловал воевод и всех ратных людей милостивыми словами, а затем, по обыкновению, удалился молиться.

4 июля татары появились под Москвой, начали жечь окрестности и вступили в мелкие стычки с передовыми нашими войсками. Все находилось в тревожном ожидании; один только царь был совершенно спокоен и, увидев слезы на глазах боярина Григория Годунова, сказал ему, чтобы он утешился, так как татар завтра же не будет. Слова его оправдались.

Хан, расположившийся на Воробьевых горах, был встревожен ночью большим шумом в Москве и выстрелами из множества пушек; он поверил сообщению пленных, что к нам пришла подмога из Новгорода, и опрометью побежал назад, не дождавшись рассвета.

Радость была общая: в память отражения хана был заложен Донской монастырь и несколько дней подряд шли пиры в Грановитой палате; честь же победы над татарами была почти всецело приписана Борису Годуну; кроме множества подарков, он полу-

чил, вдобавок ко всем своим пышным наименованиям, звание Слуги, пожалованное до него, как мы помним, только трем лицам: князю Семену Рязанскому, отец которого спас юного Иоанна III от злобы Шемяки, князю Ивану Воротынскому – за знаменитую Ведрошскую победу над Литвой и при Грозном – князю Михаилу Воротынскому, отличившемуся при взятии Казани и нанесшему поражение крымцам на Донце.

Скоро убежавший из-под Москвы хан Казы-Гирей стал смиренно просить государя простить ему его набег, что, впрочем, было только хитростью; в следующем же, 1592 году он послал своего калгу (наследного царевича) произвести внезапное нападение на наши рязанские и тульские владения, откуда было уведено много пленных. Однако необходимость помогать туркам в войне последних с австрийцами заставила хана искать с нами прочного мира, и в 1594 году он выдал московскому послу князю Щербатову шертную грамоту.

В 1586 году к царю Феодору явились послы от кахетинского (в Грузии) князя Александра,

которому одновременно грозили турки и персы; Александр просил принять его в наше подданство и прислать ратную помощь, вследствие чего царь дважды посылал свое войско против его недруга и соседа – шамхала Тарковского, но воевать с турками Москва отказалась, хотя и вела переговоры об этом со знаменитым персидским шахом Аббасом Великим.

Вел с нами переговоры о войне с турками и немецкий император Рудольф II; он неоднократно посылал под этим предлогом своих послов к Феодору, из коих один – Варкоч оставил весьма любопытные записки о своих поездках в Москву; однако истинной целью этих посольств была не война с турками, а желание получить от богатого московского государя крупное денежное вспомоществование. Денег в Москве Рудольфу не дали, но помогли иным образом. В 1595 году в Прагу прибыл целый караван с «вспоможением» от государя, который «по прошению и челобитью шурина своего, Бориса Феодоровича Годунова» прислал множество шкур соболей, куниц, лисиц, белок, бобров и лосиных кож, заняв-

ших в императорском дворце до 20 комнат.

Пражские купцы оценили посылку в 400 000 рублей, кроме трех сортов соболей, которым не умели наложить цены по их дороговизне.

Папы Григорий XIII, Сикст V и Климент VIII также вели пересылку с Москвой; они старались склонить ее к войне с турками и повторяли свои попытки о введении унии, причем предлагали вновь прислать уже знакомого нам иезуита Антония Поссевина, зорко следившего за всем, что делается в Москве.

Мы видели, что под конец царствования Грозного отношения наши с Англией испортились. Но честолюбивый Борис Годунов, заискивавший в расположении иностранных государей, и умная и ловкая Елизавета Английская, искавшая выгод для своих купцов, быстро их поправили.

О том, насколько Годунов ухаживал за англичанами, можно судить по следующим словам их же соотечественника Гакльюта, составившего описание путешествий англичан в Россию: «Способ последнего отправления (из Московского государства) мистера Горсея в

Англию был так почетен, что следует описать его. Ему дали открытый лист на почтовых лошадей для него самого и прислуги, запасы и все нужное для такого продолжительного путешествия. В каждом городе, через который он проезжал от Москвы до Вологды, на расстоянии 500 верст по сухопутью, его щедро снабжали лошадьми и всем нужным, также и по реке Двине, на протяжении 1000 верст, он везде получал свежие запасы от царских чиновников. Когда он прибыл в новоукрепленный город Архангельск, его встретил, по царскому приказу, князь Василий Андреевич Звенигородский; стрельцы были расставлены, по обычаю, рядами, и его прибытие праздновалось великолепно. Отсюда, снабдив его запасами и деньгами, отправили на княжеском судне с сотнею гребцов, а также с сотнею стрельцов, ехавших с их головою из дворян на других судах. Когда они доехали до места, где стояли на якоре английские, датские и французские корабли, стрельцы дали залп, а корабли выстрелили, в свою очередь, из 46 орудий; затем Горсея доставили на место жительства в английский дом на Роуз-Айленд.

Полнейшим и окончательным доказательством расположения царя и Бориса Феодоровича к мистеру Горсею было то, что на следующий день ему послали дальнейшие припасы на дорогу, которые заключались в следующем: 16 живых быков, 70 овец, 600 кур, 25 окороков, 80 четвериков муки, 600 караваев хлеба, 2000 яиц, 10 гусей, 2 журавля, 2 лебедя, 65 галлонов меду, 40 галенок водки, 60 галенок пива, 3 молодых медведя, 4 сокола, запас луку и чесноку, 10 свежих семг и дикого кабана. Все это было доставлено Горсею одним дворянином от имени государя, а другим от Бориса Феодоровича».

Оживленную переписку с Москвой по торговым делам вел также и знаменитый министр Елизаветы – лорд Вильям Сесил Бэрлей, величавшийся Годуновым в своих грамотах к нему: «Вилим Сисел, честнейшего чина рычард Подвязочный» (он имел английский орден Подвязки, жалуемый обыкновенно владельческим особам).

Удачно сложившиеся внешние отношения при царе Феодоре внесли, как мы говорили, по общему отзыву современников, большое

успокоение в жизнь страны и дали возможность правительству заняться устройством внутренних дел.

Борису Годунову обыкновенно приписывают, в бытность его правителем, прикрепление крестьян к земле, приведшее к известному крепостному праву. Как выяснили новейшие исследования, это неверно. Мы видели, в какое расстройство пришло земельное хозяйство в Московском государстве от крутой землевладельческой переборки, произведенной Иоанном Грозным по учреждению опричнины. С другой стороны, мы видели, что до Грозного существовал ряд распоряжений московского правительства, начавшихся еще в XV веке, для затруднения перехода крестьян от одного владельца к другому, ввиду того что эти переходы отражались крайне губительно на хозяйстве.

Меры Бориса Годунова, чтобы поднять народное благоустройство, сильно упавшее в последние годы Грозного, шли в том же направлении – в стеснении перехода крестьян от одного владельца к другому; полное же их прикрепление к земле последовало при царе

Василии Ивановиче Шуйском, причем главной причиной этого прикрепления были те крупные долговые обязательства, которые связывали крестьян с землевладельцами.

При царе Феодоре государство для управления было разделено на четыре чети: Посольскую, Разрядную, или Военную, Поместную и Казанского дворца. Четями ведали дьяки, причем первыми двумя – братья Щелкаловы. Кроме четей остались и приказы, во главе которых стояли бояре; Дворцовый приказ, заведовавший царскими вотчинами, был поручен боярину Григорию Васильевичу Годунову; ежегодный доход, поступавший в царскую казну, доходил при нем до 1 430 000 рублей.

В царствование Феодора было построено множество новых городов, особенно со стороны степи, для ограждения наших границ от татарских набегов. Так, были построены: Курск, Ливны, Кромы, Воронеж, Белгород, Оскол, Валуйки; затем в Волжской стороне: Санчурск, Переволока, Царицын; на Урале был поставлен для сидевших здесь казаков, а в 1584 году был заложен на Белом море – Архангельск. Астрахань и Смоленск были обве-

дены каменными стенами; как увидим, это оказалось весьма предусмотрительным по отношению Смоленска, «этого ожерелья» государства, по определению Н. М. Карамзина. Москва тоже укреплялась, для чего был заложен Белый, или Царев, город. Кроме того, в Сибири, окончательно приведенной под власть Москвы при царе Феодоре, было тоже заложено несколько городов.

Для заселения вновь приобретенных обширных сибирских владений русскими людьми правительство прилагало большие заботы. Так, между прочим, до нас дошло распоряжение, что в 1590 году велено было набрать в Сольвычегодске, для отправления в Сибирь на житье, тридцать человек пашенных людей с женами и детьми и со всем имением, «а у всякого человека было бы по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани, и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были им дать по 25 рублей на чело-

века», деньги громадные по тому времени.

Учреждение Патриаршества

При царе же Феодоре произошло и важное событие в русской церковной жизни — учреждение Патриаршего стола в Москве.

Мы видели, что после взятия турками Царьграда московские митрополиты получили совершенно самостоятельное значение и, начиная со святого Ионы, ставились Собором русских епископов. Наследство и заветы Византии, перешедшие в Москву после брака Иоанна Третьего с Софией Фоминичной, и самый рост Московского государства давно уже показывали, что в Москве, Третьем Риме, сохранившем в чистоте древнее православие, естественно подобает быть и Патриаршему столу.

Но как наши государи не торопились с принятием царского титула, так не торопились они с возведением митрополита Московского в патриархи.

Это совершилось только при царе Феодоре. В 1586 году в Москву приехал антиохийский патриарх Иоаким и предложил переговорить об этом деле с другими восточными патриар-

хами, после чего через два года к нам прибыл царьградский патриарх Иеремия в сопровождении митрополита Монеувасийского Иерофея и архиепископа Елассонского Арсения, оставивших записки об этой поездке в Москву.

Иеремия, терпя большую тесноту в Царьграде от султана, сам хотел быть у нас патриархом. Но Борис Годунов желал, конечно, провести в московские патриархи своего человека, преданного ему митрополита Иова, и для этого, с обычным своим лицемерием, прибег к следующему: московское правительство предложило Иеремии занять Патриарший стол, но поставило непременно условием, чтобы он жил не в Москве, а в городе Владимире-на-Клязьме, потерявшем в это время всякое значение, то есть вдали от царя и всех государственных дел.

Конечно, при такой постановке вопроса Иеремия должен был отказаться от своего желания остаться у нас и согласился на поставление патриарха из русских святителей; созванный для этого Церковный собор наметил трех лиц, из числа коих царь выбрал, разуме-

ется по совету Годунова, Иова.

Торжественное посвящение его в патриархи последовало 26 января 1589 года; вместе с тем архиепископы Новгородский, Казанский, Ростовский и Крутицкий были возведены в митрополиты, а шесть епископов получили звание архиепископов: Владимирский, Суздальский, Нижегородский, Смоленский, Рязанский и Тверской. После торжества в Успенском соборе был пир в государевом дворце, во время которого Иов, встав из-за стола, отправился в сопровождении большой свиты на осляти вокруг Кремля, осеняя крестом и кропя водой стены, а затем вернулся к обеду. На другой день он объехал опять на осляти только что построенный большой каменный, или Белый, город, причем его осля часть пути вел сам Борис Годунов.

Убиение царевича Димитрия

Вопрос о наследнике был действительно самым жутким и острым для умной царицы Ирины; жуток и остер он был также и для безгранично развившегося честолюбия ее брата – Бориса Феодоровича Годунова, который отлично понимал, что, после смерти болезненного и бездетного Феодора, с воцарением Димитрия, хотя и сына седьмой жены Грозного, но всеми признаваемого за законного царевича, наступит полный конец его благополучию: власть перейдет в руки Нагих, сестра Ирина пострижется в монастыре, а ему лично предстоит в лучшем случае опала, а то – тюрьма или смерть.

Все это, разумеется, его сильно тревожило и, по обычаю того времени, заставляло усердно прибегать к волхвованию. Особенно жаловал Годунов какую-то ворожею Варвару, которая вместе с другими гадалками предсказала ему, что он будет царствовать, только недолго – «всего лишь семь лет».

По-видимому, с той же целью, и при этом обманным путем, он выманил в 1586 году из

Риги проживавшую там с малолетней дочерью вдову бывшего ливонского короля Магнуса – знакомую нам княгиню Марию Владимировну, а затем постриг ее и заточил в монастыре, где она скоро потеряла свою единственную дочь. Таким образом, и эта соперница была устранена.

Но, тем не менее, оставался в живых царевич Димитрий.

Нелюбовь Годунова к Димитрию выразилась не только в ссылке его в Углич, но даже и в запрещении поминать его на ектеньях; это, конечно, имело целью подчеркнуть, что он не настоящий царевич, как сын седьмой жены Грозного, почему и не может считаться в числе членов царского рода. Кроме того, в народе усердно распускались слухи, что малютка любит муки и кровь, с удовольствием смотрит на истязания животных и даже сам убивает их.

Димитрий вместе с матерью и ее братьями Нагими жил в Угличе под строгим надзором царских чиновников, конечно, безусловно преданных Годунову, во главе с дьяком Михаилом Битяговским; вместе с последним в Уг-

личе жил и сын его Данила, а также племянник – Никита Качалов. Битяговские были назначены в Углич по представлению окольного Андрея Лупп-Клешнина – преданнейшего Годунову человека, причем жена этого Лупп-Клешнина, урожденная княжна Волконская, была неразлучной приятельницей с царицей Ириною. Как рассказывают современники, Битяговский отличался зверским лицом и был послан в Углич нарочито с целью убийства Дмитрия, после того как Годунов получил отказ в этом от Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова, которым он предложил совершить преступление. Главная мамка царевича – Василиса Волохова, имевшая взрослого сына Осипа, была также ставленницей Бориса. 15 мая 1591 года царевича Дмитрия не стало. Однако узнать вполне достоверно, как именно произошла смерть царевича в Угличе, к сожалению, не представляется возможным. Здесь начинается великая темнота в жизни Московского государства, темнота, несомненно, созданная преступной рукой Бориса Годунова и поведшая роковым образом, как и предсказал Флетчер, к страш-

ной смуте, глубоко потрясшей все наше Отечество.

По всем вероятностям, смерть царевича произошла следующим образом: в субботу, 15 мая, царица Мария Нагая, не спускавшая глаз с своего сына, возвратилась с ним от обедни и собиралась обедать. В это время старшая мамка – Василиса Волохова – позвала Димитрия гулять во дворе. Это было, по принятому в том веке счету времени, в шестом часу дня, то есть как раз в то время, на которое указывал Афанасий Нагой в своем рассказе Горсею. Димитрий вышел с крыльца, причем, кроме Волоховой, с ним находились его кормилица Тучкова и постельница Колобова. Вслед за тем царица Мария, оставшаяся в горнице, услышала отчаянные крики женщин, на которые она тотчас же выбежала, и увидела сына, уже бьющегося в предсмертных судорогах с перерезанным горлом, в руках своей кормилицы.

По словам «Жития царевича», из которого мы помещаем здесь несколько рисунков, убийство его произошло так: Василиса Волохова вывела Димитрия за ручку на нижнее крыль-

цо, где передала его своему сыну Осипу Волохову, державшему в рукаве обнаженный нож. Осип повел его на середину двора и ласково спросил: «У тебя, кажется, государь, новое ожерельице?» Царевич доверчиво вытянул свою детскую шейку, чтобы ожерельице было лучше видно, и отвечал: «Это мое старое ожерелье». В то же мгновение убийца выхватил свой нож и вонзил его в подставленную шею, но, объятый страхом, горла вполне не перерезал, а кинулся бежать. Димитрий упал, обливаясь кровью. Видя это, кормилица Арина Тучкова, искренно ему преданная, кинулась к нему и припала на землю рядом с ним. На это и выбежала царица.

Очевидно, давно подозревая мамку Волохову в злом умысле, она прямо бросилась на нее и схваченным поленом начала бить по голове, громко крича, что царевича убил Осип Волохов вместе с молодым Даниилом Битяговским и Никитой Качаловым. На происшествие сбежались дворовые. Кто-то кинулся к соборной церкви Спаса и распорядился, чтобы ударили в набат, а другие разбежались по улицам с криками: «Чего сидите? Царя у вас

больше нет!» Слух об убиении царевича быстро разнесся. Первыми прискакали во дворец братья царицы – Михаил и Григорий Нагие, причем последний набросился также на Василису Волохову.

Тем временем соборный колокол продолжал звонить набат; в него звонил вдовый поп, обращенный в пономаря, по прозванию Огурец. Дьяк Михаил Битяговский, услышав набат, поспешил во дворец, причем по дороге пытался взойти на колокольню, чтобы прекратить звон, так как, по всей вероятности, догадывался, что он означал; но Огурец, в своем усердии, заперся в ней и продолжал звонить. Между тем огромная толпа народа успела уже собраться у дворца и находилась, разумеется, в величайшем возбуждении. Как только прибыл дьяк Битяговский, то Михаил Нагой тотчас же указал на него как на главного виновника преступления; Битяговский хотел спастись в стоящей во дворе Брусяной избе, но был вытащен из нее и тут же убит. Сына его Данила, с двоюродным братом Николаем Качаловым, думали скрыться в другой избе, но их тоже нашли и убили.

Наконец, нашли и Осипа Волохова. Царица указала на него как на убийцу, и он тоже тут же был лишен жизни. Рассвирепевший народ убил также несколько слуг Битяговского и посадских людей, пробовавших вступить за них. Всего было убито толпой двенадцать человек. Совершив эту расправу, жители Углича с беспокойством стали ждать, как взглянут на это дело в Москве, куда был отправлен гонец к царю с подробным донесением о случившемся.

Тело же убиенного царевича было положено в гроб и поставлено в Преображенском соборе.

По рассказу летописцев, когда гонец из Углича прибыл в Москву, то Борис Годунов заменил привезенную им грамоту – другою, в которой было сказано, что Димитрий зарезался сам, по недосмотру Нагих, и лично доложил ее государю, лицемерно проливая вместе с ним слезы о случившемся.

Затем, 19 мая, спешно выехали из Москвы лица, назначенные для производства следствия. Этими лицами были: всецело преданный Годунову окольныйчий Лупп-Клешнин, по

указанию которого был отправлен в Углич Михаил Битяговский, затем дьяк Вылузгин, крутицкий митрополит Геласий, также человек обязанный Годунову, и, наконец, боярин князь Василий Иванович Шуйский. Старший брат этого Шуйского, князь Андрей Иванович, был погублен, как мы видели, Годуновым, а другой брат – Димитрий Иванович – женат на родной сестре жены Годунова, на Екатерине Григорьевне Скуратовой; что же касается до самого Василия Ивановича, то он находился в большом подозрении у всеильного временщика и ежечасно ждал своей гибели.

Назначение Шуйского во главе следствия имело вид беспристрастия, так как Василий Иванович не был человеком, принадлежащим к числу близких людей Годунова, но вместе с тем Годунов, назначая его, конечно, отлично понимал, что Шуйский, оберегая себя, не посмеет идти против Лупп-Клешнина и покроет своим именем все его действия в Угличе.

Так, по-видимому, и случилось. По прибытии в Углич следователи осмотрели тело царевича, причем Лупп-Клешнин, увидя его, за-

трепетал, обливаясь слезами, и затем оно было тотчас же предано погребению.

Затем началось следствие. По рассказу летописцев, на вопрос Шуйского: «Каким образом Димитрий, от небрежения Нагих, заколол себя сам?» – все единогласно отвечали, что царевич был убит своими рабами Битяговскими и товарищами, по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, по приезде в Москву, Шуйский доложил государю, что царевич закололся сам, и представил следственное производство, сохранившееся до нашего времени.

По этому следственному производству выходило, что один только дядя царевича – Михаил Нагой, бывший будто бы в день убиения мертвецки пьяным, настаивал, что царевич убит; все же остальные, в том числе и брат Михаила – Григорий Нагой, – утверждали, как заученный урок, что царевич закололся сам, в припадке падучей болезни, играя с товарищами в какую-то игру – тычку, при которой употреблялся ножик. Особенно много распространялась про болезнь Димитрия Василиса Волохова. Показаний же матери царевича во-

все нет в следственном производстве.

Когда следователи вернулись в Москву, то был собран Духовный собор; по прочтении на нем следственного производства митрополит Геласий добавил: «Царица Марья, призвав меня к себе, говорила, что убийство Михаила Битяговского с сыном и жильцов – дело грешное, виноватое; просила меня довести ее челобитье до Государя, чтобы Государь тем бедным червям, Михаилу Нагому с братьями, в их вине милость показал».

Патриарх же Иов вынес такое решение Собора: «Перед Государем Михайлы и Григория Нагих и углицких посадских людей измена явная: царевичу Димитрию смерть учинилась Божьим судом; а Михаила Нагой Государевых приказных людей, дьяка Михаилу Битяговского с сыном, Никиту Качалова и других дворян, жильцов и посадских людей, которые стояли за правду, велел побить напрасно, за то, что Михаила Битяговский с Михайлом Нагим часто бранился за Государя, зачем он, Нагой, держал у себя ведуна, Андрюшу Мочалова, и много других ведунов. За такое великое изменное дело Михаила Нагой с бра-

тьею и мужики угличане, по своим винам, дошли до всякого наказания. Но это дело земское, градское, то ведает Бог да Государь, все в его Царской руке – и казнь, и опала, и милость, о том Государю как Бог известит».

Нагих привезли в Москву и крепко пытали; у пытки были сам Годунов, бояре и Лупп-Клешнин. Но, по свидетельству летописцев, Нагие и на пытке говорили, что царевич убит. Их разослали в заточение по дальним городам. Царица же Мария была пострижена в Выксинской пустыни, за Белоозером. С угличанами поступили также с беспощадной строгостью: до 200 человек было наказано смертью или отрезанием языка; многих посадили в темницы; большинство же было сослано в Сибирь для заселения города Пелыма. Самый колокол, звонивший набат, был отправлен в Тобольск, где находится и по настоящее время.

После этой расправы город Углич, бывший до того торговым и многолюдным, совершенно запустел и с той поры уже не поднимался.

Скоро, впрочем, внимание царя и народа было отвлечено в другую сторону. Убиение

царевича Димитрия произошло 15 мая, а 6 июня начался страшный пожар в Москве, причем выгорел весь Белый город. 4 же июля 1591 года, как мы видели, перед Москвой внезапно появились крымцы Сафа-Гирея. Хан на другой же день побежал назад, а погоревшим Годунов оказывал необыкновенные милости, с великой щедростью раздавая им деньги, «к себе вся приправливая и аки ужем привлекаше», но повсеместно упорно держался слух, что как пожар Москвы, так и набег хана были делом его рук, чтобы отвлечь внимание всех от убийства Димитрия.

С убиением Димитрия надежды Бориса на занятие престола, после смерти Феодора, конечно, значительно усилились. Правда, через год у царя родилась дочь Феодосия, но она скоро же умерла, вызвав общее горе и новые толки о том, что ее уморил Годунов. Обвиняла народная молва Годунова и в ослеплении престарелого великого князя Тверского Симеона Бекбулатовича, которого Грозный поставил в былые времена царем на Москве и который теперь ослеп.

Царь Борис

Через шесть лет после убиения Димитрия, в конце 1597 года, царь Феодор занемог смертельной болезнью и умер 7 января 1598 года. «Я вполне убежден, – говорит весьма правдивый голландец Масса, живший в это время в Москве, – в том, что Борис ускорил его смерть, при содействии и по просьбе своей жены, желавшей скорее сделаться царицей». Такие же толки упорно ходили и в народе.

Дошедшие до нас сведения о подробностях кончины Феодора Иоанновича сбивчивы. По некоторым сказаниям, когда бояре приступили к нему с вопросом, кому царствовать после него, то он передал скипетр своему двоюродному брату Феодору Никитичу Романову, но тот отказался и вручил скипетр следующему брату, Александру; Александр, в свою очередь, передал его третьему брату, Ивану, а от того он был передан и четвертому – Михаилу; Михаил тоже отказался и передал дальше; в конце концов, скипетр опять попал в руки царя. Тогда умирающий сказал: «Возьми же

его, кто хочет; я не в силах более держать»; в это мгновение Борис Годунов протянул свою руку и взял его.

По другим сведениям, на вопрос патриарха и бояр: «Кому Царство, нас, сирот, и свою Царицу приказываешь?» Феодор отвечал тихим голосом: «Во всем Царстве и в вас волен Бог: как Ему угодно, так и будет; и в Царице моей Бог волен, как ей жить, и об этом у нас уложено». Наконец, есть также свидетельство, что «после себя великий Государь оставил свою благоверную великую Государыню Ирину Феодоровну на всех своих великих государствах».

Как бы ни было, вслед за кончиной Феодора власть тотчас же перешла к царице, и ей беспрекословно присягнули.

Народ, услышав весть о смерти государя, толпами шел в Кремль; все выражали свою глубокую скорбь, и многие горько рыдали.

Феодор Иоаннович был последним царем из дома Рюрика, давшего столько великих государей Русской земле. Непомерное напряжение всех сил на пользу Родине, которое служило отличительной их чертой на протяже-

нии веков, по-видимому, привело в его лице царский род к истощению, или, как теперь говорят, к вырождению.

Крайняя впечатлительность и чрезмерная страстность и раздражительность Иоанна Грозного являлись, вероятно, также признаками уже начинающегося вырождения в потомстве Иоанна Калиты. Потеряв одно из отличительных свойств своих предков — большой ясный ум и исключительные способности к занятию государственными делами, царь Феодор все же полностью сохранил другие качества, отличавшие Рюриковичей: великое благочестие, сердечную доброту и большое душевное благородство.

Рассматривая его изображение, мы поражаемся, по первому взгляду, некрасивыми и болезненными чертами лица Феодора, но затем находим в них чрезвычайно кроткое и милое выражение и начинаем понимать, почему смиренно-блаженный царь мог привлекать к себе сердца всех своих подданных.

Хилый и неспособный к правлению, он оставался все-таки с головы до ног царем. Такое же благоприятное впечатление произво-

дил он и на многих иностранцев. Горсей, описывая свое представление Феодору, рассказывает: «Царь говорил мало, но держал себя хорошо».

Усопшего государя похоронили, по обычаю, на другой день смерти в Архангельском соборе. Царица Ирина была неутешна; она громко причитала над гробом, восклицая между прочим: «Увы мне, смиренной вдовице, без чад оставшейся... мною бо ныне единою ваш Царский корень конец приял».

На девятый день после смерти мужа Ирина удалилась в Новодевичий монастырь, решительно отказавшись от царства, несмотря на все просьбы патриарха и бояр, и вскоре постриглась с именем Александры. Наступило небывалое время в Московском государстве – оно осталось без царя. Во главе всего правления стал патриарх, хотя указы и продолжались писаться от имени царицы.

Вопрос же об избрании нового царя оставался открытым до истечения сорокового дня после кончины Феодора.

В ожидании этого «немедленно закрыли границы государства, – говорит наш извест-

ный историк С. Ф. Платонов, – никого через них не впуская и не выпуская. Не только на больших дорогах, но и на тропинках поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывез вестей из Московского государства в Литву и к немцам... Избрание Царя должно было совершиться не только без постороннего участия и влияния, но и в тайне от посторонних глаз. Никто не должен был знать, в какой обстановке и с какой степенью единодушия будет избран новый московский Государь».

Вместе с тем было приказано съезжаться в Москву со всего государства членам созываемого собора для выбора нового царя.

Князья Шуйские, как прямые потомки Александра Невского, имели бы несомненно наибольшие права на престол, если бы было решено выбрать царя непременно из потомков Рюрика. Об этом, как увидим впоследствии, Ян Замоиский вполне определенно высказывался на сейме в Польше.

Имели также большие права на престол и Романовы, как двоюродные братья почившего Феодора и как члены знаменитой боярской семьи, на протяжении столетий прославив-

шей себя особой верностью московским государям и целым рядом выдающихся заслуг на пользу Родине.

Однако всем было ясно, что все клонилось к избранию Годунова. Этого, прежде всего, страстно желала сама царица-инокиня. Патриарх Иов, всецело обязанный Борису, конечно, также открыто стоял на его стороне и сам говорил, что имел по этому поводу немалые неприятности: «В большую печаль впал я о преставлении сына моего, царя Феодора Иоанновича; тут претерпел я всякое озлобление, клеветы, укоризны, много слез пролил я тогда».

Когда дьяк Василий Щелкалов объявил собравшемуся в Кремле народу о пострижении царицы, требуя присяги на имя Боярской думы, то ему отвечали из толпы: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу», а затем раздались голоса: «Да здравствует Борис Феодорович!»

Сам патриарх с духовенством, боярами и гражданами отправился просить царицу Ирину благословить брата на царство, так как при царе Феодоре «он же правил и все содер-

жал милосердным своим премудрым правительством по вашему Царскому приказу». С такой же просьбой обратились и прямо к Годунову.

По-видимому, Борис отказывался так упорно, выжидая созыва великого Земского собора, вполне уверенный, что никто иной, кроме него, не будет избран.

Собор этот собрался в Москве 17 февраля. На него было созвано 474 человека – в том числе только 33 выборных от городов; остальные же принадлежали к духовенству, зависящему от патриарха Иова, и к служилому люду различного звания, в числе которого, как мы видели, большинство состояло из сторонников Годунова.

Собор был открыт речью патриарха Иова; в ней он прямо заявил, что надо выбрать Бориса Феодоровича, и заявил это не только от себя, но и от всего собора: «А у меня, Иова-патриарха, митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего освященного Вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и у всех православных христиан, ко-

торые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам мимо Государя Бориса Феодоровича иного Государя никого не искать и не хотеть».

На эту речь собор тотчас же единогласно постановил: «Неотложно бить челом Борису Феодоровичу и кроме него никого на государство не искать».

18-го и 19 февраля в Успенском кремлевском храме были отслужены торжественные молебствия, чтобы Бог даровал на царство Бориса Феодоровича, а 20-го, в понедельник, на Масленице, Иов со всем духовенством, боярами и всенародным множеством отправились в Новодевичий монастырь, где проживал Борис у сестры, и со многими слезами и челобитием молили его принять избрание.

Но он по-прежнему отвечал решительным отказом.

По некоторым дошедшим до нас известиям, Борис так долго отказывался от престола потому, что бояре хотели, чтобы он подписал грамоту, ограничивающую его права; не желая им отказать прямо, он и выжидал, чтобы народная толпа как бы насильно заставила

его принять царство. При этом будто бы Шуйские, после ряда его упорных отказов, подняли вопрос о том, что неприлично более его упрашивать, а надо приступить к избранию другого царя; это и побудило Иова двинуться 21 февраля с крестным ходом в Новодевичий монастырь, подняв все чудотворные иконы. По тем же известиям, народ почти насильно сгонялся приставами для участия в крестном ходе, и эти же пристава давали ему знать, когда надо падать на колени и начинать рыдать, причем нежелающих били без милости: «Пристава понуждали людей, чтобы с великим кричанием вопили и слезы точили. Смеху достойно! Как слезам быть, когда сердце дерзновения не имеет? вместо слез глаза слюнями мочили».

Эти известия об истинной обстановке избрания Бориса на царство, расходящиеся с приведенным выше рассказом из «Утвержденной грамоты», составленной Иовом, по видимому, справедливы, так как Иов, в чрезмерном угодничестве Борису, не постеснялся, несмотря на свой высокий сан патриарха, прибегнуть и к явной лжи, сказав в «Собор-

ном определении об избрании царем Бориса Феодоровича Годунова», что Иоанн Грозный на своем смертном одре обратился к Борису со словами: «Тебе предаю с Богом сына моего (Феодора Иоанновича), благоприятен буди к нему до скончания живота его; по его представлении – тебе приказываю и царство его».

Как бы то ни было, Борис Годунов стал царем, и царем вполне законным, как избранный общеземским собором, созванным на совершенно законных же основаниях.

Но, конечно, длинный путь преступлений, лицемерия и ложных клятв, по которому он шел для достижения престола, не мог давать ему надежды, что Господь благословит его царствование; пособничество патриарха-лжеца и влияние супруги – царицы Марии Григорьевны, дочери Малюты Скуратова, по словам Исаака Массы, – женщины жестокой, с сердцем ветхозаветной Иезавели, также не могли сулить добра.

Отсутствие у новоизбранного царя истинного благородства и величия духа, столь необходимых для государей, и замена их личиной лицемерия – должно было, несомненно,

иметь на сердца его подданных самое развращающее влияние.

Вскоре после избрания Бориса была назначена присяга. В этой записи, состоящей из 2066 слов, ясно сквозило недоверие Бориса как к справедливости своего собственного избрания, так и к верности своих новых подданных; чтобы обязать их к этой верности, он подробно перечислил в записи все виды зла, какие могли быть сделаны ему и его семье; запись эта показывает нам совершенно ясно, каким мелочным, суеверным и подозрительным человеком он был.

Так, присягавшие, между прочим, должны были клясться: «Также мне над Государем своим, Царем и Великим Князем Борисом Феодоровичем всея Руси, и над Царицей и Великой Княгиней Марьею, и над их детьми, над царевичем Феодором и над царевной Оксиньей, в естве и питье, ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, и зелья лихого и коренья не давати, и не велети мне никому зелья лихого и коренья давати, а кто мне учнет зелье лихое или коренье давати, или мне учнет кто гово-

рити, чтобы мне над Государем своим... и над Царицею, и над их детьми... какое лихо кто похочет учинити, или кто похочет портити, и мне того человека никако не слушати... да и людей своих с ведовством, да и со всяким лихим зельем и с кореньем не посылати и ведуннов и ведуний не добывати... на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати и следу не выимати, ни которыми делы, ни которою хитростью... а кто такое ведовское дело похочет мыслити или делати, и язто сведаю, и мне про того человека сказати, Государю своему... или его боярам или ближним людям, а не утаити мне про то никак ни которыми делы; а у кого уведаю или с стороны услышу у какого человека нибудь, кто про такое дело учнет думати и умышляти... и мне того поимати и привести к Государю... или его боярам, или к ближним людям...»

Не был также забыт в подкрестной записи и несчастный слепец Симеон Бекбулатович: «Также мне, мимо Государя своего... Царя Симеона Бекбулатова и его детей, и иного никого, на Московское государство не хотети виде-

ти, ни думати, ни мыслити, не семьбитись, не дружитись, не ссылатись с царем Симеоном, ни грамотами, ни словом не приказывати, на всякое лихо, ни которыми делы, ни которою хитростью...»

Конечно, клятва – по приведенной выше подкрестной записи – не способствовала развитию чувства любви людей Московского государства к своему новому государю.

Не менее необычно было первое выступление царя Бориса и в воинском деле.

1 апреля пришла весть, что крымский хан идет на Москву. Весть эта, по мнению некоторых современников, была пущена самим же Борисом, чтобы, по словам Н. М. Карамзина, «доказать, что безопасность Отечества ему дороже короны и жизни». Он немедленно выступил в поход, приказав собираться войскам к Серпухову, где скоро в огромном лагере сосредоточилось, как говорят, до 500 000 человек.

Борис непрерывно объезжал собранное здесь воинство и награждал его с несказанной щедростью; почти ежедневно у него обещало до 70 000 человек. Воеводам же передо-

вых полков и начальникам степных крепостей новый царь послал сказать: «Я стою на берегу Оки и смотрю на степи: где явится неприятель, там и меня увидите»; вместе с тем велено было «спросить о здоровье» всех начальных людей, что делалось прежними московскими государями только в знак особой награды после одержанной большой победы.

Между тем, вместо крымской рати, разъезды наши обнаружили совершенно мирное посольство от хана, который был в неладу с турецким султаном, а потому искал дружбы Москвы. Тогда Борис совершил поступок, совершенно недопустимый для воина: он приказал стрелять из пушек ночью, чтобы напугать прибывших, а затем их привели к нему сквозь тесные ряды пехоты и конницы.

Обласкав послов, Борис задал роскошный пир своему пятисоттысячному воинству, причем все военачальники были опять очень щедро одарены; сделано это было, конечно, с тем, чтобы привязать их к себе. Но расчет оказался не верен: «Они все, – говорит летописец, – видя от него милость, обрадовались,

чаяли и вперед себе от него такого же жалования».

Так поставил себя Борис с первых же шагов своего царствования по отношению к военно-служилому сословию: награды за подвиги на поле брани, которыми жаловали своих доблестных воинов прежние государи, превратились в задабривание войск, пользуясь для этого первым удобным случаем – благополучным окончанием смехотворного похода против несуществующего противника.

В Москву из-под Серпухова Борис вернулся победителем; весь город вышел ему навстречу, как некогда Иоанну, после завоевания Казани. Патриарх Иов приветствовал его речью, начинавшейся словами: «Богом избранный, Богом возлюбленный Самодержец! Мы видели славу твою. Государство, жизнь и достояние людей целы; а лютые враги, преклонив колена, молят о мире! Ты не скрыл, но умножил талант свой в сем случае удивительном, ознаменованном более нежели человеческою мудростью...»

1 сентября состоялось с необычайной пышностью венчание на царство нового царя.

Первые два года царствования Бориса прошли, по отзывам современников, очень благополучно. Новый царь старался угодить всем. Он приказал выдать тройной оклад жалованья стрельцам, дьякам и прочим служилым людям. Весь сельский народ был освобожден от податей на один год, а инородцы — от платежа ясака на тот же срок. В Новгороде, по просьбе жителей, были закрыты два казенных кабака, от которых они терпели убытки и оскудение. Была также облегчена участь и некоторых опальных предыдущего царствования.

Особенную же ласку и заботу проявил Борис по отношению к иностранцам.

Немец Бер с восторгом рассказывает о милостях, которые он оказал прибывшим в Москву ливонцам, вынужденным покинуть родину вследствие тягостных для них порядков, заведенных в ней поляками. Никто из них не истратил ни гроша во время своего пути в Москву; здесь же они были торжественно приняты самим царем.

В своей приветственной речи Борис сказал им между прочим: «Меня трогает несчастье,

которое принудило вас покинуть родину, – вы получите втрое более того, что потеряли в своем отечестве. Вас, дворяне, я сделаю князьями, вас, граждане, – боярами... одарю вас землею, слугами, работниками... одену в бархат, шелк и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; я вам не Царь, не господин, а истинный отец... Присягайте только Богом и верою своею не изменять ни мне, ни сыну моему... не скрывать, если узнаете какой против меня замысел; не посягать на мою жизнь ни ядом, ни чародейством...»

Когда ливонцы присягнули, Борис продолжал: «Молитесь, немцы, Богу о моем здоровье; пока я жив, вы не будете ни в чем нуждаться» и, указав на жемчужное ожерелье свое, промолвил: «И этим поделюсь с вами».

Затем все немцы были наделены денежными подарками, одеждой, соболями, землей и крестьянами; даже каждый из их слуг получил по 15 рублей в подарок, столько же в жалованье, разные ткани, небольшую связку соболей и по 300 четвертей земли с 20 крестьянами. Большинство из немцев поступило затем в особый иноземный отряд царских тело-

хранителей, который составил Годунов, не доверявший своим русским.

Огромные льготы приобрели также ливонские купцы, прибывшие в Москву еще при Иоанне Грозном; мало того что они были освобождены от всех повинностей, каждый из них получил ссуду по 300–400 рублей без роста и срока возврата, при условии не покидать России без позволения и не распускать за границей дурных слухов о Борисе.

Наибольшим же почетом у нового царя, трепетавшего за здоровье свое и своих детей, Феодора и Ксении, пользовались врачи-иностранцы, которых было шесть; он позволил им даже построить лютеранскую божницу; это была первая инославная церковь в Московском государстве.

Думал Борис завести в Москве и высшую школу с иностранными учителями, но это не состоялось, ввиду того что многие из духовенства высказывали по этому поводу свое неудовольствие; он ограничился лишь посылкой нескольких молодых людей учиться за границу.

Нельзя сказать, чтобы в своих записках,

оставленных иноземцами-современниками, посетившими Россию, все они были бы очень благодарны Борису за его отменное расположение к ним; многие из них бранят его, так же как и все московские порядки; но, впрочем, есть и такие, которые поминают добром русских людей. К числу последних следует отнести голландца Геритт де Вера, предпринявшего несколько путешествий в наши северные владения – на Новую Землю, для торговли и охоты, причем однажды он и его сородичи совершенно уже погибли и были спасены лишь отважными русскими людьми, бесстрашно отправившимися им на помощь и привезшими запас продовольствия.

Ставши царем, Борис не мог настолько возвыситься духом, чтобы отважиться на какой-либо крупный шаг на пользу своего государства.

При его воцарении между Швецией и Польшей шла жестокая борьба: Сигизмунд воевал с дядей своим Карлом, которого он считал похитителем отцовского престола. Таким образом, союз этих двух государств, обещавший нам столько бед, не только рухнул,

но каждое из них было бы радо иметь Москву на своей стороне, чтобы успешнее бороться с другим. Конечно, этим благоприятным обстоятельством необходимо было воспользоваться с целью вернуть утраченную Ливонию. Заключив открытый союз или со шведами против Польско-Литовского государства, или с Сигизмундом против Карла, мы, несомненно, получили бы значительную часть морского побережья за предложенную помощь. Но Годунов не имел нужной твердости духа для такого решения.

Следуя внушению своей природы, он и тут прибег к лицемерию: пугал шведов своим союзом с поляками, а последних – союзом со шведами и, разумеется, не достиг ничего. Мало того, своим уклончивым и неискренним поведением он сильно возбудил против себя польского посла – литовского канцлера Льва Сапегу, прибывшего в 1600 году в Москву с предложением мира и полного союза, а эта нелюбовь Сапеге к Борису имела в будущем для последнего немалое значение. Не мог быть доволен им и Карл Шведский. Вместо того чтобы настоять путем переговоров воз-

вращения нам Нарвы, Борис желал достигнуть этого коварством: он подкупил нескольких нарвских жителей, которые должны были отворить ворота и впустить русских. Но заговор был открыт своевременно шведами, казнившими виновных.

Не удался также замысел Бориса образовать из Ливонии государство, подвластное России, посадив там правителем иностранного принца, женатого на русской, подобно тому, как это задумал Грозный по отношению Магнуса, женив его на княжне Марии Владимировне.

Для этой цели Борис пригласил в 1599 году в Москву принца Густава Шведского, сына короля Эрика XIV, сверженного братом Иоганном, и хотел женить этого Густава на дочери своей Ксении. Но Густав оказался человеком неподходящим: видя, как за ним ухаживает Борис, он скоро до крайности возгордился, стал держать себя надменно и наотрез отказался принять православие; мало того, он выписал из-за границы большое число своих прислужников и какую-то замужнюю немку, которую возил по Москве в карете с превели-

кой пышностью.

Убедившись в полной непригодности Густава, Борис отправил его в разоренный Углич, который дал ему в удел.

Тем не менее, страстно желая породниться с каким-нибудь иностранным царствующим домом, он продолжал свои хлопоты, чтобы найти для дочери жениха за границей; наконец таковой нашелся в лице младшего брата датского короля Христиана IV – герцога Иоанна.

В августе 1602 года жених был встречен в Ивангороде боярином Михаилом Салтыковым и думным дьяком Афанасием Власьевым, после чего он прибыл 19 сентября с большим торжеством и великолепием в Москву, где ему навстречу высыпал весь город в праздничном одеянии.

В тот же день состоялся большой обед в Грановитой палате, причем из устроенного около ее верхней части тайника царевна Ксения с матерью смотрели на жениха. Иоанн был высокий, красивый юноша, скромный и благонравный. Но, к сожалению, не прошло и месяца после его приезда, как он заболел от

неумеренности в пище, а затем и умер. Горесть бедной Ксении и Бориса была, конечно, очень велика.

Окончилось также полной неудачей и другое предположение Бориса: найти невесту для сына и жениха для дочери среди детей владетельных единоверных нам князей Грузии, один из которых, Александр Кахетинский, предлагал было свое подданство царю Феодору Иоанновичу. Этот Александр, теснимый могущественным персидским шахом Аббасом Великим, вынужден был признать себя его подручником и позволил своему сыну Константину принять магометанство.

Аббас Великий дружил с Борисом Годуновым и послал ему в подарок великолепный трон, осыпанный драгоценными камнями, но с неудовольствием смотрел на упрочение связей Грузии с Москвой; по его тайному приказу омусульманенный Константин убил своего отца Александра и занял его престол; вместе с тем и отряд наш, посланный против врага Александра – шамхала Тарковского и изгнавший последнего из Тарков, был затем вероломно окружен многочисленным скопищем

кавказских горцев и почти поголовно истреблен, причем русских погибло до 7000 человек.

Сношения наши с немецким императором Рудольфом II не имели в описываемое время существенного значения, но и в них Борис держал себя не с должным достоинством. Не зная, по-видимому, что между Сигизмундом Польским и Рудольфом состоялся тесный союз, скрепленный браком первого с австрийской принцессой, Борис старался их поссорить, для чего поручил своему посланнику, думному дьяку Афанасию Власьеву, наговаривать Рудольфу на Сигизмунда; конечно, наговоры эти ни к чему не привели, но, без сомнения, произвели невыгодное впечатление на австрийский двор.

Отношения с Елизаветой Английской продолжали по-прежнему быть очень дружественными. Елизавета ревниво следила за тем, чтобы не потерять особых выгод, приобретенных ею в России для своих купцов, и всячески льстила Борису.

Когда в 1600 году в Англию прибыл наш посол дворянин Микулин, то ему оказывались отменные почести; Микулину разре-

но было пристать на реке Темзе в том месте, где приставала только королева, а за обедом Елизавета посадила его рядом с собой, причем все остальные английские вельможи присутствовали на нем стоя; после же стола королева, вымыв руки, велела подать умывальник и Микулину. Умный Микулин с достоинством отвечал на это, что так как его великий государь зовет королеву своей любимой сестрой, то ему перед ней умывать рук не годится.

Так же хорошо держал себя он в Англии и в другом случае: когда его пригласили обедать к лондонскому лорд-мэру (городскому голове) и сказали, что, по старинному английскому обычаю, тот сядет выше его, так как всегда садится выше всех послов, то Микулин отказался ехать и отвечал: «Нам никаких государств послы и посланники не образец; великий Государь наш над великими славными государями высочайший великий Государь, самодержавный Царь. Если лорд-мэр захочет нас видеть у себя, то ему нас чтить для имени Царского Величества, и мы к нему поедем; а если ему чину своего порушить и меня ме-

стом выше себя почитать нельзя, то мы к нему не поедем». – И не поехал.

Елизавета же, узнав о неудачных попытках Бориса найти жениха и невесту среди царствующих европейских домов для своих детей, предложила ему сосватать подходящих лиц среди семей, родственных с Английским королевским домом, но, ввиду ее смерти, последовавшей в 1603 году, переговоры об этом не привели ни к чему.

Конечно, неудачи в устройстве соответствующих браков своих детей должны были сильно отзываться на Борисе; дети эти, по отзыву современника, князя Катырева-Ростовского, были «чудные отрочата», получившие тщательное воспитание; особенно старался Борис возбудить любовь среди подданных к сыну своему Феодору, для чего при всяком удобном случае выставлял его защитником и миротворцем. Но старания приобрести себе и своей семье народную любовь были напрасны; они разрушались самим же Борисом. Став царем, он остался таким же малодушным и подозрительным, как и был. Цenia всех людей на свою мерку, он всюду видел измену и коз-

ни, причем для пресечения их прибегал к средствам, ярко рисуящим, как мы видели по подкрестной записи на верность, его невысокий нравственный облик.

Подданные Годунова были, конечно, еще более чем удивлены, когда последовало необычайное распоряжение, которым приказывалось читать всем в частной домашней жизни, во время стола, особую молитву о Борисе – при питии заздравной чаши, чтобы он, Борис, «единый подсолнечный христианский Царь, и его Царица и их царские дети на многие леты здоровы были и счастливы, недругам своим страшны... а на нас бы, рабах его, от пучины премудрого его разума и обычая и милостивого нрава неоскудная река милосердия изливалась выше прежнего».

Гораздо хуже была другая мера Бориса. Стремясь узнать тайные мысли своих врагов, которые ему мерещились повсюду, он развил до крайних пределов доносы и шпионство, что, конечно, не замедлило оказать самое развращающее влияние на население и вместе с тем возбудило против царя неудовольствие всех благомыслящих людей.

Особенно поощрял он доносы слуг и холопов на своих господ; один из таких холопов князя Шестунова донес о чем-то на последнего, и по-видимому несправедливо, так как Шестунова не постигла ни кара, ни опала; но, тем не менее, доносчику за его усердие было сказано жалованное царское слово перед всем народом на площади, а затем его наградили поместьем и велели служить в боярских детях.

С этого времени доносы со стороны прислуги приняли страшные размеры; оговариваемые ею господа шли в ссылку и тюрьмы, а холопы получали за это деньги и земли от Бориса. Таких же доблестных слуг, которые оставались верными своим господам и, несмотря на пристрастные допросы, не оговаривали их, — тех мучили пытками и огнем, резали им языки, сажали по тюрьмам и казнили. Скоро доносами стали заниматься не одна только прислуга, но и люди знатного происхождения, потомки Рюрика; мужчины доносили друг на друга Борису, а женщины — царице.

По словам летописца, Годунов послал его

на поле ставить город царев Борисов. При выполнении поручения Бельский, человек богатый и щедрый, сумел расположить к себе множество рабочих и ратных людей. Скоро Годунову донесли, что Бельский величает себя царем Борисовским. Он расвирепел, приказал его схватить, разорить и сослать в тюрьму, подвергнув при этом позорному наказанию: один из иноземных вырвал у Бельского по волоску его длинную густую бороду.

Затем доносы сделали свое дело и относительно семьи братьев «Никитичей». Мы видели, какие большие права имели они на стол после смерти Феодора Иоанновича, вследствие чего сложился даже рассказ, что царь Феодор, умирая, вручил свой царский жезл Феодору Никитичу, но, «чтобы избавить свое любезное отечество от внутренних междоусобий и кровопролитий, Феодор Никитич, – говорит Исаак Масса, – знавший, что он своими действиями может причинить отечеству великую опасность, передал корону и скипетр Борису».

Вообще, по всем отзывам, братья Никитичи отличались всеми высокими душевными

свойствами, искони присущими членам благородного рода Кобылиных-Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых-Романовых.

По-видимому, опасаясь коварства Бориса Годунова, Никита Юрьевич Романов перед своей кончиной и устроил, как мы говорили, между ним и своими сыновьями «завещательный союз» дружбы и вверил первому «о чадах своих соблюдение». Но, конечно, этот дружеский союз не мог защитить Никитичей от злобы Бориса, как только последний признал необходимым их погубить для своего спокойствия.

По словам летописца, произошло это так: один из дворовых людей Александра Никитича, Второй Бартенев, пришел тайно к дворецкому Семену Годунову и объявил ему, что готов исполнить царскую волю над своим господином. По приказу Бориса Бартенев с Семеном Годуновым положили в мешок разных кореньев и подкинули их в кладовую Александра Никитича, а затем Бартенев донес, что его господин держит у себя отравное зелье.

После этого все Романовы были заключены под стражу со своей родней и друзьями:

князьями Черкасскими, Шестуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Затем братья Никитичи и их племянник князь Иван Борисович Черкасский не раз были подвергнуты пытке. Пытали также и их людей, как мужчин, так и женщин, требуя, чтобы они показывали против своих господ. Но те, однако, ничего не показали.

Тем не менее, в июне 1601 года состоялся над Романовыми и их близкими приговор: Феодор Никитич, как старший, а потому наиболее опасный соперник на престол в глазах Бориса, был насильно пострижен под именем Филарета и сослан в Антониев Сийский монастырь на Северной Двине; нежно любимая жена его Ксения Ивановна, из рода Шестовых, была также насильно пострижена с именем Марфы и отправлена в один из Заонежских погостов; ее же шестилетний сын Михаил с маленькой сестрой были отняты от матери и сосланы на Белоозеро вместе с теткой их Настасьей Никитичной, мужем ее, князем Борисом Черкасским, и женой Александра Никитича; сам Александр Никитич был сослан к Белому морю в Усолье-Луду; Михаил Ники-

тич – в Ныробскую область Великой Перми, а Василий Никитич – в Яренск. Остальные их родственники и друзья были также разосланы по отдаленным местам.

Из пяти братьев Никитичей только двое пережили ужасы ссылки: невольный инок Филарет и Иван Никитич; Александр же, Михаил и Василий скончались почти одновременно – в феврале и марте 1602 года. Народная молва тогда же обвинила в их смерти Бориса Годунова. В дошедшем до нас деле об их ссылке нигде не видно, чтобы Годунов отдавал подобное приказание; приставам при узниках велено было только строго следить за тем, чтобы они не убежали и ни с кем не могли иметь сношений, причем о всяких мало-мальски подозрительных словах их приказывалось доносить в Москву.

Но этим же приставам могло быть дано словесно и тайное поручение: держать заключенных в возможно большей тесноте и лишениях, причем, в случае их смерти, большой беды себе не ждать. На последнее предположение наводит зверское поведение пристава, состоявшего при Василии Никитиче и само-

вольно оковавшего его железными цепями. Василий Никитич, находясь уже при последнем издыхании, был переведен в Пелым и содержался вместе с больным своим братом Иваном. «Взял я твоего Государева изменника Василия Романова больного, чуть живого, – доносил о его смерти Годунову пристав, – на цепи, ноги у него опухли; я, для болезни его, цепь с него снял, а сидели у него брат его Иван да человек их Сенька; и я ходил к нему и попа пускал; умер он 15 февраля... а изменник твой Иван Романов болен старой болезнью, рукой не владеет, на ногу немного прихрамывает».

Еще ужаснее была судьба Михаила Никитича. Этот богатырь по силе и по росту и святой по жизни человек был заточен в селе Ныробе, причем пристав оковал его двухпудовыми цепями и заключил в тесную яму, где он, по-видимому, умер от голода. Сердобольные крестьяне тайно подавали ему пищу некоторое время, но затем были в этом пойманы, и пять человек из них пострадало.

Мощи Михаила Никитича были обретены нетленными в 1606 году; среди же жителей

села Ныроба, несмотря на то, что со времени его кончины прошло более трехсот лет, до сих пор жива память о его страданиях, и он почитается ими святым. Ежегодно тысячи богомольцев приходят помолиться в Ныробской часовне у ямы, где был замучен Михаил Никитич, а в 1902 году небогатые жители этого села собрали 6000 рублей серебром, чтобы поставить колокол в его память, весом в 300 пудов.

Одним из доказательств, что смерть Михаила Никитича входила в намерение Годунова, служит то обстоятельство, что истязавший его пристав Роман Тушин получил вслед за его кончиною повышение, будучи назначен воеводою в Туринск.

Несладко жилось и Филарету Никитичу, который, вероятно, был оставлен Борисом в живых, как уже постриженный в иночество, а потому и почитавшийся не опасным, наравне с братом своим Иваном, хромым и не владевшим рукой.

Пристав Воейков, состоявший при Филарете в Сийском монастыре, строго следил за ним, расспрашивал каждого, кто имел с ним

какой-либо разговор, и обо всем доносил в Москву Борису, но ни о чем подозрительном донести не мог.

В 1601 году Московское государство постигло страшное бедствие: вследствие полного неурожая наступил неслыханный голод, продолжавшийся целых три года.

От недостатка пищи люди щипали траву и ели сено, как скот; случалось, что дети поедали своих родителей, а родители – детей; от голода помирало великое множество народа, причем иногда у мертвых во рту находили навоз. Скоро наступило и моровое поветрие – холера, от которой в одной Москве погибло, как говорят, до 500 000 человек.

Борис старался помочь голоду самой щедрой раздачей денег бедным; но это только усилило бедствие: узнав про милостыню, раздаваемую царем, толпы народа хлынули со всех сторон в Москву; сюда шли и те, которые смогли бы прокормиться на местах. От этого, разумеется, нужда в столице еще усилилась, а Борис, видя, что, вследствие предпринятой им раздачи денег, народ со всего государства стремится на явную смерть в Москву, решил

прекратить эту раздачу, что повело к еще большим бедствиям.

Наступившей страшной нуждой старались воспользоваться некоторые алчные и жестокосердные люди, обладавшие большими запасами хлеба в зерне; они тщательно берегли его, ожидая еще большего повышения цен. «Даже сам патриарх, – рассказывает Исаак Масса про Иова, – имея большой запас хлеба, говорил, что он не хочет еще продавать его в ожидании цен».

Но, к счастью, наряду с такого рода лютыми корыстолюбцами, в эти бедственные времена были и люди, стяжавшие себе память высокими подвигами милосердия. К числу их принадлежала Ульяна Устиновна Осорьина, вдова зажиточного дворянина, причтенная нашей Церковью к лику святых под именем Праведной Юлиании Лазаревской (по месту погребения в с. Лазареве, близ Мурома).

«Это была простая обыкновенная добрая женщина Древней Руси, – говорит про нее известный русский историк В. Ключевский, – боявшаяся чем-нибудь стать выше окружающих. Она отличалась от других разве только

тем, что жалость к бедному и убогому – чувство, с которым русская женщина на свет родится, – в ней было тоньше и глубже, обнаруживалось напряженнее, чем во многих других... Еще до замужества, живя у тетки, по смерти матери, она обшивала всех сирот и немощных вдов в ее деревне, и часто до рассвета не гасла свеча в ее светлице». Таким же милосердием отличалась Ульяна Устиновна и во все время своего супружества. «Бывало, ушлют ее мужа на царскую службу куда-нибудь в Астрахань, года на два или на три. Оставшись дома и коротая одинокие вечера, она шила и пряла, рукоделье свое продавала и выручку тайком раздавала нищим, которые приходили к ней по ночам...»

Страшный голод, наступивший в 1601 году, застал Ульяну Устиновну совершенно неприготовленной. Сама она не сжала ни одного зерна со своих полей. Но это нисколько не повлияло на нее. Она распродала все, что могла, и на деньги эти покупала хлеб для раздачи нищим.

Голод стал стихать к 1604 году, когда Борис догадался предпринять соответствующие ме-

ры: послали скупать хлеб в отдаленные местности, где он сохранился в большом количестве, и продавать его затем за половинную цену в Москве и других городах. «Бедным же вдовам, сиротам и особенно немцам, – говорит С. Соловьев, – отпущено было большое количество хлеба даром».

Вместе с тем, чтобы дать работу собравшимся в Москве людям, Борис предпринял большие постройки: он велел сломать деревянные палаты Иоанна Грозного в Кремле и возвел каменные. Наконец, обильный урожай 1604 года положил конец бедствию. Но последствия его были крайне тяжелы: кроме общего обеднения, нравственность народа, и без того подорванная доносами и другими мероприятиями Годунова, пала от ужасной нужды и сопровождавших ее безурядиц до крайней степени.

Брестская уния

Перед тем чтобы продолжать наш рассказ о новых, необычайных событиях, наставших в жизни Московского государства, нам необходимо сделать краткий очерк положения дел в Польско-Литовском королевстве к этому времени.

Попавший всецело в руки иезуитов, король Сигизмунд наделал ряд крупных промахов: мы видели, что, вследствие своей религиозной нетерпимости, он лишился отцовского престола в Швеции, которым овладел его дядя – Карл IX, причем возникшая между ними война затянулась на долгое время и была несчастлива для поляков, не сумевших помешать шведам утвердиться в значительной части Ливонии.

Также под влиянием иезуитов, Сигизмунд заключил тайный договор с Австрией, на условиях, явно не выгодных для Польши; это вызвало крупную ссору между ним и польскими сенаторами, призвавшими его на сейм в 1592 году, на котором он был подвергнут настоящему следственному допросу и должен

был выслушать крайне оскорбительные упреки от Яна Замойского, Радзивилла, примаса епископа Карнковского и других.

Во время своей коронации в Кракове Сигизмунд торжественно присягнул охранять свободу вероисповедания «диссидентов», то есть не католиков – православных и лютеран, но эта присяга нисколько не помешала ему теснить всеми мерами тех и других; при этом, руководимый отцами-иезуитами, с Петром Скаргою и Антонием Поссевином во главе, он с особым рвением стал принимать все меры, чтобы в корне подорвать православие в своих владениях с русским населением.

Мы говорили уже о сильном падении нравов среди высшего православного духовенства Западной Руси, избравшегося польским правительством из лиц, ему угодных, а также об успешном ополячении западнорусской знати и дворянства; при этом даже старший сын знаменитого ревнителя православия Константина Константиновича Острожского, Януш, был соверщен иезуитами в латинство.

Лишь в сердцах низших слоев населения, сельских жителей и мещан, уцелела крепкая

привязанность к вере отцов, что выразилось между прочим в образовании православных братств в Вильне, Львове и других городах.

Видя это, Сигизмунд, не довольствуясь со-
вращением в латинство православной знати,
задумал со своими советниками-иезуитами
обратить в католичество и всех остальных
своих подданных – при посредстве церковной
унии, к которой, как мы видели, давно уже
стремились Папы. При этом иезуиты, окру-
жавшие Сигизмунда, повели вопрос об унии
настолько хитро и ловко, что многие право-
славные встретили мысль о ней благодушно,
в том числе и князь Константин Константи-
нович Острожский; это был по существу свое-
му благородный мечтатель, который искрен-
но думал, что предполагаемая уния будет на-
стоящим соединением Церквей, и рассчиты-
вал, что при ее посредстве поднимется край-
не упавшая нравственность высшего духо-
венства Западно-Русской Церкви.

Митрополитом Киевским был в это время
некий двоеженец Оницифор Девочка, а
несколько православных архиереев, ввиду
проповеди лютеран о браке духовенства, поз-

волили себе завести законных и незаконных жен; особенно же зазорным поведением отличался Кирилл Терлецкий – епископ Луцкий, который был даже привлечен к гражданскому суду за совершенное им насилие над одной девушкой.

В 1589 году Западную Русь посетил константинопольский патриарх Иеремия. Ввиду многочисленных жалоб со стороны членов православных братств на митрополита Киевского Оницифора Девочку, он возвел на его место по указаниям короля Сигизмунда, дававшего эти указания, конечно, не без ведома иезуитов, минского архиепископа Михаила Рагозу, человека двуличного и слабовольного.

При этом, будучи в полном неведении относительно местных обстоятельств в Польше и Литве и никого там не зная, патриарх Иеремия, вслед за поставлением Михаила Рагозы, сделал и другой крупный промах: он назначил ему в наместники, или экзархи, «лукавого как бес» Кирилла Терлецкого. Кирилл Терлецкий не замедлил войти в тайные сношения с иезуитами и начал деятельно подготавливать с ними дело об унии. Затем, в 1593 году,

Сигизмунд возвел на Брестскую православную епископию сенатора Поцея, постригшегося с именем Ипатия, человека совершенно разоренного, но ловкого, умного и без всяких нравственных убеждений, уже несколько раз менявшего веру.

Ипатий Поцей и Кирилл Терлецкий немедленно стали действовать заодно; они обманом склонили на свою сторону других епископов и составили в 1595 году «грамоту на унию», притянув на свою сторону и Михаила Рагозу. Затем эту грамоту они повезли в Рим на утверждение Папы.

Несмотря на тайну, окружавшую все это дело недостойных представителей западно-русского высшего духовенства, православные жители Польско-Литовского государства скоро поняли, что сулит им уния. Двое из епископов, подписавшие грамоту на нее, поспешили заявить о своем отказе; у князя Константина Острожского тоже открылись глаза, и он предполагал собрать даже войско на случай насильного ее введения. Во многих городах готово было уже вспыхнуть восстание.

Между тем, в 1596 году король созвал в

Бресте Духовный собор для окончательного решения вопроса об унии; на него, наряду с православным духовенством, прибыло и латинское вместе со многими иезуитами, среди которых был, конечно, и Петр Скарга. Заседания Собора шли при самой возмутительной для православных обстановке; наконец латиняне и русские епископы-отщепенцы, «посредством обмана, тайно, безо всякого совещания с православными, – говорит известный русский ученый М. О. Коялович, – приняли унию и объявили ее поконченной. Этим же путем они следовали и тогда, когда взялись распространять унию, прибавляя к обману и интригам (козням) самые разнообразные насилия».

Конечно, православные как могли старались противодействовать унии. Для этого, между прочим, они составили в 1599 году съезд в Вильне совместно с протестантами, также подвергавшимися гонению. Члены съезда решили бороться с латинянами на жизнь и на смерть и постановили, что каждый сильный православный или протестант должен при всех обстоятельствах защищать

всякого страждущего православного же или протестанта. К сожалению, однако, некоторые члены Виленского съезда не ограничились этим и пошли еще дальше. Они задумали соединить православие и протестантство, отчего возникли страшные недоразумения и раздоры, бывшие, конечно, очень на руку латинянам и давшие пищу для усиления ересей, свивших себе прочное гнездо в Польско-Литовском государстве, – арианам, антитринитариям и другим.

Самозванец на Литве и в Польше

Слухи о существовании истинного или ложного царевича Димитрия стали бродить в Московском государстве тотчас же вслед за смертью царя Феодора Иоанновича. Уже Лев Сапега, в бытность свою послом в Москве в 1600–1601 годах, сообщал в Польшу очень путаный и изобилующий явными несообразностями рассказ, в котором говорилось, что в Московском государстве существует некто — очень похожий на покойного царевича Димитрия.

Вслед за тем, в 1601 году, появился в пределах Польско-Литовского государства молодой человек, на вид несколько старше двадцати лет, смуглый лицом, с заметной бородавкой или пятном около глаз и с одной рукой короче, чем другая; скоро этот молодой человек стал открыто заявлять, что он истинный царевич Димитрий, чудесно спасшийся в Угличе от убийц, подсланных Борисом Годуновым.

Появление названного Димитрия в жизни Русской земли окутано до настоящего времени большой темнотой, и ответить с безусловной достоверностью на вопрос, кто именно он был, не представляется никакой возможности. Однако с большой уверенностью можно сказать, что он самозванно носил имя того, чьи святые мощи, прославленные многими чудесами, покоятся и поныне в Архангельском соборе Московского Кремля.

Вместе с тем, несмотря на весьма несхожие мнения, высказываемые об истинной личности этого Лжедимитрия различными исследователями, из коих иные принимали его то за побочного сына Стефана Батория, то за уроженца Западной Руси, наиболее вероятно предположение, что он был подданный Московского государства и принадлежал к семье небогатого служилого рода Отрепьевых-Нелидовых.

Один из этих Отрепьевых, галицкий боярский сын Богдан, был убит каким-то литовцем в Немецкой слободе в Москве и оставил после себя вдову Варвару и сына Юрия; этот Юрий, по всем вероятностям, и был тем лицом,

которое выступило затем под именем убиенного царевича Димитрия; по некоторым известиям, Богдан и Варвара Отрепьевы только усыновили Юрия, который в действительности был побочным сыном какого-то очень знатного лица и получил при крещении имя Леонида; при этом он, по-видимому, рано узнал о своем высоком происхождении, но знал ли он точно, кто были его родители, или только строил об этом различные предположения – к сожалению, совершенно неизвестно.

Юрий с детства был обучен грамоте и обнаружил хорошие умственные способности; затем он служил некоторое время в холопах у бояр Романовых и у князя Бориса Черкасского. Очень вероятно, что сходство в наружности молодого холопа с покойным царевичем Димитрием, у которого, по-видимому, была тоже бородавка на лице и одна рука короче другой, обращало на него внимание многих лиц, посещавших Романовых и Черкасских, причем об этом не раз говорилось и самому Юрию Отрепьеву; разумеется, разговоры эти производили на него весьма глубокое впечат-

ление, особенно если он действительно знал о своем происхождении от какого-то очень именитого лица и тяготился бедным и зависимым положением, связанным с незначительным именем Отрепьева.

Будучи около четырнадцати лет от роду, Юрий, под влиянием каких-то опасностей со стороны подозрительного Бориса Годунова, может быть, и вследствие излишних разговоров о сходстве с царевичем Димитрием, исчезает из Москвы и начинает скитаться по разным монастырям, причем игумен Трифон, основатель Успенского монастыря в городе Хлынове (ныне Вятке), постригает его в 1595 году с именем Григория.

После этого юный инок Григорий пробыл около года в Суздальском Спасо-Ефимиевом монастыре, где был под началом какого-то старца. Затем он переменял еще несколько обителей и возвратился в Москву, где в это время дед его, Замятия Отрепьев, был пострижен в Чудовом монастыре; ввиду бедности внука он взял его к себе в келью. Здесь Григорий пробыл более года и был посвящен в это время в дьяконы; скоро он обратил на себя

внимание своею грамотностью и сочинением канонов чудотворцам самого патриарха Иова, который взял его к себе, а потом брал даже с собою ко двору – в царскую думу, где Григорий мог ознакомиться с придворными порядками Московского государства. Честолюбивые замыслы молодого инока, по-видимому, в это время окончательно созрели; он, разумеется, должен был неоднократно слышать рассказы о том, как неправдой и преступлением достиг Годунов престола, а также о той ненависти, которую питали к нему весьма многие.

Пребывание Отрепьева при патриаршем дворе совпало с приходом в 1600–1601 году посольства Льва Сапеги в Москву; вероятно, тогда в его свиту и проникли разговоры о сходстве какого-то инока с покойным Димитрием.

Вместе с тем к этому времени можно, по-видимому, отнести и имеющиеся известия о том, что Григорий особенно пристрастился к занятиям астрологией и принимал многих звездочетов и гадателей, которые уверяли его, что он сядет на Москве государем и будет царствовать тридцать четыре года.

Вскоре Григория постигла беда, именно

вследствие излишней его болтливости о том, что царевич Димитрий спасся и не замедлит появиться; многочисленные доносчики царя Бориса обратили внимание на молодого Отрепьева и донесли на него патриарху; когда же Иов не дал этому веры, то донос был сделан уже самому Борису. Борис всполошился и приказал дьяку Смирнову-Васильеву сослать Григория Отрепьева на Соловки, выставив предлогом этой ссылки его занятия черно-книжием. Но дьяка Смирнова-Васильева упросил другой дьяк, Семейка Ефимиев, бывший в свойстве с Отрепьевым, повременить с исполнением приказа о ссылке.

Тогда Григорий, проведав о грозившей ему опасности, решил бежать в Литву.

«В Великий пост, на другой недели в понедельник, иду, государь, я Варварским крестьяном, и ззади меня пришел чернец молод, сотворив молитву и поклонився мне, и учал меня спрашивать: старец, которые честные обители? И сказал я ему, что постригся в немощи, а начало имею Рождества Пречистой Пафнотиева монастыря (Боровского)... И он мне сказал, что жил в Чюдове монастыри, а чин

имею дияконский, а зовут меня Григорьем, а по прозвищу Отрепьев. И яз ему говорил: что тебе Замятия да Смирной Отрепьевы? И он мне сказал, что Замятия ему дед, а Смирной дядя. – Да ему же я говорил: которое тебе дело до меня? И он сказал: «У патриарха Иова жил де я, и патриарх-де, видя мое досужество, и учал на царскую думу в верх с собой меня имати; и в славу-де вшел в великую; и мне де славы и богатства земного не хочетца не токмо видети, но и слышати, и хочю с Москвы съехати в дальни монастырь; и есть монастырь в Чернигове, и мы пойдем в тот монастырь».

Так рассказывает некий старец Варлаам в своем «Извете», составленном при царе Василии Ивановиче Шуйском.

По этому рассказу, на предложение, сделанное на улице старцу молодым иноком, Варлаам отвечал ему, что, после жизни в Москве, пребывание в глухом черниговском монастыре покажется Григорию очень тягостным.

Но Григорий на это сказал: «Хочу-де в Киев в Печерский монастырь... пойдем до святого

града Иерусалима...» «И я ему говорил, – продолжает Варлаам, – что Печерский монастырь за рубежом в Литве, и за рубеж ехать не смети. И он мне сказал: государь-де Московский с королем взял мир на двадцать два года, и ныне де просто, и застав нет». Тогда Варлаам согласился. Они дали друг другу обещание сойтись на завтра в Иконном ряду и, действительно, сошлись там на другой день, причем Григорий привел и третьего спутника – инока Мисаила, в миру Михаила Повадина.

«И шед мы за Москву-реку, – рассказывает Варлаам, – и наняли подводы до Болхова, а из Болхова до Карачева, и с Карачева до Новогородка Сиверского. И в Новогородке принялся в Преображенской монастырь, и строитель Захарий Лихарев поставил нас на крылосе; а тот дьякон Гришка на Благовещениев день с попами служил обедню и за Пречистою ходил. И на третьей недели после Велика дни в понедельник вожа добыли Ивашка Семенова, отставленного старца, да пошли на Стародуб и на Стародубский уезд; и Ивашко вож за рубеж провел в Литовскую землю; и первый город

Литовский нам Лоева замка, а другой Любец, а третий Киев. И в Киеве в Печерском монастыре архимандрит Елисей нас принял, и в Киеве всего жили три недели, и он Гришка похоте ехати к воеводе Киевскому, ко князю Василию (Константину) Острожскому и у архимандрита Елисея Плетенецкого и у братии отпросился».

По рассказу Варлаама, он предупреждал Елисея Плетенецкого, что Григорий «ныне идет в мир до князя Василия (Константина) Острожского и хочет платие иноческое скинути; и ему будет воровата, а Богу и Пречистой солгал», на что архимандрит отвечал, что в Литве земля вольная, в коей кто вере хочет, в той и пребывает, и затем будто бы отказал в просьбе Варлаама разрешить ему остаться в Печерской обители, сказав ему: «Четыре-де вас пришло, четверо и подите», почему все четверо – Григорий, Варлаам, Михаил и Ивашко Семенов и пошли в Острог к князю Василию (Константину) Константиновичу Острожскому.

За свое трехнедельное пребывание в Киеве Григорий успел, по-видимому, завязать сно-

шения с запорожскими казаками, которые во второй половине XVI века занимались поддержкой нескольких самозванцев в Молдавии; кроме Ивана Подковы, в 1592 году, при их содействии, в Яссах утвердился на некоторое время, выдавая себя за сына покойного князя Александра Молдавского, какой-то Петр-казак, а ранее Подковы, запорожцы помогли овладеть Молдавским престолом греку Якову Василику; ввиду этого, для прекращения подобного казацкого своевольтва, Сигизмунд Третий наложил на них обязательство не принимать к себе разных «господарчиков».

В Остроге Григорий с Варлаамом и Мисаилом прожили все лето, «а на осень меня да Мисаила Повадина, – рассказывает Варлаам, – князь Василий послал во свое богомолие, к Живоначальной Троице в Дерманский монастырь. А он, Гришка, съехал в Гощею-город к пану к Госкому, да в Гощее иноческое платие с себя скинул и учинился мирянином и учал в Гощее учиться в школе по-латински и по-польски и лютерской грамоте...»

В Гоще, небольшом городе на Волыни, жи-

ли два знатных пана Гойских, отец и сын; они были ревностными последователями секты Ария и основали для распространения своего лжеучения две школы; в этих школах Григорий успел, по-видимому, нахвататься кое-каких верхов западноевропейского образования и выучился с грехом пополам латинской грамоте; при этом имеются сведения, что, одновременно с занятиями в школе, чтобы снискать себе пропитание, он служил также и на кухне у пана Гойского.

Проведя зиму в Гоце, Отрепьев весной после Светлого Воскресения пропал без вести; по некоторым данным, он отправился в это время к запорожским казакам, с которыми, как мы говорили, завязал сношения уже в Киеве; вероятно, у запорожцев же он выучился превосходно владеть оружием, и здесь же выработался из него лихой и бесстрашный наездник.

В том же 1603 году Григорий уже без рясы появляется вновь в пределах Польско-Литовского государства, где ему наконец улыбается счастье и его признают московским царевичем Димитрием. Обстоятельства, как это про-

изошло, рассказываются различно: по одним сведениям он поступил в «оршак» (придворную челядь) богатого пана Адама Вишневецкого, в городе Брагине, и открылся здесь, не то в бане, когда Вишневецкий ударил его, не то на исповеди какому-то священнику, во время будто бы постигшей его смертельной болезни. По другим известиям, имеющим за собой более достоверности, Григорий первоначально объявил себя царевичем Димитрием у польского воеводы города Остра (выстроеного когда-то князем Юрием Долгоруким) Михаила Ратомского и у панов Свирских, имевших большие связи с казаками. По-видимому, это произошло уже весной 1603 года, так как первая обличительная грамота против Лжедмитрия, где он прямо назван Григорием Отрепьевым, была отправлена не позже апреля 1603 года черниговским воеводою князем Кашиным-Оболенским – именно к воеводе Остерскому. Вот почему наиболее вероятно предположение, что Ратомский был одним из первых польских панов, взявшихся помогать Лжедмитрию, и что уже от Ратомского, как названный царевич, он был направлен в Бра-

гин к именитому и богатому князю Адаму Вишневецкому.

Этот князь Адам Вишневецкий хотя и оставался еще в православии, но принадлежал к уже сильно ополяченной и окатоличенной семье и отличался большой ненавистью как к Московскому государству, так и к Борису Годунову.

Как раз в 1603 году московские войска вторглись в области князя и отняли у него два местечка, считая, что он владеет ими незаконно, причем дело не обошлось без кровавых схваток, с убитыми и ранеными. Конечно, воинственный Адам Вишневецкий возгорелся еще большим чувством непримиримой ненависти к царю Борису и жаждой ему отмстить, а потому появление у него Лжедмитрия было ему как нельзя более на руку. Он тотчас же торжественно признал его истинным царевичем и стал оказывать ему самую широкую поддержку. Как по мановению волшебства, недавний бродяга-инок, а затем и холоп в панской дворне – превратился в сказочного принца. «А тот князь Адам, бражник и безумец, тому Гришке поверил и учи-

нил его на колесницах и на конях ездить и людно», – говорит старец Варлаам в своем «Извете», хотя, вероятно, и сам принимал немалое участие в этом превращении Гришки.

После превращения Григория в царевича начались тотчас же сборы к походу на Бориса. «И вот, – говорит Пирлинг, – в днепровские и донские степи полетели гонцы, чтобы вербовать там добровольцев. По слухам, дошедшим до Сигизмунда, сам Димитрий ездил к беспокойному казачеству...»

Вместе с тем Адам Вишневецкий послал донесение королю, что у него объявился царевич Димитрий, чудесно спасшийся от убийц Годунова.

По этому рассказу, весьма краткому и без всяких подробностей, но согласно повторяемому всеми сторонниками Лжедимитрия, царевича спас в Угличе какой-то таинственный приближенный человек, его врач; он узнал о готовящемся покушении и незаметно подменил его в постели другим мальчиком, который ночью и был зарезан убийцами, подосланными Годуновым; благодетель же, при

содействии некоторых доброхотов, скрытно проследовал со спасенным царевичем на север к Студеному морю и воспитал его там, после чего Димитрий много странствовал по разным монастырям и наконец открылся в Литве. Кто был спасший Димитрия благодетель, а также и доброхоты, укрывавшие их, об этом не говорилось; указание же, что убийство царевича было совершено ночью, тогда как оно, несомненно, имело место днем, в шестом часу, было сделано, вероятно, для того, чтобы выходил правдоподобнее рассказ о том, как можно было одного десятилетнего мальчика зарезать вместо другого и при этом не обнаружить ошибки.

Сигизмунд, разумеется, не поверил этому рассказу, но, очевидно, крайне сочувствуя появлению самозванца, очень желал, чтобы его убедили в том, что в пределах его владений появился истинный царевич; поэтому для разъяснения дела он обратился не к царю Борису, с которым был в мире, а к литовскому канцлеру, уже известному нам Льву Сапеге. Этот Лев Сапега родился православным, перешел затем в кальвинизм, а в 1586 году был со-

вращен Петром Скаргой в латинство и стал затем одним из ревностнейших слуг Римской церкви. Поэтому понятно, насколько заманчивой могла быть для него мысль – посадить именуемого царевичем Димитрием на Московский стол, а затем приступить при его посредстве к насаждению латинства в нашей земле, что, по-видимому, им имелось в виду еще тогда, когда он приезжал в Москву с предложением тесного союза с Польшей.

Какой-то беглый москвич Петровский находился в услужении у Сапеги и будто бы знал маленького царевича Димитрия в Угличе. Этого Петровского Сапега и послал к Вишневецкому, чтобы удостовериться в личности Димитрия. Увидев Григория, Петровский тотчас же воскликнул: «Да, это истинный царевич Димитрий!» – и пал ему в ноги.

Описанное признание царевича беглым московским холопом явилось достаточным. После него дела названного Димитрия в Польско-Литовском государстве пошли еще блистательнее. Из Брагина он поехал в Вишневецк к Константину Вишневецкому, двоюродному брату Адама, тоже чрезвычайно богатому че-

ловеку, женатому на дочери сендомирского воеводы Юрия Мнишека – Урсуле.

Юрий Мнишек пользовался крайне дурной славой у сородичей, хотя по своим связям и был очень силен и влиятелен. В молодости он был близок к королю Сигизмунду Августу; когда последний лишился горячо любимой им жены – Варвары Радзивилл и стал с горя предаваться разгулу, то Юрий усердно оказывал ему предосудительные услуги в разных низменных утехах и широко пользовался за это королевскими деньгами; когда же Сигизмунд Август умер, то в день его смерти Мнишек так обобрал королевскую казну, что не было во что одеть смертные останки покойного.

Тем не менее, благодаря своим связям как при дворе, так и среди духовенства, ибо, как об этом свидетельствует Пирлинг, Юрий был усерднейшим сыном католической церкви, он сумел сохранить свое положение и при последующих королях; однако, ведя крайне суетную и роскошную жизнь, к 1603 году Мнишек уже совершенно разорился и наделал огромные долги, в том числе и в королевскую

казну, причем Сигизмунд грозил ему, в случае их неуплаты, отнять данную ему в управление самборскую экономию. При таких трудных обстоятельствах только какой-либо исключительно благоприятный случай мог поправить дела Мнишека.

В это время как раз в доме его зятя князя Константина Вишневецкого, у жены которого, Урсулы, гостила ее сестра Марина, неожиданно появился московский царевич. Марина была девушкой маленького роста, худенькая и смуглая, с высоким лбом и ястребиным носом; она имела острый подбородок и тонкие, плотно сжатые губы, но обладала большими красивыми глазами; по-видимому, она сразу сумела пленить Григория, впервые попавшего в общество знатной девицы, показывающей ему свое отменное расположение.

По-видимому также, что в ловкой женской игре, веденной ею с мнимым царевичем, Мариной руководило исключительно непомерное честолюбие, которое, вместе с большой душевной сухостью и умственной ограниченностью, было всегда ее отличительным свойством. Юрий Мнишек, конечно, тотчас же

оценил все выгоды, какие ему мог сулить брак дочери с будущим московским царем, и не замедлил стать его горячим сторонником. По преданию, Лжедмитрий объяснился в своих чувствах к Марине уже в Вишневецце, причем там же последовало в местной церкви и их тайное обручение.

Из Вишневецца Григорий отправился к родителям Марины в Самбор; ныне это грязное жидовское местечко, но в те времена там стоял богатый замок с великолепным садом. В Самборе Отрепьева принимали со всеми почестями как настоящего царевича; шумные пиры и другие увеселения шли одни за другими; тем временем шли и деятельные приготовления к походу в Москву, а также и к привлечению короля на сторону названного царевича.

Ксендз Помасский был, по-видимому, первый, обративший внимание отцов-иезуитов на самозванца и на выгоды, которые может приобрести Римская церковь, поддерживая его. Скоро папский нунций Рангони, проживавший в Кракове, также вошел в это дело, рассчитывая получить, в случае успеха, кар-

динальскую шапку за свое усердие, и в ноябре 1603 года послал в Рим подробное донесение о появившемся московском царевиче. На полях означенного донесения Папа Климент VIII сделал насмешливую пометку. «Это вроде воскресшего короля Португальского», намекая ею на самозванцев, явившихся в это время в Португалии после смерти короля Себастиана. Однако, несмотря на эту пометку, Рим с той поры начинает относиться в высшей степени благожелательно к Лжедмитрию.

Чтобы окончательно убедить короля Сигизмунда, что Григорий – настоящий Димитрий, в январе 1604 года был послан опять какой-то ливонец в Самбор, тоже тотчас же признавший его за истинного царевича, которому он будто бы служил в Угличе. Вслед за тем, в марте 1604 года, Сигизмунд выразил желание, чтобы Димитрий прибыл в Краков. Последний, конечно, поспешил это исполнить и явился в Краков, сопровождаемый Константином Вишневецким и своим будущим тестем Юрием Мнишеком, где последний задал в своем доме большой пир для сенаторов и

всей знати, чтобы ввести в их круг Отрепьева. Нунций Рангони, бывший на этом пиру, пришел в восторг от Григория: «Димитрий, – писал он в Рим, – молодой человек с хорошей выдержкой, смуглым лицом и большим пятном на носу против правого глаза; белая, продолговатая кисть руки указывает на его высокое происхождение; он смел в речах, и в его поступках отражается поистине что-то великое».

Мнение Рангони о подлинности царевича высказывали и некоторые другие. Но, к чести лучшей части польского общества, большинство его сразу же отрицательно отнеслось к затее – оказать поддержку названному Димитрию, в самозванстве которого, по-видимому, мало кто сомневался.

Крайне неприязненным образом отнесся к Лжедимитрию и старик Ян Замоиский. «Замоиский, – рассказывает Пирлинг, – усиленно добивался случая свидеться с Димитрием до приезда его ко двору. Деятельность «господарчика», как он называл царевича, казалась ему несколько подозрительной: личность этого странного искателя престола не внуша-

ла ему никакого доверия».

Мнение Замойского разделяли брацлавский воевода князь Збаражский, литовский гетман Хоткевич, князь Януш Острожский и другие.

Но королю эта затея нравилась; его советники внушали ему, что, посадив Григория на Московский престол, он приобретет в нем верного слугу для водворения там латинства и союзника для борьбы с дядей Карлом Шведским.

Прием у короля состоялся 15 марта, через день после пира у Юрия Мнишека, который и повез Григория в королевский замок. На приеме присутствовали нунций Рангони и несколько высших сановников. Сигизмунд, со своим обычным надменным видом, принял самозванца стоя, имея на голове шляпу и опершись одной рукою на небольшой столик; когда он протянул другую руку вошедшему Григорию, то тот смиренно ее поцеловал, видимо, смутился и начал что-то бормотать о своей судьбе и о правах на Московский престол. Затем, придя несколько в себя, Григорий стал просить короля оказать ему помощь. На

это Сигизмунд сделал знак, чтобы он удалился, и стал совещаться с Рангони и своими приближенными. После этого Григорий был опять позван; когда он вошел, то ему было объявлено, что король признает его истинным царевичем, назначает ему денежное вспомоществование и позволяет искать помощи у его польско-литовских подданных для добывания себе престола. Конечно, это был огромный успех.

Король Польский, преступивший крестное целование к царю Борису, с которым он был в мире, прожившийся пан Юрий Мнишек и таинственный московский чернец-расстрига – соединились теперь в тесный союз против Московского государства и православия. Достаточно взглянуть на лица этих людей, чтобы понять, что Русская земля ничего доброго от этого союза ожидать не могла.

После приема у Сигизмунда Григорий уже открыто стал появляться на улицах Кракова как признанный царевич Московский, и толпы народа сбегались на него посмотреть. При этом в Краков же к нему стали прибывать и некоторые русские люди, почему-либо недо-

вольные Борисом и спешившие записаться в ряды сторонников царевича.

Затем там же последовало и обращение Григория в католичество. Вероятно, чтобы показать, что он делает это по искреннему убеждению, самозванец заявил, что примет только тогда латинство, когда будут разъяснены некоторые из мучивших его сомнений. В деле этом ему пришел на помощь краковский воевода Николай Зебжидовский, сведший его, по указанию Петра Скарги, с двумя иезуитами – ксендзами Гродзицким и Савицким; оба ксендза имели несколько прений с Лжедмитрием о вере и убедились, что он напитан арианской ересью, воспринятой им, вероятно, в Гоще.

Перед своим прибытием к Рангони самозванец побывал и у короля, также чтобы проститься с ним. Сигизмунд принял его очень ласково и подарил золотую шейную цепь со своим изображением и несколько кусков парчи на платье; касательно же денежного вспоможения – сказал, что назначает царевичу 4000 золотых ежегодно, которые будет выплачивать Мнишек из доходов самборского име-

ния, и извинился, что пока не может дать более.

После этого, в конце апреля, самозванец со своим будущим тестем возвратился в Самбор для окончательных приготовлений к походу в Москву, на что ушло несколько месяцев.

Руку и сердце Марины он должен был получить только после того, когда сядет на Московском столе. В ожидании же этих радостных событий Григорий выдал 15 мая своему будущему тестю записку, по которой он обязывался жениться на его дочери, при условии: 1) по вступлении на престол выдать тотчас же Мнишеку миллион польских золотых для подъема в Москву и уплаты долгов, а Марине прислать бриллианты и столовое серебро из царской казны; 2) отдать в полное владение Марине Великий Новгород и Псков, со всеми жителями, местами и владениями, причем они остаются за Мариной, если она и не будет иметь потомства от него. Марина вольна строить католические церкви и монастыри, а равно держать при своем дворе латинское духовенство, ибо Димитрий, как уже тайно перешедший в католичество, будет всеми сила-

ми стараться привести свой народ к соединению с Римской церковью; 3) если дела пойдут неудачно и Димитрий не достигнет престола в течение года, то Марина может взять свое слово назад или ждать еще год.

22 июня Лжедимитрий дал другую запись, по которой уступал будущему тестю княжества Смоленское и Северское в потомственное владение, но ввиду того что половину Смоленского княжества и шесть городов Северского он обязался уже отдать королю, то вместо этого Мнишек должен был получить из близлежащих областей такое количество городов и земель, доходы с которых равнялись бы доходам с областей, уступленных самозванцем королю.

Сигизмунд, не будучи в состоянии открыто выступить на помощь Лжедимитрию, но желая заручиться содействием наиболее влиятельных панов, разослал им письма, в которых предлагал высказаться, как они смотрят на царевича и на те выгоды, которое получит Речь Посполитая, оказывая ему содействие.

Ответы эти были большею частью неблагоприятны, причем самыми решительными

противниками самозванца выступили четверо знаменитейших вельмож: князя Збаражский и Василий (Константин) Острожский, гетман Жолкевский и старый Ян Замоиский; последний открыто заявлял, что поддержку мнимого царевича он считает бесчестным и опасным делом, и настаивал, чтобы, во всяком случае, решение этого вопроса отложить до сейма, который должен был собраться в январе 1605 года.

Еще более решительно, чем Ян Замоиский, высказался против самозванца на сейме великий канцлер литовский Лев Сапега; он говорил, что не верит в подлинность Димитрия, и настаивал, что поддержка его нарушает договор с Москвой, скрепленный клятвами. Имеются, однако, данные, что Лев Сапега не был искренен в своей речи и тайно поддерживал названного царевича, находясь под сильным влиянием иезуитов.

Скоро в Западной Европе появилось печатное произведение на итальянском языке, тотчас же переведенное на немецкий, латинский, французский и испанский языки, в котором приводился тот же рассказ, который по-

вторял и Отрепьев, о жизни царевича Димитрия и чудесном его спасении близким ему благодетелем от руки убийц Бориса. Произведение это принадлежало перу некоего Бареццо Барецци, за каковым именем скрывался наш старый знакомый – иезуит Антоний Поссевин, проживавший в то время в Венеции. «Четвертую бо часть всея вселенная, всю Европию, в два лета посланьми своими (Расстрига) прельсти; и Папа же Римский всему Западу о нем восписа...» – говорит Авраамий Палицын.

Вести о появлении Лжедимитрия, конечно, ужаснули Бориса. Первым его делом было скрыть их от народа, для чего, под предлогом предупредить занесение заразы из Литовского государства, по всем дорогам, шедшим из него, были устроены крепкие пограничные заставы, с целью перехватывать все идущие из Литвы вести о самозванце.

Мера эта, разумеется, оказалась недействительной. Слухи о появлении царевича Димитрия проникали со всех сторон в народ, несмотря на то, что уличенных в их распространении подвергали страшным пыткам и

обрекали на жестокую смерть вместе со всеми родными.

15 июля 1604 года к Годунову прибыл посол императора Рудольфа, который по дружбе сообщал ему о появлении самозванца и советовал принять меры против него, так как названный царевич нашел уже сильную поддержку в Польше. Борис, рассказывает Исаак Масса, отвечал послу, что он «может одним пальцем» уничтожить самозванца, но на самом деле все более и более приходил в ужас. Когда он тайком посетил московскую юродивую Елену, жившую в какой-то землянке, то она взяла обрубок дерева, позвала попов и велела им служить панихиду и кадить этому обрубку, что произвело на суеверного царя удручающее впечатление.

В это же время как раз начали ходить в народе рассказы о разных знамениях и чудесах, а летом на небе появилась огромная хвостатая звезда – комета, и астролог Бориса сказал ему, что кометы эти служат для остережения государей: пусть он теперь внимательно смотрит за тем, кому верит, и бережет границы от чужеземцев. На беду Борис никому не

мог верить и чувствовал себя совершенно одиноким; малодушие, жестокость, подозрительность и другие свойства его лишенной благородства души приносили теперь свои страшные плоды.

После разгрома семьи Романовых он успел оттолкнуть от себя и все другие влиятельные боярские семьи в государстве.

«Шуйские, Вельские, Голицыны, Мстиславские и многие другие, поведение которых во всех отношениях было безукоризненно и не давало повода к преследованию, также некоторые знатные люди – родственники Годуновых – очень скромно жили в своих имениях и не несли никакой службы...» – говорит Масса. Первое место в царской думе принадлежало князю Феодору Ивановичу Мстиславскому, скромному и незначительному человеку; за ним следовал умный и деятельный князь Василий Иванович Шуйский, покрививший своею душой, как мы видели, в Углицком деле, чтобы показать свою преданность Борису. Но Борис не доверял им обоим и мучил их своею подозрительностью, почему каждый из них должен был постоянно ожидать опалы;

при этом, как Мстиславскому, так и Шуйскому, Годунов запретил жениться, чтобы не возбуждать в них, в случае появления детей, честолюбивых замыслов в пользу последних. За Мстиславским и Шуйским следовал по значению князь Василий Васильевич Голицын, ведший свой род от Гедимины; это был человек очень умный и способный, но неразборчивый в средствах; он также всеми силами своей души ненавидел Годунова.

Темные пути, которыми достиг Борис престола, недостойный нравственный облик патриарха Иова и чрезмерное развитие доносов, в связи с ужасами пережитого голода и мора, оказали, как мы уже говорили, самое развращающее влияние и на все население. У каждого в сердце было сомнение насчет истинных прав Бориса на царство, что, конечно, влекло за собой упадок любви к государю, а вместе с тем и любви к Родине, так как оба эти чувства неразрывно связаны между собой в сердцах русских людей; многие стали думать только о своих личных выгодах.

По-видимому, Борис был своевременно осведомлен, что под именем Димитрия скры-

вается Отрепьев. При этом он считал, что появление самозванца – дело рук бояр, и открыто высказал им это, но указать определенно на кого-либо из них он совершенно не мог.

Годунов приказал также привести в Москву, в Новодевичий монастырь, мать покойного Дмитрия, бывшую царицу Марию Нагую – инокиню Марфу, и спрашивал ее вместе с патриархом Иовом, а затем и со своей женой, жив ли ее сын или нет. На это инокиня Марфа будто бы отвечала, что она точно сама не знает; тогда царица Мария Григорьевна, как истая дочь Малюты Скуратова, схватила горящую свечу и хотела выжечь старице глаза.

Чтобы окончательно удостовериться в личности самозванца, Борис послал в Литву гонцом ко Льву Сапеге родного дядю Григория – Смирного-Отрепьева с грамотой о пограничных делах и поручил ему повидаться с племянником, чтобы уличить его. Но Сапега отклонил все требования Смирного-Отрепьева иметь очную ставку с Лжедмитрием, под предлогом, что он не может решить это без сейма. На сейм, в заседании которого была произнесена приведенная нами речь Яна За-

мойского, прибыл посол Бориса Постник-Огарев и от имени царя прямо требовал у короля казни или выдачи Григория, но Лев Сапега отвечал Постнику-Огареву, что король не думает нарушать перемирия, а названному царевичу помогают только частные лица и казаки, причем в настоящее время он уже за пределами Польско-Литовского государства.

Тем временем в Москве Иов и князь Василий Иванович Шуйский уговаривали народ не верить появлению царевича, который погиб в Угличе, и указывали, что его имя принял на себя вор-расстрига – Гришка Отрепьев.

Вслед за тем, в январе 1605 года, патриарх Иов стал рассылать по областям длиннейшие грамоты. Он приказывал в них духовенству ежедневно петь молебны, чтобы Господь отворотил Свой праведный гнев от Российского государства и избавил его от разорения, которое ему несут литовские люди и Гришка Отрепьев; в грамотах этих подробно рассказывалось бегство Григория из Чудова монастыря, путешествие с Варлаамом и Мисаилом Повадиным и дальнейшие его приключения; в конце концов он предавался проклятию. Но

народ мало верил писаниям Иова и с жадностью читал распространявшиеся во множестве подметные грамоты Лжедмитрия, который отправил и самому Годунову укоризненное письмо с убеждением покаяться в своем преступлении и просить у него прощения.

«Жаль нам, – писал Лжедмитрий Борису, – что ты душу свою, по образу Божию сотворенную, так осквернил и в упорстве своем гибель ей готовишь: разве не знаешь, что ты смертный человек? Надобно было тебе, Борис, удовольствоваться тем, что Господь Бог дал; но ты в противность воле Божией, будучи нашим подданным, украл у нас государство с дьявольской помощью... мы были тебе препятствием к достижению престола, и вот, изгубивши вельмож, начал ты острить нож и на нас, подговорил дьяка нашего Михайлу Битяговского и 12 спальников с Никитою Качаловым и Осипом Волоховым, чтобы нас убили; ты думал, что заодно с ними был и доктор наш Симеон, но, по его старанию, мы спасены были от смерти, тобой нам приготовленной. Брату нашему ты сказал, что мы сами зарезались в припадке падучей болезни; ты знаешь,

как брат наш горевал об этом... Опомнись и злостью своей не побуждай нас к большему гневу; отдай нам наше, и мы тебе, для Бога, отпустим все твои вины и место тебе спокойное назначим: лучше тебе на этом свете что-нибудь претерпеть, чем в аду вечно гореть за столько душ, тобой погубленных».

Поход на Москву Лжедмитрия

Письмо это было написано в то время, когда Лжедмитрий находился уже в пределах Московского государства, куда он выступил из Самбора в половине августа 1604 года. Всего у него было собрано около трех тысяч человек; одна половина их состояла из разных польских искателей приключений, избравших себе гетманом Юрия Мнишека, а другая – из казаков. Конечно, было бы нелепо и смешно идти завоевывать с такими ничтожными силами Московское государство, если бы Лжедмитрий и его сообщники не принимали в расчет глубокое недовольство, господствовавшее против Бориса среди его подданных, в особенности же в Северной Украине, а также и между казаками.

Расчет этот оказался верен. Уже в конце августа к самозванцу прибыло посольство от донских казаков и привезло в окопах дворянина Петра Хрущева, которого послал Борис на Дон, чтобы вербовать этих самых казаков

против самозванца.

Для наступления к Москве Лжедимитрий отказался от обычной дороги из Литвы на Оршу, Смоленск и Вязьму, а решил следовать в более южном направлении – через Северскую Украину, что давало ему выгоды двигаться по стране с благоприятствующим ему населением и не терять связи с обитателями Поля – запорожцами и донцами. Его небольшое войско выступило по нескольким дорогам к Днепру и подошло к нему в начале октября; следом за ним шло и войско князя Януша Острожского, по-видимому, с намерением помешать самозванцу перейти Днепр, но Юрий Мнишек уговорил Януша не препятствовать этому. Григория сопровождали, по выраженному самим им желанию, два иезуита – ксендзы Николай Чижовский и Андрей Лавицкий.

После трехдневного отдыха в Киеве Лжедимитрий перешел Днепр у Вышгорода. Вслед за этой переправой тотчас же начала подниматься и Северская Украина. Еще не достигнув московского рубежа, он получил радостную для себя весть, что пригород Чернигова – Моравск сдался ему без боя. Слыша о прибли-

жении «царя и великого князя Димитрия Ивановича», жители Моравска, после некоторых размышлений, вместе с казаками и стрельцами перевязали своих воевод и выдали их передовым войскам самозванца. Через неделю то же самое повторилось и в Чернигове. Но у Новгород-Северского Лжедимитрия ждала неудача. Сюда успел подойти доверенный воевода Бориса Петр Феодорович Басманов с приведенными им московскими стрельцами. Когда поляки потребовали сдачи города, то им отвечали из него крупной бранью, а затем отбили их приступ.

Эта неудача очень раздражила самозванца, и он стал укорять поляков в недостатке храбрости; они рассердились и совсем уже хотели его покинуть, но в это время как раз была получена весть чрезвычайного значения, а именно, что царский воевода – князь Василий Рубец-Массальский сдал войскам самозванца город Путивль, самый важный из городов в Северной Украине. Скоро, по примеру Путивля, стали передаваться и остальные города этой Украины: Рыльск, Севск с своим уездом – Комарницкой волостью, Курск и Кромы; в то

же время делу самозванца сильно помогали и казачьи отряды, шедшие ему на помощь по «Крымской дороге» и заставившие перейти на его сторону города – Белгород, Одоев, Ливны и другие. Таким образом, он стал обладателем огромного пространства по Десне, Сейму, Донцу и по Верхней Оке.

Один только Новгород-Северский продолжал крепко держаться, где положение Басманова начинало становиться тяжелым; несмотря, однако, на это, стоявший у Брянска воевода князь Димитрий Шуйский, муж царицыной сестры, Екатерины Григорьевны, не шел ему на помощь, а просил Бориса усилить его войска. Ввиду этого, царь приказал собираться новой рати у Калуги.

Начальствование над собранной ратью, считавшей в своих рядах до 50 000 воинов, было вверено малоспособному и вялому князю Ф. И. Мстиславскому. 21 декабря под Новгород-Северским он вступил в бой с войсками самозванца, у которого не было и 15 000 человек.

Отсутствие воодушевления в московских войсках и неспособность их главного вождя

дало победу в руки Лжедмитрия; как только он ударил на царское войско, оно сейчас же дрогнуло; сам Мстиславский был сбит с лошади и получил несколько ран. Если бы у самозванца или у его воевод было бы побольше искусства в военном деле, то он мог бы совершенно разгромить войско Годунова, которое отступило без особенно важных потерь. Тем не менее, смятение московских воевод было так велико, что они не послали Борису донесения об этом сражении, и он узнал про него стороною. У самозванца, несмотря на одержанную победу, дела также шли плохо; наступило ненастье, потом морозы, и избалованные поляки начали громко роптать на невзгоды и требовать от Лжедмитрия денег; он роздал, что мог, ездил от одного польского отряда к другому, умоляя их остаться, бил им челом до земли и «падал крыжем» (крестом), но его мало слушали.

21 января 1605 года, на рассвете, последовала новая встреча царской рати с войсками самозванца у деревни Добрыничи близ Севска. Лжедмитрий сам распоряжался боем и двинул вперед польскую конницу; однако

она разбилась о стойкость московских стрельцов, встретивших польских всадников залпами из ружей из-за саней с сеном, и сражение окончилось полным разгромом войск самозванца; он потерял почти всю свою пехоту, 15 знамен, 13 орудий и оставил на месте битвы 6000 убитых, кроме пленных. Спасаясь с трудом от преследования, Лжедмитрий бежал сперва в Севск, а затем и в Путивль, где заперся.

Победа при Добрыничах чрезвычайно обрадовала Годунова: Михаил Борисович Шеин, привезший известие о ней в Москву, был пожалован в окольнічие, войскам было роздано до 80 000 рублей, а воеводам были посланы золотые (медали), и Борис писал им, что готов разделить с ними свою последнюю рубашку.

Пребывание самозванца в Путивле продолжалось до весны 1605 года; он деятельно занимался устройством своих войск, а также рассылал во множестве грамоты к русским людям, убеждая их служить ему как своему законному государю; на этот призыв откликнулись многие, и под его знаменами собиралось все более и более народа. Тем временем

Борис подослал в Путивль своих людей к Лжедмитрию с отравой, но это открылось, и два заговорщика были расстреляны жителями.

Из Путивля самозванец написал несколько писем к Рангони, в которых он хвастливо описывал свои успехи. В Путивле же, в своих беседах с двумя бывшими при нем иезуитами, он постоянно рассказывал о своих будущих преобразованиях в Московском государстве и однажды объявил им, что желает учиться у них латинскому языку, философии и риторике. Но занятия эти продолжались всего три дня.

Между тем воеводы Бориса, после своей победы при Добрыничах, бездействовали. Вместо того чтобы преследовать разбитого самозванца, они пошли осаждать Рыльск, а затем, при появлении одного только ложного слуха, пущенного поляками, что им на помощь идет королевский гетман Жолкевский, тотчас же отошли и от Рыльска и расположились в Комарницкой волости, которую стали жестоко опустошать, мстя жителям за приверженность к Лжедмитрию, что еще более озлобило последних против Бориса. Видя без-

деятельность своих воевод, Годунов, наконец, рассердился и послал им сказать, что они ведут свое дело нерадиво: столько рати побили, а Гришку не поймали. Тогда бояре и войско, уже привыкшие к заискиванию со стороны царя, тотчас же оскорбились, и «с той поры, – говорит летописец, – многие начали думать, как бы царя Бориса избыть и служить окаянному Гришке».

Получив выговор Годунова, воеводы Мстиславский и Шуйский двинулись на помощь Феодору Ивановичу Шереметеву, безуспешно осаждавшему ничтожный город Кромы, занятый маленьким отрядом самозванца, причем в Кромы успел, несмотря на осаду, проникнуть донской атаман Корела. С прибытием, в марте 1605 года, московской рати Мстиславского и Шуйского, осада Кром несколько продвинулась, но взять его деревянный кремль царские войска все же не смогли – конечно, ввиду полного нежелания воинов вести настоящую борьбу.

«Соединенные войска, – говорит про них Маржерет, – остановились при сем городе (Кромах) и занимались делами, достойными

одного смеха». Скоро осаждающие и осажденные стали обмениваться друг с другом вестями, посылая записочки, прикрепленные к стрелам, а один из царских воевод, Михаил Глебович Салтыков, не спросясь главных начальников, приказал отступить своим ратникам, занявшим городской вал. Конечно, это была уже прямая измена; но ни Мстиславский, ни Шуйский не покарали за это Салтыкова и не отрешили его от начальствования.

Так бездеятельно и бесславно шла осада Кром. Вскоре наступила весенняя оттепель, и в царских войсках появились болезни и распространилось уныние. Казаки же, вырыв себе норы под самым городским валом, вновь занятым московскими ратниками, и имея с собой запасы продовольствия и водки, бодро выдерживали осаду; они делали иногда удачные вылазки и глумились над беспомощностью осаждающих.

При таких отношениях к себе со стороны своих ближайших сподвижников и войск, положение Бориса стало, конечно, отчаянным, и прав летописец, говоря, что он пал вследствие «негодования чиновачальников Рус-

ской земли». К тому же он и сам наделал ряд промахов: вместо того чтобы послать деятельного Басманова начальствовать над войсками, он чествовал его в Москве и обещал за уничтожение самозванца выдать за него дочь свою Ксению, вместе с царствами Астраханским и Казанским, чему Басманов не мог особенно доверять, так как такая же награда была обещана и Мстиславскому, когда его посылали против Лжедмитрия. Вместе с тем Борис продолжал деятельно прислушиваться ко всем доносам и рассылал приказания о пытках и тайных казнях подозреваемых в измене лиц. Так, получив весть о шатости жителей Смоленска, Годунов послал выговор его воеводам, зачем они совестятся пытаться людей духовного звания: «Вы это делаете не гораздо, что такие дела ставите в оплошку, а пишете, что у дьякона некому снять скуфьи, и затем его не пытали; вам бы велеть пытаться накрепко и огнем жечь».

Подозрительность и мстительность царя не оставили в покое и узника далекого Сийского монастыря – Филарета Никитича Романова.

Невыносимо тревожное состояние, в котором находился Годунов, совершенно неожиданно закончилось 13 апреля того же 1606 года. Когда царь встал из-за стола, то кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа; он умер через два часа, приняв пострижение под именем Боголепа; молва приписывала его смерть яду, им же самим приготовленному.

Внезапная смерть царя Бориса, разумеется, самым коренным образом меняла положение дел. Хотя Москва спокойно присягнула его шестнадцатилетнему сыну Феодору, а также царице Марии Григорьевне и царевне Ксении, но тут же во время присяги слышались уже голоса: «Не долго царствовать Борисовым детям! Вот Димитрий Иванович придет на Москву...»

Юный царь Феодор, по отзывам современников, «хотя был и молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественному словию». К великому его несчастью, не это было нужно в данное время. Необходимы были верные, преданные слуги, а их-то и не было. Вся на-

дежда молодого царя и его матери сосредоточилась на Петре Басманове, которого они отравили 17 апреля с князем Катыревым-Ростовским принять начальство над ратью, стоявшей у Кром, отозвавши прежних воевод, Мстиславского и Шуйского.

К Кромам же был послан и новгородский митрополит Исидор для привода войск к присяге. Но оставшиеся в Кромах военачальниками братья Голицыны, Василий и Иван Васильевичи, а также Михаил Глебович Салтыков и представители крупных служилых людей Рязанской земли – братья Ляпуновы решили уже перейти на сторону Лжедмитрия. К ним не замедлил примкнуть и последняя надежда семьи Годуновых – Басманов, как только он убедился, что дело их безнадежно проиграно.

Поводом для открытого перехода на сторону самозванца послужило приближение к Кромам высланного Лжедмитрием небольшого отряда под начальством поляка Запорского, который пустил слух, что за ним движется сорокатысячная рать. Первым перешел на сторону Лжедмитрия начальник иноземного царского отряда – лифляндец фон Розен.

Затем Басманов громко объявил войскам, что надо переходить на службу к своему прирожденному государю Димитрию Ивановичу.

Объявление Басманова о переходе на сторону самозванца произвело в войсках большой переполох, тем более что атаман Корела сделал в это время вылазку из Кром на лагерь москвитян.

Самая большая часть войска передалась Димитрию; остальные разбежались в разные стороны. Оставшиеся верными царю Феодору Борисовичу князья Катыврев-Ростовский и Телятевский также бежали в Москву. Басманов же, Голицын, Салтыков, Шереметев и другие воеводы, перешедшие на сторону Лжедимитрия, послали ему повинную. Тогда Григорий прибыл самолично 24 мая к Кромам, где обещал всем свои милости; однако, не доверяя вполне только что передавшейся ему рати, он распустил большую часть ее по домам.

Затем Лжедимитрий двинулся далее на Москву через Орел и Тулу, всюду встречаемый хлебом-солью и изъявлением покорности. Население с любопытством сбегалось со всех сторон посмотреть на своего истинного

царя, чудесно спасшегося от козней Годунова. Под Тулой, где Лжедмитрий остановился на некоторое время, был разбит тот же великолепный шатер, в котором располагался семь лет тому назад Борис во время своего знаменитого Серпуховского похода.

С пути новый царь непрерывно посылал гонцов с грамотами в Москву, призывая ее жителей изъявить ему покорность; хотя гонцов этих Годуновы и перехватывали, а затем и вешали, но тем не менее страшная потерянная царила в столице.

30 мая разнесся слух, что царь Димитрий уже подходит к Москве; множество людей стало тотчас же заготавливать хлеб-соль, чтобы встретить ими своего истинного государя; слух оказался ложным, но поведение граждан привело Годуновых в ужас, и на следующий день они начали ставить пушки на кремлевские стены при громких насмешках толпы.

Между тем, 1 июня под Москву прибыли новые гонцы Лжедмитрия – дворяне Наум Плещеев и Гаврила Пушкин. Они остановились сперва в пригородном Красном Селе, где жили богатые купцы и ремесленники, и про-

чили им грамоту нового царя, написанную на имя бояр: Мстиславского, Василия и Димитрия Шуйских и других. Затем, сопровождаемые огромной толпой народа, Плещеев и Пушкин двинулись прямо на Красную площадь. Здесь начались неистовая давка и шум. Из Кремля вышли было думные люди и закричали: «Берите воровских посланцев и ведите их в кремль», но народ отвечал на это грозными криками и приказал громко читать грамоту Лжедимитрия, где он извещал о своем спасении и прощал московским людям их неведение. Рассказывают, что толпа, донельзя возбужденная чтением этой грамоты, потребовала на Лобное место князя Василия Ивановича Шуйского, чтобы он сказал по правде, точно ли похоронен царевич в Угличе, и что будто бы он громко объявил: «Борис послал убить Димитрия-царевича; но царевича спасли: вместо него погребен попов сын».

Обезумевшая чернь с неистовым криком: «Долой Годуновых! Всех их истребить... Буди здрав Димитрий Иванович!» – ринулась в Кремль, где стрельцы, стоявшие на страже, пропустили ее в царские покои. Царь Феодор

поспешил в Грановитую палату и сел на престол; царица Мария Григорьевна и царевна Ксения стояли рядом с ним, держа в руках образа. Народ ворвался в палату и стащил несчастного Феодора с его трона; вместе с матерью и сестрой, на водовозных клячах, он был отправлен в прежний дом Бориса и заключен под стражу. Все родственники Годуновых были также перевязаны, а затем толпа приступила к неистовому грабежу. Всем этим делом руководил, по-видимому, знакомый нам Богдан Бельский, недавно возвращенный из ссылки. Ненавидя немцев, которых особенно жаловал покойный царь, он направил народ на погреба иноземных лекарей, говоря, что они набиты золотом и вином; лекаря были ограблены дочиста, а многие из толпы перепились их винами до бесчувствия и тут же выпускали дух.

Затем к Лжедмитрию отправились бить челом избранные московские люди: князь Иван Михайлович Воротынский и князь Андрей Телятевский. Они везли своему законному государю Димитрию Ивановичу грамоту с приглашением занять его прирожденный

стол. Грамота была написана от всех сословий, и первым подписался на ней патриарх Иов, только что рассылавший по всей земле грамоты по случаю войны с Гришкой Отрепьевым, в которых последний предавался проклятию со всеми своими сообщниками.

Московские послы прибыли в Тулу 3 июня, одновременно с посольством к самозванцу от его верных сподвижников – донских казаков. Лжедмитрий позвал к своей руке казаков, «преже московских бояр», которых казаки «лаяли и позорили», а затем уже принял Воротынского и Телятевского; он встретил их грозной речью – за долгое сопротивление законному царю, «наказывайте и лаяше, яко прямой царский сын», после чего отправил Телятевского, избитого почти до смерти казаками, в тюрьму, вероятно, за то, что он не хотел под Кромами перейти на сторону самозванца.

В Москву же были посланы князя Василий Васильевич Голицын и Рубец-Массальский вместе с дьяком Сутуповым: им было приказано покончить с Годуновыми и свести Иова с патриаршества. Посланные прибыли

10 июня. Иов был свезен на простой тележке в Старицкий Богородицкий монастырь, а все родственники Годунова отправлены в ссылку в дальние города, кроме Семена Годунова, главного руководителя казнями и доносами при царе Борисе: он был задушен в Переяславле.

С семьей Бориса покончили два отъявленных негодяя: Михаил Молчанов и Шерефединов; они взяли с собой трех дюжих стрельцов и, в сопровождении князей Василия Васильевича Голицына и Рубца-Мосальского, лично пожелавших присутствовать при этой гнусной расправе, отправились в старый дом Бориса. Царица Мария Григорьевна была скоро задушена, но царь Феодор защищался отчаянно и был убит самым ужасным образом. Царевну же Ксению оставили в живых и отправили во Владимир, так как самозванец, узнав про ее красоту, приказал князю Рубцу-Мосальскому сохранить ее для себя. Народу было объявлено, что Феодор и его мать от испуга сами приняли яду; такое же донесение было послано и Лжедмитрию в Тулу. Тело Бориса Годунова было вырыто из Архангельского со-

бора и похоронено в убогом Варсонофьевском монастыре, рядом с телами жены и сына.

В селе Коломенском для Лжедмитрия был приготовлен роскошный шатер, раскинутый на обширном поле. Сюда во множестве приходили поклониться ему люди Московского государства различного звания.

Царствование Лжедмитрия

20 июня последовал торжественный въезд нового царя в столицу при несмолкаемом колокольном звоне и радостных кликах коленопреклоненного народа, встречавшего его возгласами: «Дай, Господи, тебе, государь, здоровья! Ты наше солнышко праведное!» Он им ласково отвечал. Вдруг неожиданно поднялся, несмотря на совершенно ясный и тихий день, сильный вихрь. Многие сочли это за плохое предзнаменование.

У кремлевских соборов, в то время как новый царь прикладывался к мощам святителей, а духовенство пело молебны, сопровождавшие его поляки не слезли с коней и громко играли в трубы и били в бубны. Это тоже смутило благочестивых москвичей.

Войдя в Архангельский собор, самозванец припал к гробу Иоанна Грозного и стал проливать обильные слезы над прахом своего родителя.

Затем Богдан Бельский, бывший воспитатель царевича Димитрия, торжественно выехал на Красную площадь, направился к Лоб-

ному месту и объявил народу, что новый царь есть истинный Димитрий, в доказательство чего целовал крест.

День закончился общим весельем. «Но плач был не далек от радости, и вино лилось в Москве перед кровью», – говорит один из современников.

Новое царствование началось с милостей: не только своим мнимым родственникам Нагим, но и всем подвергнутым опале при Борисе была дарована свобода; несколько лиц были пожалованы боярами и окольными, а также были учреждены некоторые новые должности по польскому образцу: молодой князь Михаил Скопин-Шуйский был назначен великим мечником; дьяки Сутупов и Афанасий Власьев – великими секретарями; не был забыт и страдалец далекой Сийской обители Филарет Никитич; он был возведен в сан митрополита Ростовского, хотя и отклонял от себя это высокое звание; бывшую же его жену, старицу Марфу, с сыном Михаилом поместили в его епархии, в Ипатьевском Костромском монастыре, основанном в XIV веке предком Годунова – мурзою Четом.

Слепой царь Симеон Бекбулатович был также возвращен ко двору; наконец, разрешено было перевести тела Романовых и Нагих, погребенных в ссылке, и похоронить их с предками. Вместо сведенного Иова патриархом был назначен ловкий грек Игнатий, бывший рязанским епископом и первый из русских архиереев признавший Лжедмитрия. Затем всем военнослужилым людям было удвоено содержание, а духовенству подтверждены старые льготные грамоты и даны новые.

Осыпая милостями Нагих, новый царь, однако, никого из них к себе особенно не приближал; даже за его названной матерью – инокиней Марфой – был послан великий мечник князь Михаил Скопин-Шуйский не сразу. О том же, чтобы облагодетельствовать и приблизить к себе тех таинственных доброхотов, которые будто бы чудесно спасли юного царевича Димитрия, не было и помину. Самым близким лицом к новому царю стал Басманов.

С Лжедмитрием прибыли не только поляки, но и атаман Корела со своими донцами.

Те и другие стали, конечно, держать себя в Москве как победители и своею наглостью, особенно же по отношению женщин, не замедлили вызвать неудовольствие жителей. Этим, по-видимому, поспешили воспользоваться Шуйские, которые, как имеющие наиболее прав на престол, особенно тяготились самозванцем, тем более что он с первых же шагов проявил себя очень надменным по отношению к боярам. Почти немедленно после прибытия Лжедмитрия Басманов донес ему, что какой-то торговый человек Федор Конев и Костя-пекарь, научаемые князем Василием Ивановичем Шуйским, пускают в народе слухи, что новый царь – вор и расстрига, так как истинный царевич Димитрий погребен в Угличе.

Шуйского схватили, и собор из духовенства и членов думы осудил его к смертной казни, которая была назначена на 25 июня. Стоя у плахи уже с расстегнутым воротом рубахи, князь Василий Иванович с твердостью объявил окружавшей его толпе: «Братия, умираю за истину, за веру христианскую и за вас». Но в это время слышались крики:

«Стой», и к Лобному месту прибыл скачущий из Кремля гонец, привезший помилование Шуйскому. Народ приветствовал шумными кликами великодушие нового царя, а Шуйский с братьями был отправлен лишь в ссылку. Чем руководствовался самозванец в этом поступке – неизвестно: может быть, он хотел поразить всех своим великодушием, но вернее предположение, что он побоялся казнить одного из самых сильных бояр, имевшего множество сторонников среди московского населения. Вероятно, по этой же причине он вскоре совершенно простил Шуйских, вернул их в столицу и дал прежние должности при дворе.

Бывшая царица, инокиня Марфа, прибыла в Москву только 18 июля. Лжедмитрий выехал ей навстречу в село Тайнинское; здесь был раскинут шатер, в котором они имели свидание наедине. Из шатра оба вышли, оказывая друг другу самые нежные чувства; народ плакал при виде трогательной встречи матери с сыном. От Тайнинского до Москвы царь почтительно шел все время пешком рядом с материнской каретой. В Москве иноки-

ня Марфа поместилась в Вознесенском монастыре, где Лжедмитрий ежедневно ее посещал.

Вслед за приездом мнимой матери Расстрига венчался на царство, причем все присутствующие были немало удивлены, когда, после совершения обряда, его приветствовал один из прибывших с ним иезуитов речью на латинском языке.

Несмотря на хвастливые слова, обильно расточаемые иностранцам об обширных преобразованиях, которые он намерен был дать Московскому государству, деятельность Лжедмитрия по внутреннему управлению была крайне незначительна; мнение некоторых поляков, что он преобразовал Боярскую думу в Сенат по образцу польского, – совершенно неверно; Лжедмитрий советовался, как и прежние цари, с думными людьми так называемого «Царского Синклита» и с высшим духовенством, с членами «Освященного Собора», в состав которого входили патриарх, четыре митрополита, семь архиепископов и три епископа; поводом же к мнению об учреждении им Сената могло послужить то обстоя-

ительство, что грамоты его часто писались его поляками-секретарями – Слонским и двумя братьями Бучинскими, почему в них иногда попадались польские выражения «сенаты, сенаторы».

Самым важным делом за все время правления Димитрия были два постановления Боярской думы: о кабалах и о холопах. Кабалы за долги было запрещено давать потомственные, то есть если умирал заимодавец, за долг которому кто-нибудь записался ему в кабалу, то с его смертью обязательство должника оканчивалось и наследник умершего не имел более прав на личность этого должника.

Сущность же постановления относительно холопов заключалась в том, что господа теряли на них свои права, если не кормили их во время бывшего голода.

Беспредельная надменность и самомнение Лжедимитрия полностью развернулись в его сношениях с иностранными государями. Опьяненный чисто сказочным успехом в достижении Московского престола, он приписал это своим личным выдающимся качествам и необыкновенным полководческим

талантам, каковых в действительности, как мы видели, не было вовсе.

Лжедимитрий требовал, чтобы иностранные государи признали его императором, да притом еще «непобедимейшим», и стал подписываться этим новым титулом, хотя делал подпись эту на латинском языке безграмотно: вместо *imperator* он писал в два слова: «*imperator*».

Лжедимитрий настойчиво требовал от короля признания себя императором, но, впрочем, милостиво добавлял, что не забыл его добрых услуг и не будет грозить за это войною. Сигизмунд злобствовал, а поляки глумились над затеей Гришки, которого недавно видели таким смиренным в своей среде. Как раз в это время среди некоторых польских вельмож возник заговор с целью поднять восстание против Сигизмунда; есть данные, что Лжедимитрий решил воспользоваться этим и тайно предлагал заговорщикам, в случае низложения Сигизмунда, самого себя в короли.

Еще заносчивее, чем с Сигизмундом, держал себя самозванец с королем Шведским – Карлом IX. О своем вступлении на престол он

уведомил последнего следующим образом: «Всех соседственных государей, уведомив о своем воцарении, уведомляю тебя единственно о моем дружестве с законным королем Шведским, Сигизмундом, требуя, чтобы ты возвратил ему державную власть, похищенную тобою вероломно, вопреки уставу Божественному, естественному и народному праву, – или вооружишь на себя могущественную Россию. Усовестись и размысли о печальном жребии Бориса Годунова: так Всевышний казнит похитителей – казнит и тебя».

В своих мечтаниях о громких завоеваниях Расстрига задумал поход против турок, что являлось совершенно лишеным смысла, по тогдашним взаимным отношениям Московского государства к Турции, и не шутя начал к нему готовиться, желая стать во главе соединенного ополчения всех государей Европы.

Он рассчитывал на союз с поляками, германским императором, Венецией, персидским шахом и французским королем Генрихом IV, к которому выказывал свое благоволение, и обо всем об этом вел оживленные

внешние сношения, особенно же с Римом. Расстрига убеждал Папу не допускать императора Рудольфа II до мира с турками, а затем отправил к нему с письмом состоявшего при нем иезуита Лавицкого.

Занимавший в это время папский стол Папа Павел V, разумеется, относился самым внимательным образом к поддержанию добрых отношений со Лжедмитрием, рассчитывая, что он не замедлит обратить в латинство, по своему примеру, и всех жителей Московского государства. Папа тотчас же согласился называть его «непобедимейшим императором», поздравил с победой над Годуновым и начал давать ряд наставлений своему нунцию Рангони, польскому кардиналу Мацеевскому, Юрию Мнишеку, Марине и другим лицам о том, как надлежит действовать, чтобы с успехом повести дело обращения москвитян в лоно католичества.

Относительно брака с Мариною Папа писал Лжедмитрию: «...Мы не сомневаемся, что так как ты хочешь иметь сыновей от этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной в благочестивом католическом

доме, то хочешь также привести в лоно Римской церкви и народ московский, потому что народ необходимо должен подражать своим государям и вождям. Верь, что ты предназначен от Бога к совершению этого спасительного дела, причем большим вспоможением будет для тебя твой благородный брак...» Марине же Папа писал: «Мы оросили тебя своим благословением как новую лозу, посаженную в винограднике Господнем; да будешь, дочь, Богом благословенная, да родятся от тебя сыны благословенные, каковых надеется, каковых желает святая мать наша Церковь, каковых обещает благочестие родительское».

Посылая эти письма, Папа Павел V был, конечно, совершенно вправе рассчитывать на их успех, так как он не мог знать, что московский царь будет считать ни во что клятвы, произнесенные им во время перехода своего в католичество. Но Лжедмитрий был именно таков: ложь и обман были основанием всех его действий. Конечно, об обращении в латинство своих подданных он и не думал и ловко обходил вопрос об этом при сношениях своих с Папой.

Тем не менее, Расстрига продолжал держать при себе двух иезуитов, причем в день своего венчания на царство, 21 июля, он, по словам патера Андрея Лавицкого, тайно исповедовался по латинскому обряду и сказал им, что выбрал это число потому, что оно совпадает с днем памяти Игнатия Лойолы; в то же время его два польских секретаря, братья Бучинские, были протестантами, что немало смущало Папу, опасавшегося их вредного влияния; наконец, чтобы показать себя истинным православным, Лжедмитрий отправил во львовское православное братство на 300 рублей соболей для сооружения церквы и в своей грамоте к тамошнему духовенству писал: «Видя вас несомненными и непоколебимыми в нашей истинной правой христианской вере Греческого закона, послали мы к вам от нашей Царской казны».

Он посещал в Москве церковные службы и даже ел постное в положенные дни, но всем своим поведением проявлял легкое и пренебрежительное отношение как к вере, так к духовенству и старым обычаям. Он не мыл рук после еды, не отдыхал после обеда и не стес-

нялся есть телятину, что особенно возмущало всех, так как есть ее почиталось большим грехом. Однажды за столом Михаил Татищев, человек вообще с покладистой совестью, при виде блюда с телятиной настолько резко высказал царю свое негодование, что подвергся ссылке и был помилован лишь по просьбе Басманова.

Ввиду такого зазорного поведения Расстриги в Москве не замедлили появиться слухи об измене царя православию и что будто бы под кроватью его спрятана икона Богоматери, а в сапоге – крест; по рассказу одного иностранца, Лжедмитрий, узнав про эти слухи, снял со стены висевшую икону, приложился к ней и, обратившись к присутствующим, громко сказал: «Пусть сотворит Господь Бог надо мною или над этой иконой какое-нибудь знамение, если я когда-нибудь помышлял отступить от святой веры русской и принять другую, не говоря уже об оскорблении и сокрытии святой иконы под кроватью или в сапоге». Затем он снова повторил: «Да совершит Господь в глазах ваших знамение надо мною или иконою, если я мыслю что-нибудь иное».

По отзывам некоторых иноземцев, Лжедмитрий отличался вспыльчивым, но благодушным и доверчивым нравом и легко прощал виновных против своей личности. В действительности, однако, это было не так. Тотчас же после его въезда в столицу из Москвы было удалено до семидесяти семейств, бывших сторонников Годуновых. Многие иноки Чудова монастыря были также разосланы по дальним обителям; при этом замечено было, что царь ни разу не посетил этого монастыря, чтобы не встретиться в нем со своими старыми товарищами. Мы видели, что влиятельный князь В. И. Шуйский был великодушно прощен за распространение в народе слухов, что новый царь – расстрига и вор, но менее значительные люди подвергались за ту же вину ссылкам и казням.

Первым обличителем Лжедмитрия был, по свидетельству шведа Петрея, жившего в это время в Москве, какой-то инок, узнавший его и начавший громко говорить, что это Григорий Отрепьев. Его тайно умертвили в темнице.

Дядя самозванца – Смирнов-Отрепьев, по-

сланный, как мы помним, Борисом Годуновым к Сигизмунду для уличения племянника, был сослан в Сибирь; но свою мать, Варвару Отрепьеву, тоже заявлявшую, что на престоле сидит ее сын, и ее братьев Расстрига не тронул, подвергнув только, по некоторым свидетельствам, тюремному заключению.

Вскоре после помилования князя В. И. Шуйского на Лобном месте были схвачены дворянин Тургенев и мещанин Феодор, которые явно возмущали народ против лжецаря. Расстрига велел их казнить, и они мужественно приняли смерть, громогласно называя его антихристом и сатаной, в то время как чернь, подкупленная недавним великодушием царя по отношению к Шуйскому, ругалась над ними и кричала: «Умираете за дело!»

Несколько позже среди стрелецкого отряда, бывшего под начальством преданного Лжедмитрию Григория Микулина, нашлись люди, ставшие открыто говорить, что на престоле сидит вор и враг нашей вере. Лжедмитрий, узнав про это, выдал виновных на расправу остальным стрельцам. Микулин, чтобы выразить свою преданность Расстриге,

сказал ему: «Освободи меня, государь, я у тех изменников не только что головы покусую, но и черева из них своими зубами повытаскаю». Затем он первый обнажил свой меч, и они были изрублены на куски, до конца упорно стоя на своем, что Лжедмитрий – расстрига и вор. Неприятным обстоятельством для последнего должно было быть и известие о появлении нового самозванца. Волжские и терские казаки, завидуя успеху донцов, так удачно посадивших его на Московском столе, объявили молодого казака Илейку сыном покойного царя Феодора Иоанновича – Петром, будто бы подмененным Борисом Годуновым на девочку – княжну Феодосию.

Скоро товарищи царевича Лжепетра, собравшись в количестве до 4000 человек, объявили, что идут добывать ему Москву, и начали предаваться неистовым грабежам на Волге, между Астраханью и Казанью.

Для придания большей пышности своему двору, кроме слепого царя Симеона Бекбулатовича, Лжедмитрий вызвал к себе также и шведского королевича Густава, сына низложенного короля Эрика Безумного, который

был в дурных отношениях с своим дядей Карлом IX; но когда Густав отказался дать самозванцу присягу в безусловном повиновении, то он заключил его в тюрьму в Ярославле; старец Симеон Бекбулатович был тоже сослан скоро в Кирилло-Белозерский монастырь и пострижен в монахи за то, что он громко высказывал свое негодование по поводу приверженности нового царя к латинству.

Первое место при дворе и в государевой думе занимали те же лица, что и при Борисе Годунове: князь Ф. И. Мстиславский и В. И. Шуйский, причем Лжедмитрий разрешил им обоим жениться. Но истинными друзьями царя были Басманов, князь Рубец-Массальский и Молчанов, гнусный убийца молодых Годуновых.

В самых близких отношениях был также Лжедмитрий с поляками, прибывшими с ним. Он щедро наградил их и разрешил им ехать домой, но затем, не доверяя своей русской страже, Расстрига задержал этих поляков, причем вся дворцовая прислуга была заменена ими. Царь окружил себя также осо-

бым отрядом телохранителей из трехсот иностранцев. Он дал каждому воину, сверх поместья, от 40 до 70 рублей жалованья и никуда не ездил без этих телохранителей.

С капитанами этой иноземной стражи, в числе коих был и знакомый нам француз Маржерет, Лжедимитрий был очень хорош. Наконец, он особо приблизил к себе пятнадцатилетнего князя Хворостинина, который стал держать себя с нестерпимой наглостью по отношению к окружающим.

Все препровождение времени нового царя было основано на веселье и различных развлечениях. Вероятно, это и было истинной причиной, почему он в одно мгновение решал всякие дела в думе, чтобы не проводить в ней долгие часы; с целью же забавы устраивались им, надо думать, и разные воинские упражнения, так как более глубоким преобразованием своих войск или устройством их быта он не занимался.

Расточительность Лжедимитрия, к большой радости иноземных купцов, которым он оказывал огромные льготы, особенно англичанам, была чрезвычайна: «Страсть его к по-

купкам была так велика, – рассказывает Масса, – что он покупал вещи нисколько не замечательные и те, кто их приносил, немедленно получали деньги и уезжали обратно. Над большой кремлевской стеною он велел построить великолепное здание, откуда была видна вся Москва. Оно было построено на высокой горе, под которой протекала река Москва, и состояло из двух строений (деревянных), расположенных одно подле другого...»

Одно предназначалось для будущей царицы, а другое – для царя. Дворец этот был обставлен самым роскошным образом, а свой престол Лжедмитрий приказал вылить из чистого золота и украсить его драгоценными камнями.

Между тем приспешники царя, особенно поляки, продолжали себя держать крайне нагло; они позволяли себе наносить неслыханные оскорбления женщинам, простым и знатным, и все это, несмотря на многочисленные жалобы, сходило им с рук.

По свидетельству Массы, самые близкие к самозванцу люди, Басманов, Рубец-Мосаль-

ский и Молчанов, «сообща делали подлости и занимались распутством». Сам царь «бесчестил жен и девиц».

Безграничное мотовство и разгул нового царя постоянно требовали, конечно, обильного притока денежных средств. Для этого он наложил свою руку на казну и имущество монастырей, причем с одной Троице-Сергиевой Лавры он взял 30 000 рублей, деньги по тому времени огромные.

«Как бы желая унижить сан монашества, – повествует Карамзин, – он срамил иноков, в случае их гражданских преступлений, бесчестною торговою казнью; занимал деньги в богатых обителях и не думал платить сих долгов значительных; наконец, велел представить себе опись имению и всем доходам монастырей, изъявив мысль оставить им только необходимое для умеренного содержания старцев, а все прочее взять на жалованье войску; то есть смелый бродяга, бурей кинутый на престол шаткий... хотел прямо, необыкновенно совершить дело, на которое не отважились Государи законные, Иоанны III и IV в тишине бесспорного властвования и

повиновения неограниченного.

Дело менее важное, но не менее безрассудное, также возбудило негодование белого московского духовенства: Лжедмитрий выгнал арбатских и Чертольских священников из их домов, чтобы поместить там своих иноземных телохранителей...» Вместе с тем, чтобы избавить этих телохранителей от труда ездить в Немецкую слободу, Расстрига разрешил иезуитам служить обедни, а протестантским пасторам говорить проповеди в стенах Кремля, бывшего, как мы видели, в глазах обитателей Москвы как бы священным храмом, где обитал православный русский царь.

Широкий разгул, которому предавался самозванец, не мешал ему мечтать о браке с панной Мариной Мнишек. Это была одна из причин, наряду с замыслом о походе против турок, для поддержания добрых отношений как с Папой, так и с польским королем.

В конце августа 1605 года Сигизмунд отправил в Москву своего посла Александра Гонсевского поздравить Лжедмитрия с вступлением на престол; вместе с тем Гонсевский должен был напомнить его обязатель-

ства по отношению к Польше. Но новый царь ловко воспользовался тем, что Сигизмунд назвал его только великим князем; под этим предлогом, обласкав Гонсевского, он уклонился от дальнейших переговоров до признания его «непобедимейшим императором» и отправил, в свою очередь, к Сигизмунду своего великого секретаря, думного дьяка Афанасия Власьева, «в Литву по Сендомирского с дочерью», – как выражается летописец. Власьев должен был испросить позволения короля на выезд Марины в Москву, а также и уговорить его к войне с турками.

К Юрию Мнишеку, который прислал московским боярам хвастливую грамоту, называя себя в ней началом и причиною возвращения Димитрия на престол предков и обещая им увеличить их права, по своем приезде в Москву, был отправлен секретарь самозванца Ян Бучинский; Бучинский вез также письмо и к нунцию Рангони, в котором Расстрига просил его исходатайствовать в Риме разрешение причаститься Марине в день ее венчания на царство по православному обряду и поститься по средам. За услуги же, оказывае-

мые Рангони, Лжедимитрий стал хлопотать у Папы о возведении его в кардинальское звание.

Брак Лжедмитрия с Мариной Мнишек

Ослепленный успехами самозванца, Сигизмунд полагал, что ему следует жениться на девушке познатнее, чем Марина, и, кажется, выразил это Власьеву, желая, по-видимому, выдать за Расстригу свою родную сестру; скоро, однако, король оставил эту затею, так как все более и более разочаровывался в своем ставленнике; к тому же из Москвы к нему прибыл какой-то швед с тайным поручением от царицы Марфы, который сообщил королю, что занявший Московский стол не ее сын. Затем прибыл в Польшу и дворянин Безобразов, тайно передавший вернувшемуся из Москвы Гонсевскому, что Шуйский и Голицын жалуются на короля, зачем он навязал им в цари человека низкого и легкомысленного, притом тирана и распутного, ни в каком отношении не достойного престола; Безобразов передавал также, что бояре хотят свергнуть Отрепьева и посадить вместо него королевича Владислава – юного сына Сигизмунда. Узнав

про это, Сигизмунд сообщил, что он очень жалеет, что ошибся в Димитрии, по вопросу же об избрании Владислава – предоставляет все воле Божией.

Слухи о непрочности положения Лжедмитрия были переданы королем и Юрию Мнишеку; по-видимому, они его несколько смутили. Однако он сильно нуждался в деньгах, а потому переговоры о сватовстве продолжались; 1 ноября Афанасий Власьев вручил ему вместе с роскошными подарками от будущего зятя полмиллиона рублей чистыми деньгами, а несколько позднее – секретарь Бучинский – еще 200 000 червонцев.

Наконец, 10 ноября в Кракове состоялось, в присутствии короля, с большой торжественностью и пышностью, обручение Марины по католическому обряду. Лицо жениха представлял Афанасий Власьев; он поражал всех своим простодушным поведением.

Хитрый Афанасий Власьев вел себя таким образом, по-видимому, не без задней мысли: он хотел показать полякам и королю, как высоко чтут на его Родине звание государя, и этим как бы корил и Сигизмунда, что с ним

его подданные обращаются чересчур запросто. Отказ его от еды может быть также объяснен обидою Власьева, что королю и его семейству подавали есть на золотой посуде, а Марине и ему, изображавшему лицо царя, — на серебряной. Эта обида должна была возрасти в сильнейшей степени, когда, после танцев, в которых участвовала Марина по окончании обеда, Мнишек подвел свою дочь к королю и приказал ей пасть ему в ноги, чтобы отблагодарить его за все благодеяния. Оскорбленный таким унижительным поведением будущей царицы Московской, Власьев тут же высказал это канцлеру Льву Сапеге.

После обручения Власьев требовал, чтобы Марина немедленно ехала в Москву. Но ни она, ни отец ее не спешили. Последний, несмотря на полученные огромные подачки, требовал все денег и денег для устройства своих дел и занимал их даже у Афанасия Власьева, а Марина была недовольна слухами о Ксении Годуновой, не отвечала жениху на письма и требовала ее удаления. Желание ее было исполнено: несчастная Ксения была пострижена под именем Ольги, а затем сослана

в далекую пустынь на Белоозеро, терпя затем в течение многих лет всевозможные унижения.

В это же время шла сложная переписка в среде католического духовенства относительно просьбы Лжедмитрия – разрешить Марине в день венчания на царство причаститься по православному обряду и поститься по средам; Папа передал рассмотрение этого вопроса высшему инквизиционному судилищу в Риме, и оно высказалось против. Но, конечно, этот отказ нисколько не помешал предстоящему браку.

Приготовления к путешествию Мнишек заняли три месяца. С ними выехало в Москву множество самого разнообразнейшего люда. Ехал брат Марины – Станислав, брат самого Мнишека – Ян, Константин Вишневецкий, несколько членов семьи Тарло, родственников матери Марины, и другие представители польской знати. «Охмистром» (гофмейстером – управляющим двором) будущей московской царицы был пан Стадницкий, а «охмистриною» – пани Казановская. Много было и латинского духовенства, в том числе иезуит

Савицкий и, как его называет Валишевский, «веселый патер Анзеринус», он же ксендз Гусь. Затем было также 20 музыкантов и огромное количество торговцев, суконщиков, аптекарей, цирюльников – всего до 2000 человек. Каждый из членов этого сорища, сопровождавшего Марину к венцу, ехал с тем, чтобы возможно лучше поживиться в Московском государстве. Ксендзы рассчитывали обратить скоро весь русский народ в латинство, а остальные – знатно повеселиться и нажить большую деньгу.

Зная беспримерную страсть Лжедмитрия к мотовству, старая Анна Ягеллонка, вдова Батория, тоже хотела поправить свои дела за счет царской казны и послала важного пана Немоевского продать Расстриге свои драгоценности по хорошей цене.

Отъезд из Самбора состоялся 20 февраля. Ехали неторопливо, с многочисленными остановками, причем на трех из них – в Минске, Смолевичах и Борисове – Мнишек получал от нетерпеливого жениха щедрые присылки денег.

10 апреля в Лубне, близ литовской грани-

цы, Михайло Нагой и князь Рубец-Мосальский приветствовали высоких гостей от имени царя и объявили Марине, что он ничего не пожалеет, чтобы обставить ее путь возможными удобствами; действительно, одних только мостов по дороге было выстроено 540. В Смоленске Марину встретили великолепные сани, обитые соболями; в Вязьме Мнишек расстался с дочерью и поехал вперед в Москву.

В Можайск, во время остановки Марины, по некоторым известиям, к ней приезжал Лжедмитрий и провел с невестой двое суток. Наконец, перед самой Москвой, в деревне Мамонове, жених опять явился ночью и виделся с нею в присутствии ее спутниц.

24 апреля Юрий Мнишек прибыл в Москву и был встречен с большим торжеством. Лжедмитрий выслал ему навстречу Петра Басманова, одетого гусаром, с отрядом боярских детей, а также и великолепных коней, причем седло будущего царского тестя было окочено чистым золотом; при въезде в Кремль были расставлены войска.

1 мая Марина прибыла под Москву и рас-

положилась со свитою в великолепных шатрах, где была встречена знатнейшими сановниками. На другой день последовал ее торжественный въезд в столицу. Она ехала, приветствуемая звоном колоколов и громом пушечных выстрелов, в великолепной карете, отделанной серебром и запряженной десятью лошадьми, расписанными краской под тигровую масть. Впереди кареты ехал верхом самый старый Мнишек и шли отряды польской пехоты и гусар, а по обеим сторонам улиц, сдерживая напор несметной толпы, стояли войска: московские стрельцы и дворяне, польские жолнеры, немецкие алебардчики и отряды казаков; их лично расставлял сам царь, скрытно разъезжавший затем среди народа, чтобы наблюдать за въездом своей нареченной. Говорят москвичи, опять как год тому назад при въезде нового царя, были неприятно поражены внезапно поднявшимся сильным вихрем.

Необычайной должна была им казаться и внешность их будущей царицы: она была в бальном французском платье, узко перетянута в поясе, со взбитыми и поднятыми вверх

волосами и огромнейшим воротником, почти в аршин в поперечнике. Конечно, многочисленные драгоценные камни, которые носили прежние московские государыни, уже блистали на ней.

Невеста должна была жить в помещении инокини Марфы, мнимой матери царя, в кремлевском Вознесенском монастыре. Когда поезд ее остановился у врат обители, то Марина, выходя из кареты, приказала сопровождавшему ее хору польских музыкантов сыграть польскую народную песню. Музыка, конечно, тотчас же грянула, к полному смущению всех присутствующих русских людей.

В тот же день, несколькими часами ранее въезда царской невесты, в Москву прибыли послы Сигизмунда – паны Олесницкий и Гонсевский для присутствования от его имени на торжестве бракосочетания.

Для размещения огромного количества польских гостей требовалось большое число помещений. Устроив Марину в Вознесенском монастыре, а Мнишека в доме Годуновых, для остальных взяли «все лучшие дома в Китае и Белом городе и выгнали хозяев, не только

купцов, дворян, дьяков, людей духовного сана, но и первых вельмож, даже мнимых родственников царских, Нагих; сделался крик и вопль, – говорит Карамзин. – С другой стороны, видя тысячи гостей незваных, с ног до головы вооруженных, видя, как они еще из телег своих вынимали запасные сабли, копья, пистолеты, москвитяне спрашивали у немцев, ездят ли в их землях на свадьбу, как на битву, и говорили друг другу, что поляки хотят овладеть столицей».

Оставшиеся дни перед бракосочетанием, которое должно было состояться 8 мая, шли между тем не совсем гладко.

На «Освященном соборе» у духовенства поднялся вопрос: можно ли допустить до брака с царем католичку Марину или ее необходимо крестить. Угодливый патриарх Игнатий полагал, что достаточно будет, если она приобщится Св. Тайн; другие святители молчали, но двое – Гермоген Казанский и Иосиф Коломенский – настаивали, что еретичка Марина непременно должна быть крещена. Взбешенный этим, Лжедмитрий выслал обоих пастырей из Москвы в их епархии.

7 мая, ночью, Марина, при свете двухсот факелов, совершила в богатейшей колеснице переезд из Вознесенского монастыря на свою половину нового деревянного дворца, выстроенного Лжедмитрием.

Свадьба, с соблюдением всех старинных обрядов, состоялась на другой день, 8 мая, хотя это и был канун большого праздника – Святого Николая, когда по церковному обычаю венчанья не положено.

Невесту для обручения ввели в столовую избу княгиня Мстиславская и Юрий Мнишек. Тысяцким жениха был князь Василий Иванович Шуйский. Лжедмитрий весь сиял от блеска драгоценных камней, на нем надетых. Марина, преодолев на сей день свое отвращение к русскому наряду, была в красном бархатном платье с широкими рукавами, причем оно было настолько густо обшито жемчугом, что едва можно было различить его цвет; повязка же на ее голове из драгоценнейших камней стоила до 70 000 рублей.

Перед совершением таинства бракосочетания Лжедмитрий вздумал венчать на царство свою невесту. В Грановитой палате было

сооружено два престола: на один сел Расстрига, на другой – Марина. К ней подошел князь Василий Иванович Шуйский и громко сказал: «Наияснейшая великая государыня Цесарева Мария Юрьевна! Волею Божиею и непобедимого Самодержца, Цесаря и Великого Князя всея России, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой царский маестат (владычество) и властвуй вместе с Государем над нами».

Из Грановитой палаты торжественное шествие направилось через Красное крыльцо в Успенский собор; там было тоже приготовлено три трона – для жениха, невесты и патриарха. Марина и сопровождавшие ее польки начали прикладываться к иконам, причем, к великому соблазну присутствующих православных, целовали изображенных на них святых прямо в уста.

Затем началось беспрецедентное деяние: Марина была венчана патриархом на царство, чего не удостоивалась ни одна из прежних наших благочестивых цариц. Недостойный первосвященник Игнатий надел на иноверку Марину Животворящий Крест, шапку и бар-

мы Мономаха, помазал ее миром и причастил. Последнее обстоятельство, впрочем, иезуиты, во главе с о. Пирлингом, отвергают. После принесения ей поздравлений всем духовенством, боярами и поляками, при пении певчими многолетия «благоверной цесареве Марине», начался обряд бракосочетания. В течение этой службы Расстрига крайне высокомерно требовал от окружавших его бояр разных унижительных, как это было замечено присутствующими поляками, услуг: подставить ему под ноги скамейку и пр. После венца молодые, в коронах на головах, вышли, держась за руки, из храма и в дверях были осыпаны, по обычаю, золотыми деньгами князем Мстиславским. Затем был небольшой обед, и, наконец, Юрий Мнишек и князь В. И. Шуйский проводили новобрачных до их покоев.

Торжества по случаю свадьбы царя начались на другой день. Вместе с тем начались и разного рода недоразумения.

Получив приглашение к царскому столу, послы Олесницкий и Гонсевский заявили, что они требуют, чтобы их посадили непре-

менно за одним столом с царем и царицею, подобно тому, как сидел Власьев в Кракове на обеде у короля, после своего обручения с Мариной по латинскому обряду. Им возражал на это тот же Власьев, указывая, что вместе с ним за королевским столом сидели послы императора и Папы, следовательно, ему никакой особой чести оказано не было, «ибо Государь наш не менее ни императора, ни Римского владыки – нет, великий цезарь Димитрий более их: что у вас Папа, то у него каждый поп».

Послы обедать не поехали. Торжество, впрочем, от этого нисколько не пострадало. За столом в Грановитой палате, где присутствовали высшие русские сановники и польская знать, Лжедимитрий появился одетый гусаром, а Марина – в своем польском одеянии, которое она больше не снимала. В дверях же разместились польские музыканты. Расстрига постоянно пил здоровье поляков и оказывал им отменную честь. По окончании стола русские разошлись по своим домам, но поляков Лжедимитрий удержал в своих покоях и потребовал сюда еще вина и музыки.

Здесь он опять пил за здоровье каждого и по-приятельски шутил и беседовал с ними, причем, как истый потомок по духу второго сына Ноя, глумился в разговорах над императором Рудольфом, королем Сигизмундом и над Папою, а себя называл другом Александра Македонского и выражал сожаление, что не может помериться с ним силами. Затем он пошел в помещение польских солдат и пил за их здоровье и за славу польского оружия.

В воскресенье, 11 мая, польские послы подносили подарки Марине и опять были приглашены обедать, причем опять же возникли пререкания о местах. Благодаря вмешательству Юрия Мнишека Лжедмитрий уступил и согласился поставить особый стол для старшего из послов, Олесницкого, несколько ниже своего, но за обедом продолжал держать себя невежливо по отношению к Сигизмунду и пил его здоровье сидя и с покрытой головой; когда же приглашенные поляки подходили к нему с чаркой, он перед каждым снимал с головы тафью.

По-видимому, в этот же день, 11-го утром, вышла неприятность для молодых. На дьяка

Тимофея Осипова была возложена обязанность торжественно объявить Марину царицей, после чего должно было последовать принесение ей присяги. Готовясь к этому дню, Тимофей Осипов наложил на себя пост и двукратно причастился Святых Тайн. Затем, когда настало время, он, ничего не сказав жене, предстал перед царем и, в присутствии всех, громогласно начал свою речь словами: «Велишь себя писать в титулах и грамотах «цезарь непобедимый», а то слово по нашему христианскому закону Господу нашему Иисусу Христу грубо и противно; а ты – вор и еретик подлинный, расстрига Гришка Отрепьев, а не царевич Димитрий». Мужественный дьяк объявил затем, что не желает присягать иезуитке, царице-язычнице, оскорбляющей своим присутствием московские святыни, и хотел продолжать свою речь дальше, но был тотчас же убит окружающими и выброшен из окна.

14 мая Марина принимала в своих покоях всех московских боярынь. Подробностей об этом приеме польские летописцы не сохранили.

15-го числа состоялось деловое совещание польских послов с князьями Димитрием Шуйским и Мосальским, Михаилом Татищевым и дьяками Власьевым и Грамотиным. Опираясь на обещание, данное Расстригою королю, послы требовали, чтобы царь отдал Польше Смоленск и княжество Северское, а также Новгород и Псков или, по крайней мере, часть этих земель и оказал бы ему ратную помощь для овладения Швецией. За это Сигизмунд обещал помогать ему в войне с турками. Далее послы настаивали, что, в случае бездетности царя, его престол должен перейти к польской короне, а пока в Московском государстве необходимо открыть костелы и завести школы и коллегии (иезуитские для детей). Им ответили, что царь вскоре сам будет говорить с ними про все эти дела.

В ожидании же этих разговоров Лжедмитрий пригласил в тот же день Олесницкого на пир, устраиваемый для друзей Марины, уверяя его, что на нем «не будет ни цесаря, ни посла», а только одни друзья. «Но потом далеко иначе было», – говорит один поляк-очевидец.

После обеда Расстрига и Марина пустились в пляс; затем с ней начали танцевать и другие польские паны, а Лжедмитрий пошел переодеться. Между тем в палату стала набиваться прислуга находившихся в ней панов, чтобы взглянуть, как они веселятся. Марине это не понравилось, и, по словам пана Немевского, «государыня» обратилась к трем своим приближенным со словами: «Скажите тем, которые сюда влезли, и их панам, чтобы они убирались, иначе я их велю отхлестать кнутами, да не единожды, а трижды». Это были единственные слова, которые дошли до нас от Марины, за время ее пребывания московской царицей. Они показывают нам ясно, насколько велика была «утонченная воспитанность» польских шляхтянок, которая, по словам Валишевского, «страдала от сношений с грубыми монахинями» Вознесенского монастыря.

Между тем в палату вернулся Расстрига; он скинул свое московское одеяние и явился теперь в красном польском жупане, богато вышитом зелеными и голубыми цветами и усыпанным жемчугом и бриллиантами. Само-

званец взял Марину и начал с ней какой-то танец, в котором за ними должен был ухаживать пан Олесницкий. Олесницкий ухаживал, не снимая с головы своей венгерской шапочки – магерки, и вызвал тем сильный гнев царя: «Скажите всем, кто танцует в шапках, – крикнул он пану Стадницкому, – что с тех я буду снимать их вместе с головами». – «Смотрите, ваша милость, – сказал на это Олесницкий пану Немоевскому, снимая свою магерку, – господарь мне обещал, что тут не будет ни посла, ни цесаря, а теперь я вижу, что посла-то нет, но цесарь остался».

Пляски продолжались, но Расстрига зорко следил, чтобы никто не смел быть в шапках, и требовал, чтобы по окончании каждого танца посол и все гости кланялись ему в ноги.

Часть вечера 16 мая самозванец провел с посланным королевы Анны Ягеллонки, паном Станиславом Немоевским, который принес ему показать привезенный для продажи железный ларец с бриллиантами, рубинами и жемчугами. Лжедмитрий долго беседовал с ним как с добрым приятелем и оставил привезенные камни у себя, чтобы их лучше рас-

смотреть. Царь произвел отличное впечатление на Немоевского; он называет его высокопросвещенным, добрым, мягким и щедрым, впрочем, чаще на словах, чем на деле. «Наобещав десятки тысяч, Лжедмитрий, – говорит Немоевский, – охотно искал предлога для гнева, чтобы освободиться от данного слова... Рост был ниже среднего, с круглым смуглым лицом и сумрачным взглядом маленьких глаз; с русыми волосами, без усов и без бороды, он, несмотря на молодость, имел в лице что-то бабье».

Гибель самозванца

Вечер, проведенный с Немоевским, был последний в жизни Расстриги.

Мы видели, какое страшное негодование должно было производить все поведение Лжедмитрия как на бояр и духовенство, так и на московское население.

«Прибытие Марины с поляками еще ускорило ход событий, — говорит иезуит Пирлинг. — Они сами признавались впоследствии, что злоупотребляли своим положением и слишком предавались своим страстям. Самые возмутительные деяния начали твориться на глазах у всех.

Поляки не ведали ни стыда, ни совести. Знать шляхетская распевала, плясала, пировала в кремле под звуки шумной музыки, непривычной для слуха благочестивых россиян... Эти надменные гости держали себя особняком, не желая смешиваться с русскими; понятно, такая исключительность оскорбляла многих и вызывала раздражение. Еще хуже знатных господ вела себя челядь. Здесь были настоящие головорезы. Они положительно

ни в чем не знали удержу. То бесчинствовали в православных церквях, то затевали буйство на улице, то оскорбляли честных девиц... При всем своем пристрастии к соотечественникам, Мартын Стадницкий не скрывает своего отрицательного отношения к их поведению в Москве.

По его словам, поляки вызывали ярость москвичей своей распущенностью. Они обходились с русскими людьми как с «быдлом» (скотом); они оскорбляли их всячески, затевали ссоры, а в пьяном виде способны были нанести самые тяжкие обиды замужним женщинам».

«Хуже всего было то, что сам царь уже не внушал к себе прежнего доверия. Димитрий, которым восторгались когда-то Рангони и о. Андрей (иезуит), был теперь неузнаваем. В нем совершился коренной переворот. Эта перемена сказывалась и в тривиальных (пошлых) шутках, бестактных притязаниях и в каком-то поистине роковом ослеплении...»

Во главе недовольных новым царем стоял князь Василий Иванович Шуйский; он действительно служил самозванцу, постоянно нахо-

дьясь в непосредственной его близости, но вместе с тем столь же деятельно готовился к его низвержению, когда приспееет для этого должное время. Ближайшими товарищами Шуйского по заговору были: князя Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин; они еще на свадьбе Расстриги решили его убить – «а кто после него будет у них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским государством».

К этим главным заговорщикам примкнули многие дворяне, в числе которых видное место принадлежало думному дворянину Михаилу Татищеву, затем большое количество московских обитателей, а также восемнадцатитысячный отряд новгородского и псковского войска, назначенный для похода в Крым и стоявший близ столицы. Перед переворотом у Шуйского собрались ночью главнейшие заговорщики – бояре, купцы, горожане и сотники и пятидесятники от полков. Шуйский прямо заявил им, что Димитрий был посажен с целью освободиться от Годунова и в надежде, что храбрый молодой царь будет оплотом

православия и старых русских заветов. Но, к сожалению, оказалось, что вышло иначе: Расстрига всецело предан полякам, презирает нашу веру и все русское, почему страшная опасность грозит православию и Отечеству.

Положено было, что заговорщики, по звуку набата, кинутся во дворец с криком: «Поляки бьют государя», как бы для его защиты, чтобы не возбуждать подозрительности непосвященных в заговор москвичей, и убьют Расстригу; в то же время решено было ворваться в дома ненавистных поляков, отмеченных на кануне русскими буквами, и перебить их. «Немцев, – говорит С. Соловьев, – положено не трогать, потому что знали равнодушие этих честных наемников, которые храбро сражались за Годунова, верны Димитрию до его смерти, а потом будут так же верны новому царю из бояр».

На 18 мая Лжедмитрий готовил военную потеху – примерный приступ к деревянному городку, сооруженному за Сретенскими воротами. Этим также воспользовались заговорщики и распустили слух, что царь во время потехи перебьет всех бояр, а затем хочет от-

дать Польше часть московских владений и ввести у нас унию. Слух этот, впрочем, имел некоторое основание, так как в этом замысле Лжедмитрия впоследствии признались братья Бучинские – секретари Расстриги. Конечно, скрыть все следы готовящегося обширного заговора было невозможно; в ответ на вызывающие действия поляков москвичи тоже относились к ним враждебно, и однажды толпа в 4000 человек стала осаждать дом, где жил Константин Вишневецкий; в пьяном виде многие горожане открыто ругали царя-еретика и поганую царицу. Сведения об этом доходили и до Лжедмитрия; но он, в своем безумном ослеплении, по-видимому безгранично веря, что будет царствовать, по предсказанию астрологов, тридцать четыре года, не придавал им большого значения. Между тем настроение московских жителей становилось уже явно враждебным по отношению к полякам, а ночью 15 мая в Кремле было поймано каких-то шесть заговорщиков, из которых трое были убиты, а трое преданы пытке.

Ночью на 17 мая бояре, участвовавшие в

заговоре, распустили по домам именем царя семьдесят иностранных телохранителей из ста, ежедневно державших стражу во дворце, – так что в нем их осталось только тридцать человек. В ту же ночь вошел в Москву восемнадцатитысячный отряд войска, перешедший на сторону Шуйского, и занял все двенадцать городских ворот, никого не впуская в Кремль и не выпуская из него. Все это прошло совершенно незаметно. Лжедмитрий и поляки беспечно спали глубоким сном, тем более что истекшее 16-е число прошло спокойно.

В субботу, 17 мая, в четвертом часу утра, ударил большой колокол у Ильи Пророка на Ильинке. Удар этот был условным знаком; вслед за ним загудели разом все московские колокола. Народ, вооруженный бердышами, самострелами, мечами и копьями, стал валить со всех сторон на Красную площадь. Туда же бежали и преступники, выпущенные накануне боярами из тюрем. Главные руководители заговора: Шуйский, Голицын, Татищев и другие, в количестве до двухсот человек, – уже находились на Красной площади;

все они были верхами и в полном вооружении. Когда народ собрался, то ему объявили: «Литва собирается убить царя и перебить бояр; идите бить Литву». Это было достаточно для озлобленных москвичей; они тотчас же бросились в разные концы города, чтобы избивать своих врагов. Заговорщики же спешили скорее покончить с Лжедмитрием. Василий Шуйский, с крестом в одной руке и мечом в другой, въехал через Спасские ворота в Кремль, приложился к образу Владимирской Божией Матери и сказал своим спутникам: «Во имя Божие, идите на злого еретика во дворец».

Набат разбудил Расстригу. Он быстро перешел из половины Марины на свою и встретил там Дмитрия Шуйского, который сказал ему, что, вероятно, в городе пожар. Самозванец пошел успокаивать Марину, но шум толпы делался все сильнее и сильнее. Тогда Басманов, ночевавший во дворце, выглянул из окна и спросил подъехавших заговорщиков, что им надобно. Они ему отвечали непечальной бранью и кричали: «Отдай нам своего вора, тогда поговоришь с нами!». Поняв, в чем

дело, Басманов приказал немецкой страже никого не пропускать и в отчаянии сказал Лжедмитрию: «Ахти мне! Ты сам виноват, государь! все не верил; вся Москва собралась на тебя». Между тем немецкая стража растерялась и впустила толпу во дворец.

Один из заговорщиков ворвался в спальню самозванца и крикнул ему: «Ну, безвременный царь! Проспался ли ты, зачем не выходишь к народу и не дашь ему отчета?» На это Басманов схватил палаш Лжедмитрия и рубил вошедшему голову. Самозванец тоже взял меч одного немца и кинулся с ним на ворвавшихся со словами: «Я вам не Годунов»; однако раздавшиеся выстрелы заставили его поспешить удалиться. Затем Басманов увидел вошедших бояр; он начал их уговаривать не выдавать народу Лжедмитрия, но получил в это время удар ножом прямо в сердце. Его убил с площадной бранью Михаил Татищев, которого он недавно спас от ссылки.

Самозванец снова показался толпе, потом в отчаянии бросил свой меч, схватив себя за волосы, и побежал к жене, крикнув ей польски: «Сердце, здрадза!» («Душа моя, изме-

на!»), он кинулся в Каменный дворец и, не находя выхода из него, бросился из окна на подмости, устроенные для потешных огней по случаю его свадьбы. С этих подмостков Расстрига хотел перепрыгнуть на другие, но оступился и упал с высоты около пяти саженей на землю – на Житный двор; он разбил себе грудь, голову и вывихнул ногу, причем на некоторое время лишился чувств.

Заговорщики же, быстро обезоружив немецкую стражу, проникли на половину Марины; несчастная хотела сперва спрятаться в подвале, но затем побежала опять наверх и попала в толпу заговорщиков, которые ее не узнали и столкнули с лестницы; наконец, она как-то прошмыгнула в свои покои и, будучи маленького роста, спряталась под юбку своей толстой охмистрины пани Казановской. Напор толпы в комнаты Марины храбро сдерживал поляк Осмульский; когда же он был убит, чернь ворвалась в них и стала грабить и бесчинствовать, пока не прибыли бояре и не выгнали всех, приставив к женщинам для их охраны стражу.

Между тем к лежащему без чувств на Жит-

ном дворе Лжедмитрию прибежали стрельцы, стоявшие неподалеку на страже.

Они обмыли его водой и положили на каменное основание сломанного дома Бориса Годунова. Придя в себя, самозванец со слезами на глазах стал просить их заступиться за него, обещая в награду все достояние бояр и даже их жен. Стрельцы прельстились этим предложением; они решили принять его сторону и внесли Лжедмитрия в опустевший дворец; увидя своих немцев-телохранителей, уже обезоруженных, самозванец горько заплакал.

Скоро сюда явились и заговорщики; тогда стрельцы начали стрелять по ним из своих ружей. Для Шуйского и его товарищей наступили опасные мгновения, и дело внезапно могло принять совершенно другой оборот. Но заговорщики нашлись; они начали громко кричать: «Пойдем в Стрелецкую слободу! Истребим их жен и детей, если они не хотят нам выдать изменника, плута, обманщика». Это подействовало; стрельцы стали говорить: «Спросим царицу: если она скажет, что это прямой ее сын, то мы все за него помрем; ес-

ли же скажет, что он не сын ей, то Бог в нем волен!»

Бояре согласились, и выборные отправились к царице, а заговорщики тем временем ругали и били Лжедмитрия, спрашивая его, кто он таков. Он же отвечал им: «Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича. Спросите обо мне мою мать или выведите на Лобное место и дайте объясниться». Между тем царица инокиня Марфа говорила иное. «Она же все явне исповеда; яко сын ее на Угличе убиен бысть повелением Бориса... Сего же смердящего пса и злого аспида не вемы, откуда приде; исповедати же не смекнце долгое время, боящися злаго прещения его и женскою немощью одержима». При этом, чтобы еще больше удостоверить спрашивающих, Марфа показала им изображение младенческого лица своего сына, нисколько не схожее с чертами Расстриги.

Князь Иван Васильевич Голицын прибыл сообщить это известие боярам и стрельцам, ожидавшим его у изнемогавшего Лжедмитрия. Хоть пытался было еще возражать, но со всех сторон раздались крики: «Бей его, руби

его!» Иван Воейков и Григорий Волуев подскочили к нему вплотную; последний выхватил из-под своего армяка короткое ружье и со словами: «Вот я благословлю этого польского свистуна» – застрелил Лжедмитрия. Затем озверевшая толпа бросилась рубить и колотить его труп, после чего он был выкинут с крыльца на тело Басманова со словами: «Ты любил его живого, не расставайся с ним и мертвым».

Обоих покойников, совершенно нагих, народ сволок через Спасские ворота на Красную площадь; у Вознесенского монастыря толпа опять спросила инокиню Марфу, ее ли это сын. Она, по одному польскому известию, будто бы отвечала на это: «Вы бы спрашивали, когда он был жив; теперь он, разумеется, не мой». На Красной площади Лжедмитрия положили на стол, бросили ему на грудь маску, найденную у него в спальне, воткнули дудку в рот и всунули в руки волынку – в знак его любви к музыке и скоморошеству. Басманов же лежал у его ног на скамье.

Одновременно с убиением самозванца шла расправа и с поляками. Прежде всего были убиты столь ненавистные польские музы-

канты, размещавшиеся во дворце. Затем кинулись убивать поляков, расположившихся по частным домам, причем толпа всюду неистово грабила и творила насилия над ними. «Поляки не могли соединиться, – говорит Карамзин, – будучи истребляемы в запертых домах или на улицах, прегражденных рогатками и копьями. Сии несчастные, накануне гордые, лобзали ноги россиян, требовали милосердия именем Божиим, именем своих невинных жен и детей; отдавали все, что имели, клялись прислать и более из отечества; их не слушали и рубили». Но Юрий Мнишек и Константин Вишневецкий избежали гибели, так как имели в своих дворах достаточное количество вооруженных людей. Не тронули также и послов Сигизмундовых: Олесницкого и Гонсевского.

Покончив с Лжедмитрием, бояре сели на коней и всеми мерами старались прекратить убийство поляков; они хотели разделаться только с самозванцем, и в их расчеты вовсе не входило избиение множества польских людей – что могло вызвать столкновение с Сигизмундом. «Мстиславский, Шуйские, –

рассказывает Карамзин, – скакали из улицы в улицу, обуздывая, усмиряя народ и всюду рассылая стрельцов для спасения ляхов, обезоруженных честным словом боярским, что жизнь их уже в безопасности. Сам князь Василий Шуйский успокоил и спас Вишневецкого, другие – Мнишека». Послам было тоже велено сказать от имени Боярской думы, что жизнь их в полной безопасности. Марина же была вскоре доставлена к отцу.

К одиннадцати часам дня резня закончилась. Сведения о количестве убитых поляков и русских за это кровавое утро разноречивы: но одним известиям, поляков убито только 500 человек, а русских 400, а по другим – значительно больше: более 2000 поляков и почти столько же русских.

Тела Лжедмитрия и Басманова оставались трое суток на поругание толпе, которая всячески их оскорбляла. Затем их похоронили: Басманова у Николы Мокрого, а самозванца в «убогом доме» (кладбище для бездомных и безродных) за Серпуховскими воротами. Но вдруг по Москве пошел слух, что мертвый царь ожил и ходит; в то же время, несмотря

на приближение лета, ударили по ночам морозы. Все это было приписано волшебству Расстриги; его тело выкопали, вывезли за Серпуховские ворота и сожгли, а пепел зарядили в пушку и выстрелили им из нее в ту сторону, откуда он появился на Москву.

Таков был конец этого необычайного по своей судьбе человека.

Замечательно, что никто из русских летописцев и различных составителей «Сказаний» и «Повестей» о Смутном времени не обмолвился ни одним сочувственным словом в пользу Лжедмитрия. Даже в «Известии» о начале патриаршества в России и о поставлении в патриархи Филарета Никитича, несомненно, составленном очень преданным семье Романовых лицом, о Борисе Годунове – главном враге Романовых – дается отзыв как о заботливом и способном правителе, а о Лжедмитрии, бывшем милостивым к Романовым, говорится: «Царствуя же точию едино лето, и се беззаконно, но вся дни бо униваяся и игры творя пустотные, зело же гневлив и яр показуется, и народ, в нем же родися, ненавижда, и многих бедне жития улиши, и о вере

христианской никакo же прилежа, но и зело ругаяся... и спроста рещи, яко ни что же Православия царствию достойно ни рек, ни сотвори».

Царствование Василия Ивановича Шуйского

Расправившись с самозванцем, московские заговорщики поспешили приступить к выбору нового царя.

19 мая, в 6 часов утра, Красная площадь, на которой еще лежали неубранными поруганные тела Лжедмитрия и Басманова, была запружена огромной толпой.

Вышедшее из Кремля духовенство, бояре и другие начальные люди предложили народу избрать патриарха на место Игнатия, с тем чтобы патриарх, до созыва общеземского собора для избрания царя, стал бы во главе правления. На это из толпы раздались крики, что теперь нужнее царь, а не патриарх и что царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский. Крики эти были настолько внушительны, что вышедшие на площадь чиновники стали тотчас же приносить новому царю свои верноподданнические поздравления.

Так просто и скоро воцарился на Москов-

ском государстве Василий Иванович Шуйский, но далеко не так просты были события, разыгравшиеся в Русской земле по его воцарении.

Как прямой потомок Александра Невского и как первый вельможа, поднявшийся против Лжедмитрия, за что он чуть не сложил своей головы на плахе, Шуйский имел, разумеется, право, более чем кто-либо другой из бояр, рассчитывать быть выбранным на царство. Но он так опасался не попасть на престол, что решил не ставить вопроса о своем избрании великому Земскому собору, а предпочел быть выкрикнутым царем толпой своих приверженцев, собранных на Красной площади.

Прямо с этой площади новый царь проследовал в Успенский собор и стал там говорить, чего, по словам летописца, искони веков в Московском государстве не важивалось и от чего его отговаривали и присутствующие: «Целую крест на том, что мне ни над кем не делать ничего дурного без собора, и если отец виновен, то над сыном ничего не делать, а если сын виновен, то отцу ничего дурного мне

не делать, а которая была мне грубость при царе Борисе, то никому за нее мстить не буду».

Затем Василий Иванович стал рассылать по всему Московскому государству грамоты о своем избрании на царство. Одной из них подданные оповещались, что он учинился царем и великим князем на отчине прародителей своих «молением всего Освященного собора и по прошению всего православного христианства», причем, для пользы этого христианства, в ней говорилось: «...я, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, целую крест всем православным христианам, что мне, их жалуя, судить истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своей не класть, и недругам никого в неправде не подавать, и от всякого насильства оберегать».

Другая грамота от имени бояр, окольничих, дворян и московских людей – извещала о гибели самозванца; в ней говорилось: «Мы узнали про то подлинно, что он прямой вор Гришка Отрепьев; да и мать царевича Димитрия, царица инока Марфа, и брат ее Михаила

Нагой, с братиею, всем людям Московского государства подлинно сказывали, что сын ее, царевич Димитрий, умер подлинно и погребен в Угличе, а тот вор называется царевичем Димитрием ложно; а как его поймали, то он и сам сказал, что он Гришка Отрепьев и на государстве учинился бесовскою помощью и людей прельстил чернокнижеством...»

Грамота эта оканчивалась оповещением, «что, после злой смерти Гришки, все духовенство, бояре и всякие люди Московского государства избирали всем Московским государством, кому Бог изволит быть на Московском государстве государем; и всесильный, в Троице славимый, Бог наш на нас и на вас милость Свою показал, объявил Государя на Московское государство – великого Государя, Царя и Великого Князя Василия Ивановича всея Руси Самодержца...»

В следующей грамоте новый царь объявлял от своего имени, что в хоромах Гришки были взяты «его грамоты многие, ссыльные, воровские, с Польшей и Литвою о разорении Московского государства», и сообщал затем, что самозванец хотел перебить всех бояр, а

своих подданных обратить в люторскую и латинскую веру.

Наконец, была разослана грамота, в которой царица Марфа отрекалась от Лжедмитрия: «Он ведовством и чернокнижеством назвал себя сыном царя Ивана Васильевича, омрачением бесовским прельстил в Польше и Литве многих людей, и нас самих, и родственников наших устрасил смертью, – писала несчастная старица. – Я боярам, дворянам и всем людям объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что он не наш сын, царевич Димитрий, вор, богоотступник, еретик...»

Грамоты эти, конечно, произвели сильнейшее впечатление во всех концах государства, тем более что в каждой из них, по словам В. Ключевского, «заклучалось по крайней мере по одной лжи». Про самозванство Отрепьева и про насилия, чинимые его поляками, могли знать хорошо в одной только Москве, да и то далеко не все ее обитатели. Для большинства же областных жителей Лжедмитрий оставался «нашим солнышком праведным», недавно торжественно признанным закон-

ным царем – всею Москвою и боярами, во главе с тем же князем Василием Ивановичем Шуйским, который тайком от земли сел теперь на царство и объявлял, что Гришка Отрепьев прельстил всех ведовством и черно-книжеством, за что и погиб злою смертью.

«И устройся Россия вся в двоемыслие», – говорит Авраамий Палицын. С воцарением В. И. Шуйского Смута начинает быстро охватывать Московское государство, и в нее, как увидим, постепенно втягиваются все слои населения.

Усилению Смуты способствовала также и самая личность нового пятидесятичетырех-летнего царя, невзрачного и подслеповатого на вид.

Василий Иванович был, несомненно, вполне русским и православным человеком, при этом умным, опытным и достаточно решительным и твердым, хотя и не обладавшим военными дарованиями. Но главный его недостаток заключался в отсутствии должного для государя величия души. Недоверчивость, мстительность, большая склонность к доносам, вероломство и жестокость омрачали его нравственный облик. К тому же он был

очень скуп и крайне суеверен, постоянно прибегая к колдовству и астрологии.

Поспешив попасть в цари, Василий Иванович так же поспешно венчался и на царство; обряд этот был совершен уже 1 июня 1606 года. Вместе с тем он вскоре по воцарении своем, не помня своего обещания, начал мстить людям, которые ему грубили... Царь наложил опалу на всех приспешников Лжедмитрия: князь Рубец-Мосальский был послан воеводою в Корелу, Салтыков в Ивангород, Богдан Бельский в Казань, великий секретарь Афанасий Власьев в Уфу, князь Григорий Петрович Шаховской в Путивль. Менее значительные сторонники Лжедмитрия были также отправлены из Москвы по разным областям. Мера эта была, разумеется, ошибочной, так как все высланные из Москвы люди стали возбуждать недовольство против Шуйского в разных концах государства и способствовали, как увидим, отпадению от него многих городов.

Простых и незнатных поляков, оставшихся в Москве после кровавого утра 17 мая, Шуйский отпустил в Польшу; Марина же с от-

цом, послы Гонсевский и Олесницкий с их свитами, а также более знатные паны были задержаны в виде заложников на случай возможной войны с Польшею.

Вместе с тем в Польшу было снаряжено посольство – для объяснения происшедшего избиения поляков воровством Расстриги и их собственным наглым и буйным поведением. Сигизмунд пришел, конечно, в негодование при получении известия о случившемся, но предпринять против Москвы он ничего не мог в это время, так как был занят подавлением сильнейшего бунта, или рокоша, поднятого против него паном Зебжидовским за то, что король, вступив во второй брак с австрийской принцессой, заключил при этом с Австрией ряд условий, крайне невыгодных для Польши.

Юрий Мнишек с дочерью и со свитой в 375 человек были помещены в Ярославле, где их охраняло до 300 человек стрельцов, причем у Марины были отобраны все драгоценности, похищенные Лжедмитрием из царской сокровищницы. Она отнеслась довольно безучастно к ужасной смерти своего мужа, но

очень заботилась, чтобы ей возвратили бывшего при ней маленького арапчонка. Юрий же Мнишек, готовый на все, чтобы вернуть себе и дочери положение и деньги, стал пытаться поправить дело посредством брака Марины с новым царем, но Василий Иванович уже выбрал себе другую невесту – княжну Буйносову-Ростовскую.

Свадьба его состоялась, однако, не скоро, за множеством неотложных дел и забот.

Одним из первых распоряжений Шуйского было торжественное перенесение мощей царевича Димитрия из Углича в Москву, тело которого было обретено нетленным. За мощами отправились из столицы заступавший место патриарха Филарет Никитич Романов с другими лицами высшего духовенства и бояре – князь И. М. Воротынский, П. Н. Шереметев и двое Нагих. Мощи царевича прибыли в Москву 3 июля и были перенесены с большим торжеством в Архангельский собор, где они почивают открыто и поныне, прославившись многими чудесами. Сам царь нес гроб, а инокиня Марфа всенародно каялась над мощами в своем грехе, что поддалась Гришке и при-

знала его своим сыном.

25 мая, по рассказу приятеля секретаря Лжедмитрия, аугсбургского купца Паэрле, приехавшего вместе с Мариной Мнишек в Москву, в городе было страшное волнение; народ восстал на стрельцов, бояр и великого князя, обвиняя их, как изменников, в умерщвлении «истинного государя Дмитрия», и Шуйскому с приближенными стоило больших хлопот, чтобы успокоить это волнение и уверить народ, что он скоро увидит своими глазами мощи царевича, которые уже везут из Углича.

Через несколько дней Шуйский шел к обедне и увидел опять большую толпу народа, которую кто-то собрал, уверив, что царь хочет с ней говорить. Шуйский заплакал с досады; он отдал боярам свой царский посох и шапку и, полагая, что это дело их рук, сказал, что если он им неугоден, то пусть попросту, не прибегая к коварству, они сведут его с престола и выберут другого царя. Но окружающие поспешили его успокоить в своей преданности, а пять крикунов из толпы были высечены кнутом и сосланы. Тем не менее царь

заподозрил, что это было подстроено князем Мстиславским и его родными, из которых более всех улик было против П. Н. Шереметева; его послали воеводой во Псков.

Тогда же Шуйский приказал отправить в Соловки из Кирилло-Белозерского монастыря недавно постриженного князя Симеона Бекбулатовича за то только, что он был женат на сестре Мстиславского. Подозрительность Шуйского не ограничилась и этим: считая опасным пребывание в Москве Филарета Никитича, по-видимому, уже назначенного патриархом, он послал его опять на митрополию в Ростов, а для занятия Патриаршего стола вызвал сосланного при Лжедмитрии в свою епархию знаменитого казанского епископа Гермогена.

Смиренному, но прямодушному Гермогену с его алмазно-чистой душой, конечно, не мог быть по сердцу Василий Иванович; тем не менее, он твердо стоял за своего венчанного на царство царя, против всякой крамолы и воровства, но добрых отношений между ними не было. Наконец, не установились добрые отношения у Василия Ивановича и со

столичным населением. Московская чернь, привыкшая к буйству и участию в решении государственных дел, при каждом тревожном слухе тотчас же собиралась на Красную площадь, и уже в июне новый царь вынужден был привести Кремль на военное положение: расставить по стенам пушки и разобрать постоянный мост.

Дальнейшее развитие Смуты

Но гораздо хуже, чем в столице, шли дела в других частях государства.

В тот же день, 17 мая, как был убит самозванец, известный негодяй Молчанов, один из убийц семьи Годуновых, бежал в Польшу, направляя свой путь в Самбор, к матери Марины – Ядвиге Мнишек, и всюду распуская слух, что Димитрий спасся, а вместо него был убит другой человек.

В этот же день, 17 мая, другой сторонник самозванца – князь Григорий Шаховской, тотчас же вслед за его убиением, украл из дворца государственную печать, полагая, что она может ему пригодиться; когда же он был сослан Шуйским воеводою в Путивль, то немедленно собрал там жителей и объявил им, что царь Димитрий чудесно избег смерти от своих врагов, но должен от них временно скрываться. Путивильцы тотчас же отпали от Шуйского, и их примеру последовали остальные северские города, во главе с Черниговом, где воеводой сидел князь Телятевский, не хотевший год тому назад, под Кромами, переходить на

сторону самозванца.

Вслед за Северной Украиной за царя Дмитрия поднялось и все Поле. Восстали все те, которые были на стороне Отрепьева: «Все мятежницы иже во время власти расстригины лакнувши крови христианския».

Шаховской тотчас же уведомил об этих успехах Молчанова и требовал, чтобы он во что бы то ни стало прислал какого-нибудь самозванца для замещения убитого. Немедленное исполнение этой просьбы встретило, однако, затруднение.

Болотников

Самого Молчанова хорошо знали слишком многие, чтобы он мог сам изображать лицо Самозванца, но Молчанов очень ловко воспользовался встречей с одним замечательным человеком, которому выдал себя за царя Димитрия, и отправил его к Шаховскому своим большим воеводой. Человек этот был некий Болотников, бывший холоп князя Телятевского.

Появление Болотникова дало сильнейший толчок успехам восставших против Шуйского. К Болотникову шли толпами все беглые холопы, разоренные крестьяне, воры, разбойники – словом, все попавшие в число обездоленной гольтыбы, вследствие ряда тяжелых хозяйственных потрясений, испытанных Московским государством еще со времени Иоанна Грозного, когда он начал свою знаменитую земельную переборку, после устройства опричнины, для сокрушения старого боярского землевладения. Теперь Болотников именем царя Димитрия призывал всех под свои знамена, не только против «боярского

царя Шуйского», или «Шубника», как его презрительно называли, но также и против всех бояр и помещиков, посылая «воровские листы» с приглашением избивать их, захватывать имения и имущество и жениться на их женах и дочерях.

Кроме Путивля, одним из главных опорных мест воровских отрядов стал Елец, куда первый Лжедмитрий приказал свезти всякого рода запасы для задуманного им похода против татар. Шуйский пытался уговорить ельчан отстать от воров и отправил им несколько грамот вместе с иконой новоявленного святого – царевича Дмитрия и посланием его матери – инокини Марфы. Но это не помогло. Болотников же, устроив свои войска, выступил с ними в направлении на Москву, по тому же пути, как шел и Расстрига, через Комарницкую область, и двинулся к Кромам.

Тогда Шуйский послал против непокорного Ельца князя И. М. Воротынского, а против Болотникова – князя Юрия Трубецкого. Но Болотников, имея всего 1700 человек, наголову разбил при Кромах пятитысячное войско Тру-

бецкого, а Воротынский, узнав про это, снял осаду Ельца.

Этот успех сторонников еще не объявившегося нового царя Димитрия имел крупные последствия: в царских войсках стала обнаруживаться большая шатость, и служилые люди начали самовольно разъезжаться по домам. Восстание же распространялось по областям.

Худородный боярский сын Истома Пашков возмутил Тулу, Венев и Каширу, собрав вокруг себя всю мелкоту из боярских детей, естественных соперников крупных землевладельцев-бояр, посадивших теперь своего боярского царя на Москве и забравших власть над государством в свои руки.

Вместе с тем поднялось против Шуйского и бывшее княжество Рязанское; здесь во главе движения стали воевода Сунбулов и крупные дворяне – Ляпуновы. Эти Ляпуновы, из которых особенно выделялись братья Захар и Прокофий, были очень заметными людьми, отважными и беспокойными, которые уже проявили себя во время московской смуты, начавшейся после смерти Грозного. Захар от-

личался при этом, как увидим, большой дерзостью и грубостью, а Прокофий был настоящий богатырь: красавец с виду, умный и храбрый, знаток воинского дела, но при этом порывистый и страстный, готовый принять решение раньше, чем он обдумает все его следствия. Очевидно, хорошо не зная, жив ли Лжедмитрий или нет и самозванец ли он или истинный царь, а также не принимая во внимание, что воровской сброд, собранный Болотниковым, прямо враждебен всякому порядку и собственности, Прокофий Ляпунов объявил себя за царя Дмитрия и поднял Рязанскую землю. Нет сомнения, что в поступке этом им руководила так же, как и Пашковым, нелюбовь к боярству, заслонявшему дворянам доступ к первым местам в государстве.

Примеру Рязани последовало двадцать городов в нынешних губерниях: Орловской, Калужской и Смоленской. В Поволжье также встали за царя Дмитрия многие крестьяне и холопы. К ним присоединилась мордва, и скоро Нижний Новгород был осажден мятежными толпами под начальством Ивана Доможирова; наконец, Смута перешла на Вятку, Каму

и в далекую Пермь; всюду чернь держала сторону Димитрия. Но в Астрахани случилось наоборот: здесь изменил Шуйскому царский воевода князь Хворостинин.

Усилившись дружинами Истома Пашкова и Ляпунова, Болотников, не мешкая, двинулся из Кром на Москву; переходя Оку, он взял и разграбил Коломну.

Молодой царский племянник, уже знакомый нам великий мечник Лжедмитрия, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, разбил один из воровских отрядов на реке Пахре, но зато главная московская рать, которой начальствовал князь Мстиславский, потерпела полное поражение от мятежников в 80 верстах от Москвы, после чего Болотников, как год тому назад Расстрига, занял село Коломенское под самой столицей, которую с середины октября 1606 года он стал держать в осаде.

Население Москвы, ошеломленное этой осадой войсками «царя Димитрия», начало терпеть нужду, и цены на хлеб страшно поднялись; в церквях стали служить просительные молебны и был установлен покаян-

ный пост по видению одного святого мужа; всем казалось, что царствованию Шуйского скоро наступит конец. Но его спасли нелады, поднявшиеся в стане осаждающих.

Шуйский послал затем уговаривать Болотникова отстать от самозванца, но тот отказался. «Я дал душу свою царю Димитрию, – отвечал он, – и сдержу клятву, буду в Москве не изменником, а победителем». Тогда, 2 декабря, из Москвы вышел с войском князь М. В. Скопин-Шуйский; он вступил в бой с мятежниками и разбил их у Данилова монастыря; казаки и холопы бились с большим ожесточением, но Истома Пашков во время сражения перешел на сторону Шуйского и тем дал его войскам победу. Болотников еще три дня упорно оборонялся в своем укрепленном стане у села Коломенского; затем он отступил на Серпухов, а оттуда – на Калугу, где заперся, так как калужане объявили, что будут кормить его рать в течение года.

Шуйский же, не теряя времени, выслал свои войска к югу для осады Калуги и других городов, державшихся царя Димитрия.

В это же время он получил ряд благоприят-

ных сведений и с северо-запада. Когда в Тверских местах появились грамоты от имени Лжедмитрия, то тверской епископ Феокист поспешил укрепить все духовенство, детей боярских, всех посадских и черных людей в верности Шуйскому; сторонники же Лжедмитрия были побиты. Другие города Тверской области, присягнувшие было самозванцу, не замедлили последовать примеру Твери, и их служилые люди отправились в Москву помогать Шуйскому. Крепких сторонников нашел себе Василий Иванович и в смоленянах, не любивших все идущее из Литвы и Польши, а потому не признававших и ставленного поляками Лжедмитрия. Смоленские служилые люди также укрепились по примеру тверских, выбрали себе в старшие Григория Полтева и пошли помогать царю на Москву; по дороге они присоединили к себе служилых людей Дорогобужа, Вязьмы и Серпейска и укрепили эти города за Шуйским. Затем они сошлись в Можайске с воеводой Колычевым, успевшим выбить мятежников из Волоколамска.

Царские войска действовали также удачно

и на Волге: они взяли Арзамас, где сидели во-
ры, и освободили Нижний от осады; жители
Свияжска, когда казанский митрополит отлу-
чил их от Церкви, тоже перешли на сторону
Шуйского.

Тем не менее, Болотников крепко держал-
ся. Царский брат, князь Иван Иванович Шуй-
ский, несколько раз приступал к Калуге, но
все неудачно; неудача постигла под Калугой
и главные царские войска с князьями Мсти-
славским, Скопиным-Шуйским и Татевым. Бо-
лотников отбил все их приступы, несмотря на
то что, в городе был страшный голод. Венев и
Тула тоже не сдавались, и только боярину
Ивану Никитичу Романову с князем Мезец-
ким удалось разбить князя Рубца-Мосальско-
го, шедшего к Калуге на помощь Болотнико-
ву; сам Мосальский был убит, а его ратные
люди, не желая сдаваться, сели на бочки с по-
рохом и взорвали себя, так как знали, что им
не будет пощады от Шуйского: всех взятых в
бою пленных он «сажал в воду», то есть то-
пил.

При этих обстоятельствах наступил 1607
год. Конец зимы и начало весны прошли в де-

ятельных приготовлениях Василия Ивановича к подавлению Смуты и в сборах возможно большего количества войск; для усмирения мятежа в далекой Астрахани был послан особый отряд Ф. И. Шереметева.

Не удалась и другая попытка Шуйского избавиться от Болотникова; он послал к нему немца Фидлера, который обязался страшной клятвой отравить его.

Но, приехав в Калугу, Фидлер тотчас же открыл все Болотникову, а между тем к последнему, весной 1607 года, подошли подкрепления: из Путивля пришел в Тулу князь Г. П. Шаховской, «всей крови заводчик», как его называли современники, с северскими отрядами и казаки с Сейма и Днепра; туда же шел и названный царевич Петр, ведя с собой казаков с Терека, Волги, Дона и Донца. Свое движение с Дона на усиление Болотникова царевич Петр ознаменовал страшными зверствами: он замучил до смерти нескольких воевод, оставшихся верными Шуйскому, и силой взял себе в наложницы княжну Бахтеярову, убив ее отца. Затем князь Телятевский выступил из Тулы на выручку Болотникова и при селе

Пчелне наголову разбил войска Шуйского, которые должны были снять осаду Калуги; при этом 15 000 человек царской рати перешли на сторону воров, а остальные московские войска отошли к Серпухову.

Болотников же перешел из Калуги в Тулу, где соединился с царевичем Петром и другими своими приспешниками.

Понесенная неудача заставила Шуйского напрячь все усилия для продолжения борьбы. Он собрал стотысячное войско и 21 мая выступил во главе его «на свое государево и великое земское дело», как оповещалось об этом в грамотах патриарха. Сидевшие в Туле воры вышли против него под начальством князя Телятевского и обрушились в количестве 30 000 человек на левое крыло царской рати, но, после упорного боя на реке Восме близ Каширы, были 5 июня наголову разбиты и бежали обратно в Тулу. За ними следом шел Шуйский.

Под Тулой произошло новое сражение, удачное для царских войск, и «все воры» – Болотников, Шаховской и царевич Петр – должны были сесть в осаду. Это, конечно, был важ-

ный успех для Шуйского. Осажденные опять начали терпеть крепкую нужду и слали гонцов к Молчанову и к старой пани Мнишек в Польшу, чтобы они выслали скорей какого-нибудь Лжедмитрия для спасения их дела; Шуйский же спешил жестоко наказать все восставшие против него места, занятые теперь его войсками. Кто хотел сохранить свое добро от разорения, должен был просить о выдаче ему особой охранной грамоты. Вместе с тем царские воеводы, по приказанию Шуйского, всех взятых в плен осуждали на казнь; иногда их целыми тысячами «сажали в воду».

Такая беспощадная жестокость со стороны Шуйского заставляла, конечно, сидевших в Туле воров сражаться с отчаянной храбростью. Только в октябре 1607 года удалось царским войскам взять этот город, и то благодаря хитрости боярского сына Кравкова. Он посоветовал затопить Тулу, устроив ниже ее запруду на реке Упе. Это оказалось действенным средством. Вода начала заливать город и разобщила его от всех окрестностей; скоро настал страшный голод, и Болотников с Лжепетром вошли с Шуйским в переговоры. Тот обе-

щал им помилование, и они сдались ему.

10 октября Болотников приехал в царский стан, стал перед Василием Ивановичем на колени, положил себе на шею саблю и сказал ему: «Я исполнил свое обещание – служил верно тому, кто называл себя Димитрием в Польше, – справедливо или нет, не знаю, потому что сам я прежде никогда не видывал Царя. Я не изменил своей клятве, но он выдал меня, теперь я в твоей власти: если хочешь головы моей, то вот отсеки ее этой саблей; но если оставишь мне жизнь, то буду служить тебе так же верно, как тому, кто не поддержал меня».

Шуйский не внял этим словам и нарушил свое обещание помиловать сдавшихся: Болотников был сослан в Каргополь и там утоплен, а Лжепетр погиб на виселице; князь же Шаховской, «всей крови заводчик», отделался ссылкой на Кубенское озеро, а Телятевский, кажется, был только подвергнут опале. Наложением этих легких наказаний на князей Телятевского и Шаховского Шуйский ясно показал, насколько он был мелок сравнительно с природными московскими государями: Иоан-

ном III, Василием III и Иоанном Грозным, которые всем одинаково рубили головы за измену, как своим первым боярам, так и их холопам.

Что касается до людей, взятых в Туле воровских шаек, то с ними было поступлено различно: казавшиеся наиболее опасными были посажены в воду, а те, у которых отыскивались прежние господа, возвращены им по старым крепостным записям. Всем дворянам и боярским детям царскою властью было разрешено взять военнопленных себе на «поручки», то есть, другими словами, брать их себе в кабалу. Таким образом, холопы, бежавшие в Поле и приставшие к шайкам разных воровских атаманов, в поисках лучшей доли, вернулись опять к своему прежнему состоянию. Лучше других было положение тех «тульских сидельцев», которые сами добровольно целовали крест царю Василию и выдали своих военачальников. Их оставили на свободе и отпустили «восвояси». Но куда могли идти эти голодные и бездомные люди? Они потянули опять в свои же окраинные места, с тем, чтобы тотчас же, при первом подходящем слу-

чае, поднять вновь кровавое восстание.

Взяв Тулу и казнив Болотникова и Лжепетра, Шуйский торжествовал полную победу; полагая, что Смута совершенно окончена, и не придавая значения Северной Украине, он не послал свои войска, по словам современника, под те города, под «Путивль, под Брянск, и под Стародуб, пожалев ратных людей, чтоб ратные люди опочинули и в домех своих побыли». Это была, как увидим, крупная ошибка.

Начиная с 1606 года Карл IX Шведский стал предлагать Шуйскому свою помощь, рассчитывая, разумеется, извлечь от этого большие выгоды для себя; ему приказано было отвечать, «что великому Государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех своих недругов стоять может без вас и просить помощи ни у кого не будет, кроме Бога». Когда же Болотников был осажден в Туле, то Карлу сообщили, что «в наших великих государствах смуты нет никакой».

Вместе с тем, чтобы прекратить на будущее время широкие восстания холопов против господ и непрерывный уход крестьян с

помещичьих земель, чем ознаменовало себя все движение, поднятое Болотниковым, Шуйский, начиная с весны 1607 года, издал несколько указов о холопах и об отношении их к господам, сущность которых свелась к полной крепостной зависимости крестьян от их господ. Соборное уложение 9 марта 1607 года, говорит С. Ф. Платонов, «устанавливает твердо начало крестьянской крепости: крестьянин крепок тому, за кем записан в писцовой книге; крестьянский «выход» впредь во все запрещается, и тот, кто принял чужого крестьянина, платит не только убытки владельцу вышедшего, но и высокий штраф, именно: десять рублей на «Царя Государя» за то, что принял против Уложения...»

Таким образом, взятие Тулы Шуйский признал как окончательное торжество над врагами и не считал нужным делать побежденным какие бы то ни было уступки: крепостной порядок не только оставался в прежней силе, но получил в законе еще большую определенность и непреложность.

Прибыв в Москву, Василий Иванович отпраздновал 7 января 1608 года благополучное

окончание похода и подавление Смуты – браком своим с княжной Марией Петровной Буйносовой-Ростовской.

Появление вора

А между тем, в пределах Московского государства в это время уже находился новый названный царь Димитрий, появления которого так страстно ждали многие.

Он объявился в августе 1607 года в тюрьме небольшого северского городка, носившего незавидное название Пропойска.

Каково было происхождение этого человека, совершенно неизвестно: некоторые современники считали его поповым сыном Матвеем Веревкиным, другие – сыном князя Курбского, третьи – школьным учителем из города Сокола, а избранный впоследствии на царство Михаил Феодорович Романов в письме своем к принцу Морицу Оранскому говорил, что «Сигизмунд послал жида, который назвался Димитрием-царевичем». Во всяком случае, своею внешностью он вовсе не походил на первого самозванца, но был человеком вполне подходящим, чтобы разыгрывать лжецаря, умным и ловким, когда можно, то наглым, а когда нельзя, то и трусливым, и лишенным, разумеется, всяких нравственных

правил.

В пропойской тюрьме, куда его засадили, приняв за лазутчика, он объявил себя первоначально родственником убитого царя Дмитрия, Андреем Андреевичем Нагим, скрывающимся от мести Шуйского. Ему поверили и по его просьбе перевезли в Стародуб. Отсюда он послал своего товарища, какого-то подьячего Рукина, разглашать по северским городам, что царь Димитрий жив и скрывается в Стародубе.

Известие это было встречено во всей «прежепогибшей Украине» с величайшей радостью, и из Путивля отправилось в Стародуб несколько боярских детей вместе с Рукиным повидать новоявленного государя.

Насколько ослепление жителей было велико и как многие глубоко верили, что новый самозванец – истинный царь Димитрий, показывает следующий случай: один боярский сын из Стародуба вызвался сам поехать в стан Василия Ивановича Шуйского под Тулу и по приезде спросил его, зачем он подыскался царства под своим природным государем, за что был, конечно, подвергнут мучительной

казни; Шуйский приказал его поджарить на медленном огне, но он до конца оставался при убеждении, что принимает мученическую смерть за своего законного государя.

Около второго самозванца начала собираться дружина; ее устраивал некий поляк Меховецкий, который, по современным сведениям, и раздобыл нового царя. «На сей раз Димитрия воскресил Меховецкий и потом, хотя или нехотя, должен был помогать ему, ибо твердо знал все обычаи и дела первого Димитрия», – говорит поляк Маскевич в своем дневнике. Однако войско новоявленного лжецаря собиралось на первых порах довольно медленно, почему он и не мог поспеть на выручку Тулы к Болотникову; поэтому также Шуйский слишком легко отнесся к его появлению и не считал нужным, тотчас же после взятия Тулы, направить свои войска в Северскую Украину, чтобы сразу покончить с новым Лжедимитрием, которого русский народ очень метко прозвал Вором, так как все его личные стремления и собравшихся около него войсковых отрядов носили чисто «воровской» отпечаток.

Ближайшими и деятельнейшими сподвижниками Вора явились поляки. В это время как раз окончился знаменитый рокош, поднятый паном Зебжидовским против Сигизмунда; рокошанам нанес сильнейшее поражение королевский гетман Жолкевский, и их разбитые отряды бродили около границ Московского государства. Известие, что объявился новый господарчик, чтобы идти добывать Московский престол, было, разумеется, встречено многими предводителями этих отрядов с живейшей радостью: представлялся великолепный случай знатно пожить за счет москалей. Вместе с тем и Сигизмунд был не прочь исподтишка наделать неприятностей Москве: старика Яна Замойского уже не было в живых, чтобы указать королю всю неблаговидность подобного поведения.

Мало-помалу к Вору стали собираться разные высокородные польские искатели приключений со своими войсками. На помощь к Вору двигался некий пан Лисовский, подвергнутый за разные добрые дела изгнанию из Польши, «изгнанник и чести своей отсужен», ведя шайку хищных головорезов, получив-

ших печальную известность под именем «лисовчиков»; сюда же к Вору шел знаменитый польский вельможа князь Роман Рожинский, человек бесстрашный и весьма искусный в воинском деле, а несколько позднее прибыл «за позволением Сигизмунда» столь же известный староста Усвятский, родственник великого литовского канцлера Льва Сапеги, по словам Валишевского, «один из самых блестящих польских аристократов того времени», но почти всегда пьяный, – пан Ян Петр Сапега; наконец, к Вору не брезгали вести свои отряды знакомый нам князь Адам Вишневецкий, Тышкевич, Валавский, Будило и другие представители польской знати.

С другой стороны, к новому Лжедмитрию тянули и все те русские люди, которые были недовольны порядками Московского государства: севрюки – обитатели «прежепогибшей Украины», казаки, беглые холопы и разная голытьба из только что рассеянных отрядов Болотникова. Скоро к Вору примкнуло 3000 запорожских казаков и 5000 донских, имевших своим атаманом западнорусского уроженца Ивана Мартыновича Заруцкого, человека

смелого и неустрашимого, много испытавшего на своем веку и крайне безнравственного, но неопisanного красавца по виду. Донцы привели к Вору, вместо повешенного царевича Петра, его брата, также «сына царя Феодора Иоанновича» – царевича «Федьку», но новый Лжедмитрий был менее склонен к родственным чувствам, чем первый, звавший Лжепетра к себе в Москву, и приказал убить приведенного племянника. «Однако, – как говорит Соловьев, – казакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван, сказался сыном Грозного от Колтовской; там же явился третий царевич – Лаврентий, сказался внуком Грозного от царевича Ивана; в степных юртах явились: царевич Феодор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка – все сыновья царя Феодора Иоанновича».

Козельск, Путивль, Кромы и некоторые другие северские города перешли во власть Вора уже к концу 1607 года; Брянск же и Карачев были крепко заняты воеводами Шуйско-

го, и потому, чтобы обойти их и выйти на «польские» дороги, Вор перешел в январе 1608 года в Орел, где и оставался до весны.

Не надеясь овладеть Брянском и Карачевым, Вор направил Лисовского на Рязанскую землю, чтобы поднять восстание против Шуйского по Оке, а сам с Рожинским двинулся, с наступлением теплых дней, из Орла прямо на Москву и, в двухдневном бою под Волховом, 30 апреля и 1 мая, наголову разбил собранное здесь царское войско под начальством малоспособного боярина Дмитрия Ивановича Шуйского и князя Василия Васильевича Голицына, тайного недоброжелателя Шуйских.

От Волхова Вор быстро пошел к Москве, но не по кратчайшему пути, а через Можайск, чтобы захватить в свои руки дорогу на Смоленск, по которой к нему шли подкрепления из Польши. Во время своего движения, так же как и Болотников, он рассылал грамоты во все города, чтобы крестьяне поднимались на господ, брали бы себе их имения и женились бы на их женах и дочерях.

Чтобы противодействовать самозванцу, Шуйский выслал против него к реке Незнани

(между Москвой и Калугой) новую рать с племянником своим, князем М. В. Скопным-Шуйским, и Иваном Никитичем Романовым. Но в рати этой «нача быти шатость: хотяху Царю Василью изменить князь Иван Катырев да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними», и она была отозвана назад.

Тушино

Вор же, заняв Смоленскую дорогу, беспрепятственно подошел к столице и 17 июня 1608 года расположился в селе Тушине, в 13 верстах к северо-востоку от Москвы, в углу, образуемом реками Москвой и Восточной, между Смоленской и Тверской дорогами.

Высланный в Рязанскую землю Лисовский также действовал чрезвычайно удачно: он усилил свой польский отряд воровскими шайками, действовавшими отдельно во многих местах, причем одна из этих шайек успешно обороняла город Пронск против рязанцев, хотевших его взять под начальством Прокофия Ляпунова; сам Прокофий был ранен в ногу «из города из пищали». Брату же его, Захару, Лисовский нанес жесточайшее поражение под Зарайском, после чего он захватил даже сильно укрепленную Коломну, разграбил ее и забрал затем в плен, привязав к пушке, доменского епископа Иосифа, требовавшего вместе с Гермогеном крещения Марины. Коломна, впрочем, была вскоре взята обратно войсками Шуйского под начальством князя

Ивана Семеновича Куракина, человека весьма искусного в военном деле; Куракин нанес вслед за этим поражение Лисовскому и освободил епископа Иосифа, но Лисовский быстро оправился от этого поражения и прибыл в Тушино на соединение с Вором, ведя с собой 30 000 человек.

Таким образом, победоносные воровские войска отделяло от Москвы всего тринадцать верст, и, казалось, достаточно было последнего усилия, чтобы взять Москву и тем положить конец власти Шуйского. Однако этого не случилось. Василий Иванович, кроме своего государева двора и стрельцов, собрал в Москву служилых людей из Новгорода и Пскова, северных и заволжских городов, а также и из некоторых других мест, оставшихся ему верными, и дал несколько боев воровским войскам под самой Москвой.

Бои эти шли с переменным счастьем; тем не менее, гетман Рожинский должен был скоро убедиться, что столицей овладеть нелегко. Передовые войска Шуйского под начальством храброго князя М. В. Скопина были расположены по Ходынке против самого Тушинского

стана, а главные его силы стояли у Пресненских прудов и на Ваганькове. Чтобы оттеснить эти передовые московские части, Рожинский, на рассвете 25 июня, произвел на них внезапное нападение и имел вначале успех, но затем поспела поддержка от Пресни и Ваганькова, и воровская рать должна была отойти назад с большим уроном.

После этого сражения на Ходынском поле, в обоих станах под Москвой и в Тушине наступило затишье. Ни та ни другая сторона не считала себя достаточно сильной, чтобы отважиться произвести нападение всеми силами на противника.

Переговоры с послами Сигизмунда затянулись до 25 июня 1608 года, после чего было заключено перемирие с Польшей на три года и одиннадцать месяцев; по условию этого перемирия, мы согласились отпустить всех задержанных поляков; король же и Речь Посполитая обязывались не поддерживать каких бы то ни было самозванцев; Юрий Мнишек не должен был признавать второго Лжедмитрия своим зятем, а Марина – величаться московской государыней; вместе с тем новые по-

слы должны были отозвать от Вора в Польшу Рожинского и всех остальных поляков, кроме Лисовского, который «изгнанник из отечества и чести своей отсужен».

Однако ни Рожинский и никто из остальных панов не думал подчиниться этому требованию и покинуть стан Вора. Марина же с отцом, привезенные к этому времени из Ярославля в Москву, были отправлены вместе с Олесницким и Гонсевским, а также с другими поляками, находившимися за приставами, – в Польшу, в сопровождении небольшого русского конвоя под начальством князя Долгорукого. Их повезли окружным путем через Углич и Тверь на Смоленск, чтобы они не попали в руки тушинцев.

Но Вор был осведомлен о поездке Марины и выслал 2000 конницы с панами Зборовским и Стадницким, чтобы перехватить ее. Со своей стороны, желали попасть в руки тушинцев и многие поляки, в том числе посол Олесницкий и старый Мнишек, надеявшийся опять нажить хорошую деньгу на продаже дочери Вору. Однако другие поляки, во главе с послом Гонсевским, были против этого и с ча-

стью русского конвоя благополучно добрались до Смоленска, откуда проследовали далее в Польшу. Мнишек же с Мариной, Олесницкий и все желавшие передаться Вору были застигнуты Зборовским во второй половине августа у Белой и, после небольшой стычки с малочисленным русским конвоем, их сопровождавшим, попали в столь желанный плен.

В это время как раз подходил из Польши, чтобы пополнить ряды воровских войск, «за позволением Сигизмунда», несмотря на только что заключенное королем перемирие, уже помянутый нами двоюродный племянник канцлера Льва Сапеги – Ян Петр Сапега, ведя с собой целый отряд пехоты, конницы и артиллерии. Стан его случайно оказался по пути обратного следования пана Зборовского с захваченными Мнишеками и прочими пленными к Тушину.

16 сентября состоялась, в присутствии всего воровского войска, нежная встреча мнимых супругов – Марины и Вора, а через четыре дня ксендз-иезуит тайно обвенчал их. 14 октября пан Юрий Мнишек получил от ново-

го мужа своей дочери письменное обязательство, что последний выдаст ему 300 000 рублей и отдаст во владение Северское княжество с 14 городами, как только войдет в Москву, после чего «Сендомирский» вскоре покинул дочь и уехал в Польшу, оставя ее на полный произвол судьбы. Впоследствии наследники Мнишекков предъявили это обязательство русскому правительству, и император Петр Великий уплатил по нему 6000 золотых.

Брак Марины с новым царем окрылил также надежды высшего католического духовенства о введении унии в Московском государстве. Еще в ноябре 1607 года кардинал Боргезе писал из Рима новому папскому нунцию в Польше – Симонетти: «Сыновья Сендомирского палатина (Мнишека), которые находятся здесь в Риме, сообщили его святейшеству достоверное известие, что Димитрий жив и что об этом пишет к ним их мать. Горим желанием узнать истину». В августе же 1608 года Боргезе писал: «Димитрий жив и здесь во мнении многих; даже самые неверующие теперь не противоречат решительно, как делали прежде. Жаждем удостовериться в его

жизни и в его победах... Если справедливо известие о победе Димитрия, то необходимо должно быть справедливо и то, что он настоящий Димитрий».

Тушино стало быстро обстраиваться: сперва рыли только землянки и делали стойла для лошадей из хвороста и соломы. Но полякам и другим воровским отрядам скоро надоело жить в землянках: тогда они начали разбирать в ближайших деревнях избы и перевозить их себе в «обоз»: иной ставил себе по две, по три избы; землянки же обращали в погреба для вина. Вору и Марине были выстроены большие хоромы посреди стана. Всего воровских войск было: польской конницы 18 000 человек, польской пехоты – 2000 человек, запорожцев – 13 000 человек, донцов – 15 000 и множество русских воровских шаек, которых поляки, из опасения, к себе в стан не пускали. Продовольствие доставлялось из завоеванных областей, для чего последние были поделены между отрядами.

У Тушинского стана сходились все дороги на Москву, шедшие из Твери и Смоленска; дороги к столице через Тулу и Калугу шли

также по местностям, охваченным мятежом, а поэтому продовольствие осажденным в Москве идти по ним не могло. Но оставались еще пути с севера и востока, которые спешили занять воровские воеводы, чтобы совершенно отрезать Шуйского и москвичей от сообщения с внешним миром.

Уже в сентябре 1608 года Сапега, соперничавший с Рожинским из-за первенства в воровском стане, был послан вместе с Лисовским в обход Москвы на северные дороги, а к Коломне двинулся пан Хмелевский, чтобы занятием этого города прекратить сообщение Москвы с богатой Рязанской областью; вероятно, Хмелевский должен был войти в связь с Сапегой и Лисовским к востоку от Москвы и, таким образом, совершенно замкнуть кольцо вокруг нее. Но это удалось совершить полякам лишь отчасти. Сапега, выйдя из Тушина, наголову разбил на Ярославской дороге большое московское войско с князем Иваном Ивановичем Шуйским во главе, занял затем Дмитров и приступил к осаде Троице-Сергиевой Лавры, этого «курятника», как называли ее с презрением поляки, а Лисовский двинул

свой отряд на Суздаль и Шую и быстро подчинил власти Вора все суздальские и владимирские места, причем владимирский воевода Иван Годунов поспешил отправить сказать в Коломну, чтобы там не стояли «против Бога и Государя своего прирожденного» – царя Дмитрия.

Однако сидевшие в Коломне войска оставались верными своей присяге Шуйскому. Они вышли против Хмелевского и разбили его. Присланный же из Москвы на подмогу в Коломну князь Димитрий Михайлович Пожарский двинулся из нее против воров, шедших к Коломне от Владимира, и также наголову разбил их. Затем, как увидим, все усилия поляков разбились и о «курятник» – об обитель Живоначальной Троицы.

Перелеты

Тем не менее утверждение Вора в Тушине и ряд успехов, одержанных его войсками, вызвали большое уныние как в самой Москве, так и в областях, оставшихся еще верными Шуйскому, и производили все большую и большую «шатость». Особенно развилась эта шатость после сражения на Ходынском поле. «После того бою, – говорит один современник, – учили с Москвы в Тушино отъезжати стольники и стряпчие, и дворяне московские, и городовые дворяне, и дети боярские и всякие люди».

Рядом с Москвой и сидевшим в ней нелюбимым всеми «боярским Царем», или «полуцарем», Василием Ивановичем Шуйским, выросла другая столица, где властвовал «царик», как называли Вора поляки, где было весело, шумно, пьяно и где всех принимали ласково и с большим пожалованием.

Многие ловкие люди начали устраиваться так, чтобы им было хорошо и в случае успеха Шуйского, и в случае успеха Вора: «Мнози же тако мятуще всем Росийским госу-

дарьством не дважды кто, но и пять крат и десят в Тушино и к Москве переежжаху...»; появились так называемые «перелеты». Они то служили Вору, то опять приезжали в Москву к Шуйскому с повинной и получали от него прощение, «и паки у Царя Василя болши прежняго почесть, и имениа, и дары восириимаху и паки к Вору отъезжжаху...» В некоторых семьях отец служил одному царю, а сыновья – другому, чтобы иметь сторонников и в том и в другом лагере. Часто бывало, что родственники, пообедав вместе, разъезжались затем на службу – одни к Шуйскому, а другие к Вору, с тем, чтобы опять по-приятельски съехаться за следующей трапезой. «На единой бо трапезе сядяще в пиршестве в царствующем граде, по веселии же убо ови в царския полаты, ови в Тушинския табары прескакаху. И разделишяся на двое вси чловецы, вси же мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет Москва, то тамо отцы наши и братиа, и род, и друзи; тии нас соблюдут. Аще ли мы одолеем, то такожде им заступници будем. Польския же и литовския люди, и воря, и казаки тем перелетом ни в чем не веро-

ваху, – так бо тех тогда нарицаху, – и яко волцы надо псами играюще и инех искушающе», – говорит Авраамий Палицын.

Бегство из Москвы особенно усилилось, когда Сапега и Лисовский заняли области к северу от столицы; многие из находившихся в ней служилых людей стали собираться домой спасать свои семьи, не слушая увещаний Шуйского: «нашим-де домам от Литвы и от русских воров быть разоренным». Исключение составили рязанские служилые люди, которые еще весной, когда Лисовский двинулся в их области, перевезли, по приказанию Василия Ивановича, своих жен и детей в Москву, «чтоб в воровской приход, женам и детям в осадное время какого утеснения не учинилось». Вследствие этого обстоятельства рязанские люди крепко бились за царя Василия и скоро приобрели в Москве большое значение во всех делах.

Как только Вор обосновался в Тушине, Шуйский тотчас же вполне правильно оценил положение дел и стал принимать со своей стороны меры, чтобы вести с ним упорную борьбу: он начал отовсюду, откуда мог, при-

зывать ратных людей в Москву, грозя жестокими наказаниями за уклонение от явки – «за нетство и за укрывание нетей»; воеводам – Ф. И. Шереметеву из-под Астрахани и Михаилу Борисовичу Шеину от Смоленска – приказано было идти с ратями к Москве.

В северные заволжские города были отправлены послания, чтобы они сами «отстаивали» свои места и собрали ополчение в Ярославле. Наконец, видя, что король Сигизмунд вероломно нарушил перемирный переговор, по которому обязывался отозвать все польские шайки, кроме Лисовского, от Вора и не допустить Марину называться московской царицей, Василий Иванович решился обратиться за помощью к шведскому королю Карлу IX.

Этот Карл IX был крайне алчным и корыстолюбивым человеком; как мы говорили, он давно уже предлагал нам свою помощь, разумеется, не даром, что отлично понимал Шуйский; вместе с тем Шуйский понимал также, что, сходясь со шведами, мы неизбежно шли при этом на открытый разрыв с Польшей, так как жестокая вражда Сигизмунда с дядей про-

должалась по-прежнему. Овладев шведским престолом, Карл всеми силами старался получить в свои руки и Финляндию, которую искусно защищал от его покушений некто Флемминг, остававшийся неизменно верным Сигизмунду. Только когда Флемминг умер в городе Або, то Карл мог овладеть этим городом: при этом вражда короля к Флеммингу была так велика, что, войдя в Або, он тотчас же приказал снять крышку с его гроба и, взяв покойника за бороду, Карл дернул ее и с ненавистью сказал: «Да, если бы была жива эта голова, то не была теперь на плечах». – «Если бы она была жива, – с негодованием отвечала ему стоявшая тут же у гроба, вместе с дочерью, вдова Флемминга, – то вы не были бы здесь».

Овладев всей шведской Финляндией, Карл, видя беду в Московском государстве, захотел и Корелы, исконного нашего владения, а потому, придвинувши свои войска к границам еще в 1607 году, и завел с царем Василием Ивановичем переговоры о помощи, которую, как мы видели, последний дважды отверг.

Князь М. В. Скопин-Шуйский

Теперь же, когда Вор укрепился в Тушине, а царские рати были побиваемы воровскими, Шуйский вынужден был наконец обратиться к Карлу и отправил для этого в Новгород, чтобы «послати к немцы, нанимать немецких людей на помочь», своего племянника – знакомого нам князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Положение царя Василия Ивановича во второй половине 1608 года было в высшей степени безотраднo. Смута быстро охватывала всё большие и большие пространства. После начала осады Троице-Сергиевой Лавры поляками Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологда, Тотьма, Кострома и Галич целовали крест Вору; все пространство между Клязьмою и Волгою было тоже во власти тушинцев. Заволновалось вновь и все инородческое понизовье, особенно земли горной и луговой черемисы, причем «воровские грамоты» проникали даже в Вятку.

Наконец, воровские передовые отряды направились и к Финскому заливу: на Новгород

двинулся пан Кернозицкий, а на Псков – воровской воевода «Федька Плещеев». Шатость во Пскове обнаружилась еще как только появился Болотников; город разделился на две партии: крупные гости и лучшие люди были за Шуйского, а вся мелкота – за Вора.

В Новгороде дела шли также плохо. Когда князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский прибыл туда осенью 1608 года, то он, по его выражению, должен был «сидеть в осаде в Великом Новгороде», так как там, вслед за его приездом, было получено известие о переходе Пскова во власть Вора, что произвело сильнейшее впечатление на новгородцев; шатости в Новгороде, по-видимому, много способствовал своими поборами и хищениями бывший в нем вторым воеводой уже известный нам убийца Басманова, Михаил Татищев. Он уговорил даже князя М. В. Скопина покинуть Новгород, ввиду измены его людей, и вести переговоры со шведами из Ивангорода или Орешка. Но Ивангород в это время уже поцеловал крест Вору, а сидевший в Орешке воеводой Михаил Глебович Салтыков тоже замышлял измену и не хотел впустить к себе

Скопина. При этих трудных обстоятельствах митрополит Исидор, достойный владыка Новгородский, пытался всеми силами утишить мятеж, вспыхнувший в городе, и поддержать первого воеводу князя Куракина; после многих трудов ему удалось этого достигнуть, и новгородцы отправили посольство к князю Михаилу Васильевичу с просьбой возвратиться к ним, уверяя его, что «у них единодушно, что им всем помереть за православную христианскую веру и за крестное целование царя Василия». Тогда Скопин вернулся в Новгород и приступил к трудному делу переговоров о найме шведских войск и о призыве русских людей идти на защиту Москвы.

К большому сожалению, сохранилось весьма мало сведений о личной жизни князя М. В. Скопина-Шуйского. До нас не дошло ни одного его слова, ни одного письма. Помещаемое здесь современное его изображение, писанное московским иконописцем, конечно, также весьма мало передает сходство с ним, так как, по общим отзывам, он отличался большой красотой. Князь Михаил Васильевич очень рано лишился своего отца, преследуе-

мого подозрительностью Бориса Годунова, и воспитывался своею заботливою матерью; около семи лет от роду он начал обучаться грамоте, обнаружив при этом «большую быстроту ума». Когда молодой князь стал подрастать, то был зачислен в царские жильцы; здесь, несмотря на свою юность, он обращал уже на себя внимание «многолетним разумом» и при этом истинным душевным благородством; он не был заносчив и дерзок перед низшими, отличался тихостью и скромностью и вместе с тем не запятнал себя с целью выдвижения ни единым доносом, к чему было столько соблазнов в развращающее время царствования Бориса. Первый самозванец возвел восемнадцатилетнего Скопина, как члена семьи, сильно пострадавшей при Годунове, в звание великого мечника; вскоре же по воцарении дяди своего Шуйского князь Михаил Васильевич Скопин показал себя выдающимся военачальником в борьбе с Болотниковым. На двадцать первом году жизни он женился на Александре Васильевне Головиной, после чего, не прожив с молодою женою и трех месяцев, отправился в Новгород для

сбора рати и приглашения иноземных наемников. Для последней цели в Новгород приехал из Швеции королевский секретарь Монс Мартензон; с ним было условлено, что шведы поставят пятитысячное войско, которому царь будет ежемесячно уплачивать по 100 000 золотых (ефимков). Для окончательного же заключения договора должен был состояться съезд уполномоченных обеих сторон в Выборге.

Между тем к Новгороду подходил отправленный из Тушина отряд пана Кернозицкого. Чтобы противодействовать ему, Скопин собрал сколько мог войска и отдал распоряжение выслать эту рать к Бронницам, причем начальником ее вызвался быть Татищев. Но когда все уже было готово к выступлению, то новгородцы донесли Скопину, что Татищев собирается изменить Шуйскому и сдать Новгород Кернозицкому. По-видимому, Татищев, несмотря на оказанные им услуги при свержении Лжедмитрия, был удален воеводой в Новгород за свой буйный и грубый нрав и теперь желал воспользоваться благоприятным случаем, чтобы выбраться из Новгорода и

свергнуть затем царя Василия. Возмущенный известием об этой измене, Скопин объявил о ней ратным людям в присутствии самого Татищева; они же, в порыве негодования, тут же убили его. Что касается Кернозицкого, то он, получив сведения, что у Новгорода собирается войско, поспешил в начале января 1609 года отойти от него.

Настроение северных городов

Переговоры со шведами требовали от Скопина много искусства, трудов и терпения; он тщательно скрывал от них истинное положение дел и выставлял его в гораздо лучшем свете, чтобы умерить алчность Карла IX. В это же время он вел деятельную пересылку из Новгорода для подъема русских людей на защиту царя Василия Ивановича, сносясь для этого со всем севером государства.

Здесь, на севере, не было боярского и служилого дворянского землевладения, что, как мы видели, повлекло в южной части государства к обострению отношений между помещиками и крестьянами, причем последние легко поднимались против своих господ, смущенные льстивыми воровскими грамотами. Север был силен целым рядом знаменитых русских монастырей, постепенно обращавшихся как бы в крепости Московского государства и имевших обширные и хорошо устроенные хозяйства; здесь же, в северных

городах и деревнях, по путям к Беломорскому торгу, сидел крепкий своим русским духом промышленный сельский и посадский торговый люд, сильно приверженный к земской тишине и порядку и привыкший управляться своим крестьянским или посадским миром. Люд этот скоро понял, что означают воровские грамоты и блага, сулимые ими, и решил крепко стоять за законного царя: все здесь ясно сознали, что тушинцы и поляки – хищники и грабители и что с ними надо бороться всеми силами.

Дело не ограничивалось одними поборами. Паны из Тушинского стана и из лагеря Сапеги под Троицким монастырем размещались на поместных землях и в частных вотчинах, в чужих хозяйствах, для прокормления как самих себя, так и своей челяди, творя великие безобразия. Повсюду ходили польские разбойники и грабители вместе с русскими лихими людьми, бывшими еще свирепее поляков.

Слух о том, что в Новгород прибыл известный своими победами над Вором царский племянник, князь Михаил Васильевич Ско-

пин-Шуйский, наполнил, разумеется, сердца всех крепких людей русского Севера живейшей радостью. «Для всего Поморья и северных частей Замосковья, – говорит С. Ф. Платонов, – Скопин был представителем государственной власти и военным руководителем с высшими полномочиями. Его «писания» имели силу указов, которым повиновались не только городские миры, но и государевы воеводы по городам. По его «отпискам» местные власти собирали ратных людей и готовы были отпустить их «в сход, где велит быти государев боярин и воевода князь М. В. Шуйский...» Вместе с тем северные города и сами от себя деятельно сносились друг с другом «отписками», чтобы крепко стоять против тушинцев и воров.

После бегства пана Кернозицкого из-под Новгорода Скопин отправил своих воевод, Бороздина и Вышеславцева, в Вологду, которая, вследствие своего выгодного расположения в узле главных путей из Поморья к Москве, начала приобретать важное значение для действий против воров, особенно ввиду того, что в Вологде зимой 1608/09 года случайно собра-

лось множество иностранных и русских купцов с товарами, шедшими через Архангельск и не попавшими в Москву из-за боязни тушинцев. Все купцы, разумеется, оберегая свое достояние, тотчас же перешли на сторону царя Василия Ивановича, который со своей стороны не переставал рассылать грамоты по северным областям.

Такое же значение, как Вологда, получил и Великий Устюг, к которому сходились пути из далеких северо-восточных наших владений и Москвы. Кострома и Галич были городами, где сосредоточивалась главная деятельность против воров на Средней Волге; их жители целовали друг другу крест «за один умереть» и собирали ратных людей. В Нижнем Новгороде горячим противником воров и поляков являлся игумен Иоиль; он писал через игумена Тихоновской пустыни Иону жителям Балахны, «чтобы они не стояли за воров, а действовали бы с нижегородцами сообща и стояли бы на том, кто будет на Московском государстве Государь, тот всем нам и вам Государь...»

Ополчения, выставляемые северными го-

родами, были чисто мужицкими ратями; они избирали своих военачальников всем миром: иногда ими бывали боярские дети, но часто также вдовы попы, священники и другие крепкие люди, хорошо известные посадскому и крестьянскому люду, их выбиравшему.

Осада Троице-Сергиевой Лавры

Конечно, снаряжение этих ополчений от Земли шло медленно; при этом они зачастую терпели и неудачи от воровских отрядов; не скоро мог и Скопин-Шуйский дожидаться прибытия нанятых им иноземцев и образовать свое воинство, чтобы двинуться на выручку Москвы, а между тем поляки и воры напрягали все свои усилия, чтобы овладеть главным оплотом православия и средоточием всех важнейших путей к северу – обителью преподобного Сергия, его Лаврою, выстроенною во имя Живоначальной Троицы, в 64 верстах от Москвы.

Мы видели, что Сапега при своем движении к Троице наголову разбил на Ярославской дороге высланное против него войско под начальством князя Ивана Ивановича Шуйского; затем, вместе с Лисовским, 23 сентября 1608 года, он подошел к Лавре, которая со времени Грозного была обнесена на протяжении шестисот сорока двух сажений камен-

ными стенами, вышиной в четыре и толщиной в три сажени, с башнями, острогами и глубоким рвом.

Вначале у Сапеги вместе с Лисовским было до 30 000 человек войска, но так как осада затянулась и Сапега вынужден был рассылать отряды в разные стороны, то иногда у него бывало не более 10 000 человек.

Защитников же Лавры было всего около полутора тысяч человек, в том числе дворян, боярских детей, казаков и разных собранных в нее людей – 1300 человек и до 200 человек иноков, способных носить оружие, из которых многие были прежде воинами и теперь поверх ряса надели ратные доспехи. В Лавру, кроме того, собралось множество стариков, женщин и детей из окрестных деревень и сожженных вокруг монастыря посадов, так что теснота в ней была большая.

Продовольствием и боевыми припасами монастырь был снабжен довольно обильно, но было мало заготовлено дров.

Сапега расположился станом по западную сторону Лавры, на Дмитровской дороге; с ним были: князь Константин Вишневецкий, пан

Казановский, братья Тышкевичи и другие именитые поляки, а Лисовский, в отряде которого находилось много казаков, стал по юго-восточной стороне обители; сильные польско-воровские отряды заняли остальные дороги, шедшие к Троице.

Архимандрит Иосаф привел воевод и всех ратных людей к присяге у гроба преподобного Сергия, что они будут биться крепко и «без измены» против врагов православия и Отечества, и затем повелел непрестанно совершать богослужение и пение молебнов святому Сергию. Защитники же его обители готовились всеми силами к отражению врага. Одна половина их всегда находилась на стенах и башнях, вооруженных пушками и пищалями, а другая предназначалась для замены убитых и больных и для производства вылазок; во главе этих вылазок часто становились храбрые иноки.

Вместе с тем иноки деятельно рассылали грамоты в неприятельский стан к казакам и русским-ворам, убеждая их покаяться и отложиться от врагов нашей веры. Сапега и Лисовский, как мы говорили, думали, что им

легко будет управиться с обителью, но скоро должны были убедиться в противном; 23 сентября, в день подхода к Лавре, неприятель был встречен смелой вылазкой из монастыря, а затем все его попытки овладеть ею приступом были отбиты. Скоро поляки с негодованием стали писать Вору в Тушино про иноков Сергиевой Лавры, что эти черные вороны, сидя в каменном гробу, делают им великие пакости: «Доколе стужают великому твоему благородству граворонове сии, возгнездившиеся во гроб каменный, и докуда седатые пакоствуют нам повсюду...»

29 сентября Сапега и Лисовский послали с русским изменником, боярским сыном Безсоном Руготиным, грамоты к Иосафу, монахам и воеводам со служилыми людьми с предложением покориться «прирожденному» государю Димитрию Ивановичу, грозя в противном случае взять монастырь и предать всех его защитников смерти.

Сапега быстро убедился, что ему придется провести зиму под стенами обители, и приступил к осадным работам. 30 сентября польско-воровские войска поставили окопы и ту-

ры в Терентьевской роще, на горах Волкуше и Красной и выкопали большой ров с высоким валом от Келаревского пруда до Глиняного оврага. Утвердившись таким образом с южной и восточной сторон Лавры, они открыли по ней 3 октября пальбу из 63 пушек, с тем чтобы разрушить ограду, и вели ее беспрерывно в продолжение шести недель. Однако, к великому для нас счастью, пальба эта не принесла большого вреда обителю; ее доблестные защитники успешно заделывали повреждения в стенах от ядер и с радостью наблюдали, как большинство каленых ядер летело мимо зданий и падало в пустыри или монастырские пруды.

Сапега, между тем, сильно надеялся на успешное действие своего пушечного наряда и уже в ночь на 13 октября решил идти на приступ Лавры всеми силами. Для этого, днем 12-го, он задал обильное пиршество своим воинам, напоив их допьяна, а затем устроил конские ристалища. С наступлением сумерек полупьяные поляки и воры подошли к монастырю, а ночью устремились на приступ, неся лестницы и катя перед собою деревянные ту-

ры на колесах, или тарасы. Но храбрые защитники Лавры не дремали и всюду успешно отбили осаждающих, которые поспешно отступили, бросив у стен свои лестницы и тарасы; они были втащены в монастырь и пошли там на дрова.

19 октября, видя незначительное количество воров и поляков, забравшихся в лаврский капустный огород, лежавший по наружной стороне ограды, несколько монастырских людей, «не по воеводскому велению, но своим изволением», спустились по веревке со стены, бросились к огороду и смело кинулись на засевших в нем врагов, часть которых была убита и ранена, а другие бежали. К сожалению, в числе защитников Лавры оказался и изменник: Оська Селевин убежал в это время к ворам. Главные воеводы Долгорукий и Голохвостов, ввиду успеха вылазки на капустный огород, тотчас же вышли из монастыря с конницей и пехотой, чтобы разрушить неприятельские туры и укрепления на Красной горе; здесь произошла жестокая сеча, в которой пало много наших смельчаков; однако в плен никто не попался: доблестные участники

этой большой вылазки вынесли из боя всех своих умирающих товарищей и вернулись с ними в Лавру, где перед смертью последние успели принять пострижение; особенно сожалели все храброго слугу Троицкого монастыря Василия Брехова, сложившего в этот день свою голову на вылазке.

Вслед за тем пономарь Иринарх имел видение: ему явился преподобный Сергей и предсказал, что к Пивному двору «приступ будет зело тяжел», но чтобы защитники не ослабевали. Действительно, ночью 25 октября поляки и воры пошли опять на приступ всеми силами, зажгли Пивной двор и окружавший его острог. Последнее послужило на пользу осажденным: пламя осветило нападающих, и множество ляхов было избито из крепостных орудий и пицалей. Когда же взошло солнце и неприятель увидел на крепостных стенах духовенство в полном облачении, иконы и развевающиеся хоругви, то на него напал страх и он бежал в свой стан.

Через несколько дней наши воеводы сделали удачную вылазку в Мишутин овраг, где захватили в плен литовского ротмистра Бру-

шевского. Этот Брушевский на допросе в Лавре показал, что Сапега решил во что бы то ни стало взять обитель и ведет под стены и башни в нескольких местах подкопы, но где именно, он, Брушевский, не знает. Известие о подкопах вселило большую тревогу в защитников обители. Выбрали знакомого с горным делом монастырского слугу Власа Корсакова и приказали копать под башнями так называемые слухи, чтобы слушать из них голоса или стук людей, ведущих подкопы; затем решено было углубить ров, идущий от Лавры с востока к северу. Последняя работа привела к двум кровопролитным боям, так как неприятель хотел помешать ей, но оба раза он был отогнан монастырскими пушками.

1 ноября поляки убили 190 защитников Лавры и подвинули свои осадные работы к стенам обители, чем сильно стеснили осажденных, не позволяя им брать воду из прудов за оградой; вместе с тем неприятельские снаряды стали действовать удачнее: ими было разбито несколько икон, поврежден большой колокол и убиты инокиня и инок – старец Корнилий. Сведений же о том, где имен-

но поляки ведут подкопы, – все еще не было, несмотря на то, что взятые в плен литовские люди допрашивались под пытками. Тем не менее, иноки поддерживали бодрость защитников. Святой Сергей вновь явился в Троицком соборе архимандриту Иосафу: он сказал ему, что Господь не оставит осажденных Своею помощью, и приказал всем молиться.

Вскоре после этого был взят на вылазке раненый дедиловский казак. Он точно указал место, где ведется подкоп, и перед смертью успел причаститься. Затем перебежал в Лавру другой казак, Иван Рязанцев, и подтвердил те же сведения о подкопе. Против того места, куда он велся, защитники стали тотчас же строить внутренний острог – деревянную стену со рвом и валом, вооруженный пушками, для замены той части монастырской ограды, которая будет взорвана. Вместе с тем, после двух благоприятных случаев, а именно после того, когда монастырской артиллерии удалось подбить огромную литовскую пушку Трещеру, и после перехода от воров на сторону защитников Лавры – 500 казаков с атаманом Епифанцем, решено было сделать большую вылазку,

чтобы уничтожить работы Сапеги по ведению подкопа.

9 ноября, за три часа до рассвета, получив благословение архимандрита Иосафа у гроба святого Сергия, воеводы во главе отрядов ратных людей и монахов тихо вышли из монастырских ворот; затем, заслышав удары монастырского колокола, все бросились с трех сторон на неприятельские осадные работы с кличем: «Святой Сергий!» Такие же вылазки, сопровождаемые каждый раз большим кровопролитием, были произведены и в последующие две ночи, и, наконец, бесстрашным защитникам Лавры удалось добраться до места, откуда велся подкоп. Двое смельчаков, кlementьевские крестьяне Шилов и Слота, бросились в него и подожгли порох; раздался страшный взрыв, не повредивший монастырских стен, но оба славных героя – Шилов и Слота – погибли. Вместе с уничтожением подкопа была разрушена и часть неприятельских окопов, а также взяты оружие, туры и тарасы, причем последние пошли опять на дрова для надобностей обители. Однако эти трехдневные вылазки стоили дорого и защит-

никам Лавры: они потеряли до 350 человек убитыми и ранеными; многие из последних успели перед смертью принять пострижение.

Между тем наступила зима. Сапега прекратил пальбу из пушек, но продолжал обложение монастыря, рассчитывая вынудить его к сдаче голодом, холодом, изменою и болезнями, и рассылал повсюду свои отряды для сбора продовольствия. В обители началась теснота и нужда, но смелые вылазки не прекращались, главным образом чтобы раздобыть дров в соседних рощах, причем каждая вылазка оплачивалась кровью; когда варили пищу на добытых таким путем дровах, то в Лавре обыкновенно говорили: «Сегодня мы напитались кровью таких-то наших братьев, а завтра другие напитаются нашей».

Несколько человек вновь прославились своей особенной отвагой: некий Суета, крестьянин села Молокова, великан по росту и истый богатырь по силе и душевному складу, постоянно вступал в жестокие схватки с врагом, увлекаая своим примером других, и изрубил множество народа. Монастырский слуга Пимен Тененев ударил стрелой в левый ви-

сок Лисовского и свалил его с коня, а знатного польского князя Юрия Горского убил ратник Павлов и привез его труп в Лавру.

Тем не менее, положение защитников обители делалось все более и более тяжелым: начался недостаток припасов, что вызвало неудовольствие среди многих ратников, полагавших, что их обижают старцы, и об этом была даже послана жалоба царю; затем пошли болезни и сильная смертность: ежедневно хоронили по несколько десятков человек; вместе с тем часть защитников стала предаваться разгулу.

Двое детей боярских передались неприятелю и сообщили ему, что монастырь получает воду посредством подземных труб, проведенных из нагорного пруда, и Лисовский послал тотчас же разрыть плотину у этого пруда, чтобы спустить из него воду. К счастью, об этом узнали осажденные; они открыли все трубы и наполнили водой запасные пруды в черте ограды, а затем выслали отряд, который перебил рабочих, разрывавших плотину.

Между тем, вследствие сильной смертности количество защитников монастыря зна-

чительно уменьшилось, и к весне 1609 года их осталось менее трети. Огнестрельные запасы также приходили к концу, и старцы слали усиленные просьбы царю Василию Ивановичу помочь им. Вследствие настойчивых убеждений патриарха Гермогена, в половине февраля 1609 года Шуйский послал в Лавру 60 человек казаков и 20 пудов пороха, да Авраамий Палицын выслал 20 человек. Люди эти успешно пробрались через воровское обложение монастыря, но четверо попались в плен; свирепый Лисовский велел убить их перед монастырской стеной. За это Долгорукий приказал, в свою очередь, казнить на глазах неприятеля 61 пленного, что привело в ужас поляков и возбудило в них сильнейшее негодование против Лисовского, виновника этих казней; они кинулись было его убить, и только заступничество Сапеги спасло его от смерти.

Несмотря на раздоры среди воевод, внутренние нелады и болезни, защитники Лавры продолжали, тем не менее, делать свое дело; они день и ночь занимали стражу на монастырских стенах и постоянно производили

вылазки, в которых особенно отличались своим геройством Ананий Селевин, стрелец Нехорошев и крестьянин Никифор Шилов. Святые Сергей и Никон также не оставляли своим покровительством обитель и неоднократно являлись в видениях архимандриту и братии.

Таким путем дожили до мая месяца; настало теплое время, и болезни стали затихать. Это, разумеется, сильно подняло дух осажденных. Со своей стороны, Сапега и Лисовский, заслышав о движении князя М. В. Скопина-Шуйского с севера, сочли нужным покончить скорее с Лаврой и решили предпринять вновь общий приступ. 27 мая в польско-воровских войсках, по обыкновению, началось великое пьянство и веселье; музыка гремела весь день.

К вечеру же неприятельские отряды окружили со всех сторон монастырь, придвинули к стенам большие тарасы, заготовленные за зиму, и с наступлением темноты, как змеи, поползли к ограде; затем они ударили в бубны и, при пушечных выстрелах, кинулись на приступ. Но защитники монастыря были на-

готовые: архимандрит и ветхие старцы-иноки пребывали в жаркой молитве перед гробом святого Сергия, а воины, все иноки, способные носить оружие, и женщины стояли на стенах с оружием, камнями, смолой, известкою и серою, чтобы грудью встретить врага.

Скоро всюду закипел отчаянный бой, который продолжался до самого рассвета; обе стороны дрались с большим ожесточением, но к утру малочисленные защитники Лавры отбили все приступы ляхов и воров и, видя их бегущими от своих стен, тотчас же сделали смелую вылазку, забрав при этом множество пленных, оружия и стенобитных снарядов.

Сапега и Лисовский негодовали и настойчиво требовали из Тушина присылки подкреплений. Вор прислал им на помощь полк пана Зборовского, который стал корить ляхов за их «бездельное стояние» под таким ничтожным «лукошком». 28 июня последовал новый отчаянный приступ всех польско-воровских сил, но он окончился для них так же плачевно, как и предыдущие. Осажденные опять отбили его во всех местах, убив множество неприятеля, а затем опять сделали сме-

люю вылазку и забрали все вражеские «стенобитные хитрости».

После этих кровавых приступов Сапега и Лисовский не отваживались уже больше на их повторения, хотя, как увидим, продолжали еще в течение нескольких месяцев осаду Лавры, число доблестных защитников которой уменьшилось до крайности: по словам летописца, их осталось не более 200 человек.

В то время как герои, засевшие в обители Живоначальной Троицы, со славою отбивали все вражеские приступы, борьба мужицких ополчений с поляками и ворами шла с переменным счастьем. Отряд князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского не был еще готов к действиям; шедший же из Астрахани с царскими войсками воевода Ф. И. Шереметев был сильно задерживаем в пути очищением поволжских городов от воровских ратей и двигался поэтому крайне медленно.

Неважно шли дела и в обеих вражеских столицах – в Москве и в Тушине. В Москве по-прежнему царем «играли, – по выражению современников, – как дитятем», и позорные переезды перелетов из одного лагеря в другой

продолжались. Было и несколько попыток свергнуть Василия Ивановича с престола.

Первая из них была произведена 17 февраля 1609 года, на Масляной, беспокойным рязанским дворянином Григорием Сунбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным. Они собрали 300 человек заговорщиков и потребовали от бояр свержения Шуйского; но все бояре заперлись в своих домах, и только один князь Василий Васильевич Голицын вышел на Красную площадь. Затем заговорщики силою выволокли патриарха Гермогена на Лобное место, толкали его, обсыпали песком и сором, хватали за грудь, трясли и требовали, чтобы он высказался за низложение Шуйского, незаконно избранного своими сообщниками в цари. Но крепкий духом Гермоген, хотя и не любил Василия Ивановича и знал все грехи его избрания, тем не менее, непоколебимо стоял за него, как за единственную власть, поддерживающую еще порядок в государстве, и не поддавался на устрашивание заговорщиков, которые, отпустив его, двинулись затем во дворец, но были с такою же твердостью встречены и Шуй-

ским.

Видя, что их не поддерживает народ, и встретив такой ответ, заговорщики убежали в Тушино. Гермоген же послал в Тушино две грамоты к ушедшим туда русским людям с предложением раскаяться и вернуться под власть царя Василия Ивановича, который их простит.

Вторая попытка свергнуть Шуйского должна была состояться в Вербное воскресенье: его предполагали убить в этот день. Во главе недовольных стал боярин Крюк-Колычев, но заговор был своевременно открыт, после чего Колычев был пытан и казнен.

Обложение Москвы тушинцами, хотя и не полное, вызвало весной 1609 года страшную дороговизну хлеба; цены на четверть ржи доходили до семи рублей (231/2 нынешних серебряных); в этом деле Василию Ивановичу пришел на помощь Авраамий Палицын, имевший, как келарь Троицкой Лавры, обильные запасы хлеба в столице; он выпустил его в продажу по два рубля за четверть (62/3 нынешних серебряных), и это сразу успокоило народ.

В Тушине вся зима 1608/09 года и весна прошли в распрях и восстаниях. Сюда вернулся изгнанный друг Вора – Меховецкий, бывший у него первым гетманом; но Рожинский приказал его схватить и убить; различные отряды, отправлявшиеся для сбора продовольствия, предавались отчаянным грабежам и часто восставали против своих начальников.

Поддавшиеся Вору области приходили в ужас от поборов его шаек и докучали ему жалобами вроде следующей: «Царю Государю и великому князю Димитрию Ивановичу всея Руси бьют челом и кланяются сироты твои Государевы, бедные, ограбленные и погорелые крестьянишки. Погибли мы, разорены от твоих ратных воинских людей; лошади, коровы и всякая животи́на побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши все выжжены, а что было хлебца ржаного, и тот хлеб сгорел, а достальной хлеб твои загонные люди вымолотили и развезли; мы, сироты твои, скитаемся между дворов, пить и есть нечего, помираем с женишками голодною смертью, да на нас же просят твои сотные деньги и панский корм, стоим в деньгах на правеже, а денег

нам взять негде».

Особенно злодействовал над крестьянами какой-то пан Наливайко, который побил множество людей, сажал их на кол, а жен и детей позорил и в плен брал. Слухи о неистовствах Наливайки возмутили даже Вора, и он приказал его казнить; когда же Сапега заступился за него, то «царь Димитрий» отправил последнему письмо с укоризнами.

Одним из важнейших событий в Тушинском стане за описываемое время было прибытие пленного Филарета Никитича. Мы видели уже из отписки устюжан к вологжанам, что он был захвачен ворами осенью 1608 года в Ростове. Когда к Ростову подошел отряд Сапеги, то жители города хотели бежать на север, но были остановлены Филаретом Никитичем и воеводою князем Третьяком Сеитовым; последний мужественно напал на воровский отряд, но был, к несчастью, разбит, после чего еще три часа защищался в самом городе, в то время как митрополит Филарет молился с народом в соборном храме.

Воры ворвались в собор, «сего убо митрополита Филарета, – говорит Авраамий Пали-

цын, – исторгше силою, яко от пазуху материю, от церкви Божия и ведуще путем боса, токмо во единой свите, и ругающесе, облекша в ризы язычески и покрыта главу татарскою шапкою, и нозе обувше во своя сандалия». После этого, как мы знаем, его посадили вместе с «женкой» на возок и отвезли в Тушино, «где его ждали, – по словам С. Соловьева, – почести еще более унижительные, чем прежде поругание: самозванец, из уважения к его родству с мнимым братом своим царем Феодором, объявил его московским патриархом». Несмотря на невыразимо трудное положение, в которое попал Филарет Никитич в Тушине, он и здесь продолжал себя держать с обычным своим достоинством. «Но сей Филарет, – говорит Палицын, – разумен сый, и не преклонися ни на десно, ни на шуюе, но пребысть твердо в правой вере». С таким же уважением, как мы видели, отзывался про него и патриарх Гермоген в своей грамоте, посланной в Тушино.

Стычки под Москвой с войсками Шуйского далеко не всегда кончались в пользу Вора, и в одной из них, в конце февраля 1609 года, гет-

ман Рожинский получил тяжелую рану, от которой не мог оправиться до своей смерти.

В Троицын же день вновь произошло большое сражение на Ходынке: вначале поляки и воры имели успех; они подошли к самым городским стенам и овладели царским гуляй-городом (щитами, поставленными на телеги, из-за которых стреляли в отверстия стрельцы), но затем были опрокинуты, и московские войска захватили бы и Тушино, если бы их не задержал на речке Химке атаман Заруцкий со своими казаками. После этого сражения множество поляков попало в руки Шуйского. Одного из них, пана Пачановского, он послал в Тушино с предложением, чтобы все его сородичи ушли из Московского государства, и тогда он отпустит домой всех захваченных в плен. Но бывшие в Тушине поляки не хотели уходить и отвечали: «Скорее помрем, чем наше предприятие оставим; дороги нам наши родные и товарищи, но еще дороже – добрая слава». Пан Пачановский вернулся с этим ответом в Москву и был с честью принят Василием Ивановичем; вообще пленных поляков содержали хорошо; особен-

но же ласков к ним был царский брат, князь Иван Иванович Шуйский.

Между тем наступало лето 1609 года, и князь Михаил Васильевич Скопин был уже недалеко от Москвы.

По договору, заключенному в конце февраля 1609 года стольником Головиным и дьяком Зиновьевым-Сыдавным с Карлом IX, последний обязывался выставить на помощь Шуйскому 2000 наемной конницы и 3000 пехоты и, кроме того, неопределенное количество добровольцев, за что Московское государство заключало вечный мир со Швецией, отдавало ей город Корелу с уездом и должно было действовать сообща против Сигизмунда Польского. Вместе с тем содержание всех помянутых наемников всецело ложилось на московскую казну.

Эта шведская сборная рать начала прибывать к Новгороду только с половины апреля 1609 года; она считала в своих рядах около 15 000 человек – шведов, шотландцев, датчан, англичан, немцев и французов; ее главнокомандующим был двадцатисемилетний Яков Деллагарди, сын Понтуса Деллагарди, уже побы-

вавший, несмотря на свою молодость, в продолжительных походах, причем часть своей службы он прошел в Нидерландах под начальством лучшего европейского полководца того времени – принца Морица Нассауского.

В Новгороде между обоими молодыми вождями быстро завязались дружеские отношения. Скопин произвел и на шведов самое лучшее впечатление: «Имея от роду всего двадцать три года, – писал про него один из них, – он отличался статным видом, умом, зрелым не по летам, силою духа, приветливостью, воинским искусством и умением обходиться с иностранцами».

Делагарди хотел ждать окончания распутицы, но Скопин спешил с выступлением на выручку столицы; в конце апреля передовые русско-шведские отряды разбили Кернозицкого под Старой Руссой, а затем быстро очистили от воров Торопец, Торжок, Порхов и Орешек; воевода последнего города, Михаил Глебович Салтыков, бежал в Тушино. Менее удачны были действия отряда князя Мещерского, высланного из Новгорода для занятия Пскова, в котором вражда между лучшими

и меньшими людьми, стоявшими за Вора, обострилась до крайности; Мещерский не смог овладеть Псковом и был отозван назад князем М. В. Скопиным, который лично выступил из Новгорода 10 мая. Против него из Тушина были высланы к Торжку пан Зборовский и знакомый нам Григорий Шаховской, «всей крови заводчик», успевший освободиться из своего заключения на Белоозере и пробраться к Вору.

Под Торопцом передовой шведский отряд был разбит Зборовским, но последний поспешил затем отойти к Твери и соединиться с Кернозицким, узнав, что Скопин идет во главе большого войска.

Под Тверью, в июле 1609 года, Скопин настиг Зборовского и вступил с ним в упорнейшее сражение. Долго успех его колебался то в одну, то в другую сторону, но в конце концов польско-воровские войска были разбиты, и Скопин собрался уже их преследовать всеми силами, как вдруг получил известие, что шведские наемники отказываются идти, так как получили жалованье только за два месяца, а требуют за четыре. Делая гарни принял

сторону Скопина и грозил своим воинам даже смертью, но это мало помогло, и с той поры, помимо борьбы с Вором и поляками и устройства ополчений северных городов, на Скопина легла еще тяжелая задача – улаживать всеми мерами неудовольствия, возникшие среди вспомогательной шведской рати.

От Твери князь Михаил Васильевич не пошел прямо на Москву: он знал, что встретит под Троицей, у Дмитрова и Тушина сильные отряды Сапеги, Лисовского и других воров, в столкновении с которыми, в случае неудачи, все его дело может быть сразу погублено, и двинулся поэтому в направлении к Ярославлю, чтобы быть ближе к собирающемуся мужицкому ополчению северных городов. Дойдя до Калязина монастыря на Волге, он остановился, укрепил свой стан и стал обучать стекающихся к нему ратников, имея деятельным помощником шведского военачальника Зомме.

Вместе с тем Скопин и царь Василий Иванович Шуйский рассылали по всему северу свои грамоты, требуя присылки людей и де-

нег. Особенно горячо откликнулись на этот призыв иноки Соловецкого монастыря и именитые люди Строгановы. Соловецкие монахи переслали в Москву более 17 000 рублей и даже серебряную ложку, то есть, очевидно, всю свою казну дочиста; Петр же Семенович Строганов, как признал сам Шуйский, посылал многих ратных людей на царскую службу против воров, города от шатости укреплял и давал большие деньги в ссуду для раздачи жалованья служилым людям. За это радение царь приказал писать его во всех грамотах с «вичем», что считалось тогда великою честью.

Между тем Скопин, разбив у Калязина двинувшегося было против него от Троицы Сапегу и усилив свою рать заволжскими мужицкими дружинами, «создався с костромскими и с ярославскими и с иных городов с людьми», занял в октябре Переяславль-Залесский и Александровскую слободу. Установив таким путем связь между Москвой и северными городами, он решил идти отсюда на освобождение столицы, закрепляя свое движение к ней устройством крепких «острожков», в ко-

торых оставляемые им небольшие отряды могли бы с успехом противодействовать воровским шайкам. Сюда же к Александровской слободе позднью осенью 1609 года стал подходить и шедший с Нижней Волги воевода Ф. И. Шереметев.

Движение Ф. И. Шереметева сильно подняло дух всех крестьянских и посадских миров в Поволжье и в местности между Волгой и Окой, начавших подниматься против воров с осени 1608 года.

Так, в Юрьевец-Поволжском черные люди собрались вокруг сотника Феодора Красного, на Решме во главе их стал крестьянин Григорий Лапша, в Балахнинском уезде – Иван Кувшинников, в Городце – Феодор Ногавицын, в Холуе – Илья Деньгин, и, наконец, в Нижнем всеми действиями против воров руководил доблестный воевода Андрей Алябьев. Тем не менее, эти действия против воровских шайк и их предводителей – Лисовского, Федьки Плещеева, занявшего Суздаль, атамана Таскаева, князя Вяземского и других – были очень тяжелы для мужицких ополчений. Поэтому Ф. И. Шереметев, шедший от Астрахани с отрядом

хорошо обученных воинов, число коих было едва ли более 3000 человек, встречался всюду как избавитель. Вынужденный постоянно очищать свой путь от воров, Шереметев так же, как и Скопин, мог двигаться очень медленно. Только весной 1609 года он подошел и прочно утвердился в Нижнем. «Нижегородцы же, – говорит летописец, – видя приход к ним ратных людей, возрадовашесь». Из Нижнего Шереметев двинул Алябьева к Мурому, где засели воры, а затем и сам направился к этому городу. После занятия Мурома Алябьев был послан к Владимиру; владимирцы, узнав о его приближении, схватили своего воеводу Вельяминова, передавшего Вору, и потащили его в соборную церковь, чтобы он там исповедался и причастился перед смертью. Соборный протопоп, дав ему причастие, вывел Вельяминова к народу и сказал: «Вот враг Московского государства», после чего он был тут же избит камнями до смерти.

Шереметев прибыл во Владимир лишь во второй половине 1609 года, взяв предварительно приступом Касимов; затем он пошел к Суздалью, где крепко засели воры, но овладеть

этим городом ему не удалось, и он должен был опять отступить к Владимиру. Наконец, только к исходу 1609 года, ему удалось соединиться со Скопиным.

Таким образом, к концу 1609 года, благодаря действиям Скопина и Ф. И. Шереметева и подъему народного духа в посадских и крестьянских мирах на севере России и в Среднем Поволжье, – царь Василий Иванович Шуйский, казалось, мог рассчитывать на победу над непрошеными гостями, нагло вторгшимися в Московское государство, как из Польши, так и с воровского Поля.

Сигизмунд под Смоленском

Но в это время в пределах Московского государства появился еще новый враг, одинаково опасный для Василия Ивановича Шуйского и для «царика», засевшего в Тушине. Это был Сигизмунд – король Польский. Успешно справившись с домашним «рокошем», он хотел воспользоваться теперь смутой, царившей в Московском государстве, и, под предлогом, что Шуйский заключил союз с его заклятым врагом – Карлом IX Шведским, решил вторгнуться в наши пределы, обещав сенату и сейму, у которых он испросил войско и деньги на войну, что будет в своих действиях руководствоваться исключительно выгодами Польши. Прибывавшие из Московского государства поляки убеждали его, что лишь только он явится в наших пределах, то бояре тотчас же сведут Шуйского с престола и провозгласят царем королевича Владислава.

Иначе смотрел шестидесятитрехлетний королевский гетман Жолкевский, который был вообще против войны с Москвой. Видя же неперемнное желание Сигизмунда вме-

шаться в наши дела, он убеждал его идти в Северскую Украину и овладеть ее плохо укрепленными городами, полагая, что королевских войск будет недостаточно для взятия крепкого Смоленска, обнесенного каменными стенами при Годунове. Но Сигизмунд во что бы то ни стало хотел овладеть как можно скорее именно Смоленском, составлявшим в течение стольких лет предмет вожделений поляков, а затем подчинить Польше и все Московское государство. В намерении идти на Смоленск поддерживали короля: бывший посол к первому Лжедмитрию Александр Гонсевский, ставший теперь старостой Велижским канцлер Лев Сапега, а также особо приблизившиеся к Сигизмунду во время рокоша братья Ян и Яков Потоцкие. Вообще в это время в Польше смотрели на покорение Московского государства как на дело весьма легкое.

«...Наши мало не всей Русской землей овладели, – писал один шляхтич другому, – кроме Москвы, Новгорода и других небольших городов... Я вам объявляю, что на будущем сейме постановят такое решение: видя

легкоумие и непостоянство московских людей, которым ни в чем верить нельзя, надобно разорить шляхту (русскую) и купцов и развести в Подолию и другие дальние места, а на их место посадить из наших земель достойных людей...»

В это же именно время в Польско-Литовском государстве особенно усилилась ненависть ко всему православному и русскому. В 1608 году латиняне и униаты хотели нанести смертельный удар Виленскому православному братству, имевшему свое средоточие в Троицком монастыре, и решили, как мы уже упоминали, передать этот монастырь униатам. Православные, конечно, сильно всполошились и послали жалобу в сейм, где у них были покровители, обещавшие принять их сторону. Но в следующем, 1609-м, году в Вильну прибыл Сигизмунд, шедший на завоевание Московского государства.

21 сентября 1609 года Сигизмунд стоял уже под стенами Смоленска, имея 5000 пехоты, 12 000 конницы, 10 000 запорожских казаков и, кроме того, отряд литовских татар. Он послал складную грамоту В. И. Шуйскому и «универ-

сал», или манифест, к жителям Смоленска и окрестных мест, в котором, между прочим, уверял, что шведы хотят искоренить православие, а он, Сигизмунд, пришел его спасти, почему обитатели Смоленска и должны отворить свои ворота и встретить его хлебом-солью. Но «виленские мещане-братчики, – говорит М. Ф. Коялович, – послали в Смоленск предостережение, чтобы русские знали, чего ожидать от польского короля, который хочет властвовать и в Восточной России; а когда Сигизмунд подошел к Смоленску и требовал сдачи, то поляки увидели на стенах крепости и некоторых мещан западнорусских». В Смоленске сидел на воеводстве доблестный Михаил Борисович Шеин. Он зорко следил через своих лазутчиков за всеми действиями противника и был отлично осведомлен об истинных намерениях короля.

На свой универсал Сигизмунд получил из Смоленска следующий ответ от архиепископа, воевод и народа: «Мы в храме Божией Матери дали обет не изменять государю нашему Василию Ивановичу, а тебе, литовскому королю, и твоим панам не раболепствовать вове-

ки». Вслед за тем были выжжены посады и слободы. «Многие описали и начертали положение крепости Смоленской, – говорит гетман Жолкевский в своих «Записках». – Я кратко скажу об этом. Снаружи она кажется довольно обширна; окружность ее стен, полагаю, до восьми тысяч локтей, более или менее, не считая окружности башен; ворот – множество; вокруг крепости башен и ворот – тридцать восемь, а между башнями находятся стены длиною во сто и несколько десятков локтей. Стены Смоленской крепости имеют толстоты в основании десять локтей, вверху же, с обсадом (вероятно, зубцы, между коими бойницы), может быть, одним локтем менее; вышина стены, как можно заключить на глазомер, около тридцати локтей».

Расставив орудия вокруг города, Сигизмунд велел открыть из них жестокую пальбу; затем, 23 сентября, за два часа до рассвета, поляки повели приступ всеми силами, однако не могли вломиться в крепость, хотя разрушили взрывом Авраимьевские ворота; ночью 26 сентября они взяли острог у Пятницкого конца, а через сутки, пользуясь опять ноч-

ным покровом, повели новый приступ, причем пытались овладеть Большими воротами.

Но осажденные оборонялись с таким мужеством, что ляхи были всюду отбиты с огромным уроном. Они не пытались более выходить из своих станов, а ограничились ведением почти бесполезной для себя стрельбы из орудий и устройством подкопов, которые своевременно взрывались нашими при посредстве выводимых ими «слухов». Смольняне действовали все время в высшей степени решительно и постоянно производили на поляков смелые вылазки. Однажды, среди белого дня, шесть человек русских подъехали на лошадях к стану маршала Дорогостайского, схватили на глазах у всех литовское знамя и благополучно вернулись в крепость.

При этих условиях наступила зима с 1609 на 1610 год.

Весть о прибытии Сигизмунда к Смоленску произвела сильное впечатление не только на В. И. Шуйского и Тушинского Вора, но и на поляков, бывших с последним. Эти поляки отнюдь не желали делить с королем добычу, которую им сулила Смута в Московском госу-

дарстве.

Особенно негодовал на Сигизмунда Рожинский, первое лицо в Тушинском стане. Он созвал поляков в коло и заключил с ними конфедерацию, или союз, члены которого поклялись посадить Вора на царство, вступив, если нужно, в открытую борьбу с королем, – и послали пана Мархоцкого к Сигизмунду со следующим словом: «Если сила и беззаконие готовы исхитить из наших рук достояние меча и геройства, то не признаем ни короля королем, ни отечества отечеством, ни братьев братьями...»

Рожинский уговаривал и Сапегу примкнуть к конфедерации и лично ездил для этого под Троицу, но последний не решился открыто восстать против короля.

Появление Сигизмунда у стен Смоленска вызвало, как мы говорили, большую тревогу и в Москве. Вся надежда царя и граждан была возложена на Скопина, но последний не мог двигаться быстро и должен был выдержать наступление Сапеги, который подступил к Александровской слободе и только после кровопролитного боя отошел опять к Троице;

между тем в столице наступил снова голод, и страшно поднялась цена на хлеб: крестьянин Сальков с шайкой воров занял Коломенскую дорогу, по которой шло продовольствие из Рязанской земли, и двое высланных против него воевод не могли совладать с ним; только когда Василий Иванович Шуйский отправил против Салькова князя Димитрия Михайловича Пожарского, то Сальков был наголову разбит и очистил Коломенскую дорогу. В самой Москве тоже завелась измена, и Красное Село было сперва сдано тушинцам, а потом выжжено дотла; при этом был спален и деревянный город «Скородум», выстроенный Борисом Годуновым.

Между тем Сигизмунд решил отправить пана Стадницкого в Тушино и грамоты к царю Василию Ивановичу, к патриарху Гермогену, ко всему духовенству, боярам и всем людям Московского государства.

Пан Стадницкий должен был уговорить тушинских поляков оставить Вора и перейти на службу к королю, за что им сулились великие милости не только в Московском государстве, но и в Польше. Шуйскому Сигизмунд сооб-

щал, что пришел помочь ему успокоить его царство, а потому просит съехаться думным боярам с польскими послами для переговоров. В грамоте же к патриарху, духовенству, боярам и всем людям король прямо говорил, что он, желая утишить Смуту Московского государства, предлагает им быть под его рукою, за что обещает, заверяя «нашим господарским истинным словом», цело и ненарушимо поддерживать «веру вашу православную правдивую греческую», хотя, вслед за тем, он тотчас же принял с великой благодарностью шпагу, освященную Папою Павлом V и присланную ему с пожеланием успешного покорения «московских схизматиков».

Положение Вора было в это время самое жалкое. Знатные поляки, еще недавно постоянно целовавшие ему руку, относились к нему теперь с величайшим презрением. Пан Тышкевич ругал его в глаза мошенником и обманщиком. Вместе с тем поляки зорко следили за «цариком», чтобы он не сбежал, и заперли всех его лошадей; тем не менее Вору удалось с четырьмя сотнями донских казаков ускользнуть из Тушина. Но за ним отправил-

ся в погоню Рожинский и быстро вернул его назад. Когда «царик» спросил его, о чем у них идут переговоры с королевским послом, то тот ему отвечал: «А тебе что за дело? Черт знает, кто ты таков! Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим», после чего, будучи пьяным, Рожинский хотел еще избить названного Димитрия.

При этих обстоятельствах, видя, что дело совсем плохо, Вор в тот же вечер (кажется, 6 января 1610 года) оделся мужиком, потихоньку сел со своим приятелем шутом Кошелевым в навозные сани и бежал в Калугу, покинув Тушино и свою жену, «государыню Марину Юрьевну», на произвол судьбы.

Это неожиданное бегство Вора окончательно побудило всех тушинских поляков перейти на сторону короля.

Простые русские люди и казаки, составлявшие воровские войска, были вначале крайне огорчены бегством «царика» и прямо обвиняли в этом поляков. «Толпы, – говорит Н. М. Карамзин, – с яростным криком приступили к гетману (Рожинскому), требуя своего Димитрия, и в то же время грабя обоз сего беглеца,

серебряные и золотые сосуды, им оставленные».

Скоро воровской атаман Беззубцев разбил в Серпухове пана Млоцкого, за то, что последний «направлял дело в королевскую сторону», а через месяц все казаки, исключая отряда Заруцкого, были приведены к Вору в Калугу князем Шаховским, «всей крови заводчиком», и князьями Д. Т. Трубецким и Засецким. Рожинский погнался за ними и нанес им поражение, положив на месте около 2000 человек, а затем вернулся в Тушино.

В Калуге Вор очень недурно устроился. Город этот связывал его со всем югом, охваченным мятежным движением, и с казаками. Прибыв в подгородный Калужский монастырь, он тотчас же послал объявить жителям города о своем бегстве из Тушина с целью спастись от гибели, которую ему готовил Сигизмунд за отказ отдать полякам Смоленск и Северскую землю, и клялся, что положит свою голову за православие и Отечество: «Не дадим торжествовать ереси, не уступим королю ни кола, ни двора». Калужане встретили его с хлебом-солью и с царскими почестями.

21 января 1610 года под Смоленском Сигизмунд принимал русских послов из Тушина; в числе их, между прочими, были: беглый воевода из Орешка Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном; дьяк Грамотин, ловкий, но гнусный человек, который вместе с Михаилом Салтыковым за несколько времени до этого, по просьбе Сапеги, склонял к сдаче защитников Троице-Сергиевой Лавры; убийца семьи Годуновых и выдававший себя одно время за Лжедмитрия, битый кнутом дворянин Михаил Молчанов; старый изменник князь Василий Рубец-Мосальский, князь Юрий Хворостинин, торговый мужик-кожевник Федька Андронов и некоторые другие.

Несмотря на столь порочный состав посольства, необходимо сказать, что оно, благодаря короля за милостивый прием и прося у него на Московское государство королевича Владислава, заявило ему, что само не может решить это дело без совета всей земли и вместе с тем ставит непременно условием охранение во всей ненарушимости православия, причем Михаил Салтыков, державший королю речь, когда дошел до этого условия,

не выдержал и стал плакать.

Вслед за тем, 4 февраля, между тушинскими послами и королем был заключен договор, который рядом условий, ограничивающих власть Владислава, стремился «охранить московскую жизнь от всяких воздействий со стороны польско-литовского правительства, обязывал Владислава блюсти неизменно православие, административный (правительственный) порядок и сословный строй Москвы». Сигизмунд согласился на условие, что Владислав будет венчаться на царство русским патриархом в Москве, но коварно добавил, что это произойдет, когда водворится в государстве полный порядок.

Самозваные послы пошли на эту уступку чрезвычайной важности, и каждый из них дал королю такую присягу: «Пока Бог нам даст государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотеть – его государеву отцу, нынешнему наияснейшему королю Польскому и великому князю Литовскому, Жигмонту Ивановичу». Обрадованный этим поворотом дел, Сигизмунд писал польским сенаторам: «Хотя при таком

усильном желании этих людей, мы, по совету находящихся здесь панов, и не рассудили вдруг опровергнуть надежды их на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь к себе и москвитян, держащих сторону Шуйского, и дать делам нашим выгоднейший оборот; однако, имея в виду, что поход предпринят не для собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей выгоды республики, мы, без согласия всех чинов ее, не хотим постановить с ними ничего положительного».

Между тем доблестный защитник Смоленска М. Б. Шеин продолжал отвечать пушечными выстрелами и вылазками на все попытки короля овладеть городом, а владыка Сергей, чтобы пресечь всякие разговоры граждан о сдаче, снял однажды после службы облачение, положил посох и, выйдя к пастве, объявил ей, что готов принять какую угодно муку, но Церкви не предаст и согласен, чтобы его умертвили, но на сдачу города не согласится. Горожане, проливая слезы, надели опять на Сергия облачение и поклялись, что будут стоять против поляков до последнего издыхания.

Оставшаяся в Тушине Марина тщетно отправляла во все стороны письма с просьбой о помощи и ходила с распущенными волосами по палаткам воинов, убеждая их принять сторону Вора; наконец она решилась бежать. 11 февраля 1610 года, переодевшись гусаром, в сопровождении служанки и нескольких сотен донцов, Марина покинула Тушино, оставя письмо к войску, в котором горько жаловалась на свою судьбу, но говорила, что не отступит от своих прав на Московское государство, почему поневоле должна ехать к мужу.

Однако она попала не к мужу, а очутилась у Сапеги в Дмитрове, куда он перешел, вынужденный князем Михаилом Васильевичем Скопиным снять 12 января, после шестнадцати месяцев, осаду Троице-Сергиевой Лавры.

Бегство Марины в Калугу вызвало новые волнения в Тушине; часть рыцарства приняла сторону Рожинского, другие – его врага пана Тышкевича, и дело доходило до ружейных выстрелов. Затем поляки стали звать короля прибыть скорее в Тушино, ибо Тушину начала грозить опасность как со стороны Скопина, так и от Вора из Калуги; но король не

двигался из-под Смоленска.

Тогда, в первых числах марта 1610 года, Рожинский зажег Тушино и направился к Иосифову Волоколамскому монастырю, ведя с собой в качестве пленника Филарета Никитича. Воровская столица окончательно опустела через несколько дней: часть русских тушинцев пошла за Рожинским, часть последовала в Калугу к Вору, а часть – явилась с повинною в Москву. Тушинские же послы во главе с Михаилом Салтыковым остались при Сигизмунде под Смоленском.

Князь М. В. Скопин тем временем успешно подвигался на освобождение столицы: 4 января 1610 года высланный им в передовом отряде дворянин Волуев, для разведки расположения Сапеги, вступил в Троице-Сергиев монастырь, усилился там отрядом Жеребцова и на другой день напал на поляков, после чего вернулся к Скопину, донося ему о слабости Сапеги. Последний, как мы уже говорили, вынужден был 12 января снять осаду Лавры и отступил к Дмитрову.

Через несколько дней последовало торжественное вступление войск Скопина в оби-

тель Живоначальной Троицы. Ее мужественные защитники и иноки радостно встретили прибывших и отдали все, что имели еще в ризнице, а также несколько тысяч рублей монастырской казны, для уплаты шведам. Затем, несмотря на глубокий снег, отряд князя Ивана Куракина из шведов и русских двинулся от Троицы на лыжах к Дмитрову, где Сапега был наголову ими разбит. В это время как раз у него гостила Марина; видя, что испуганные поляки вяло защищают свои укрепления, она выбежала к ним и крикнула: «Что вы делаете, негодяи! Я – женщина, а не потеряла духа...» От Дмитрова, бросив знамена и пушки, Сапега побежал к калужским и смоленским границам, чтобы, «смотря по обстоятельствам, – говорит Н. М. Карамзин, – присоединиться к королю или к Лжедмитрию».

Скоро мужественный Волуев разбил под Иосифо-Волоколамским монастырем и знаменитого воровского гетмана князя Рожинского, причем был освобожден и отправлен затем в Москву его пленник, Филарет Никитич Романов. Сам же Рожинский, упав нечаянно на раненый бок, кончил чрез несколько дней свою

молодую, но бурную жизнь в Волоколамске.

Один только Суздаль оставался до весны во вражеских руках; здесь крепко держался смелый наездник Лисовский вместе с изменником атаманом Просовецким. Весной Лисовский оставил Суздаль и отправился ко Пскову, ограбив по пути Калязинский монастырь и убив его защитника Давыда Жеребцова.

Таким образом, к весне 1610 года трудами князя М. В. Скопина Москва была освобождена от польско-воровских отрядов, ее окружавших. «До прибытия Скопина, – говорит гетман Жолкевский в своих «Записках о московской войне», – в Москве бочка ржи продавалась с лишком по двадцати золотых; теперь же так много оной было привезено, что бочка продавалась по три злата...»

Царь Василий Иванович и вся столица с величайшим торжеством встречали 12 марта 1610 года своего юного освободителя – двадцатитрехлетнего князя Михаила Васильевича Скопина; народ падал перед ним ниц и называл его отцом Отечества.

Конечно, самым радушным и широким образом чествовались и его сподвижники – рус-

ские ратные люди, а также Деллагарди и шведские наемники.

Имя Скопина было в это время у всех на устах, и в мечтах каждого русского человека, любящего свое Отечество, он являлся тем несравненным героем и избавителем, который должен был окончательно очистить Московское государство от поляков и воров. В Москве появились уже рассказы про каких-то гадателей, предсказывавших, что умиротворение России наступит, когда царем будет Михаил.

Но все это, разумеется, должно было сильно не нравиться Василию Ивановичу Шуйскому, особенно же его бездарному, но завистливому брату, князю Димитрию Ивановичу, который являлся его наследником, так как у престарелого царя от брака с княжной Буйносовой-Ростовской было только две дочери, вскоре же умершие, и дальнейшего потомства ожидать было трудно. Князь Димитрий Иванович с ненавистью следил за успехами Скопина и во время торжественного въезда его в Москву не мог удержаться, чтобы не сказать: «Вот идет мой соперник».

Сам царь Василий Иванович хотя и проливал слезы радости при встрече племянника 12 марта, но в Москве слезам этим никто не верил, зная, во-первых, его подозрительность, а затем и ввиду событий, разыгравшихся за некоторое время до этого, когда Скопин был еще в Александровской слободе, куда к нему неожиданно прибыли посланные от страстного и нетерпеливого Прокофия Ляпунова, еще недавно принесшего повинную Василию Ивановичу за свой легкомысленный союз с Болотниковым и пожалованного за раскаяние в думные дворяне.

Теперь Ляпунов, восхищенный успехами Скопина, прислал ему грамоту, где он назвал его царем, а Василия Ивановича осыпал укоризнами. Скопин, в порыве негодования, разорвал эту грамоту, а посланных приказал схватить и отправить в Москву. Но затем он дал себя умилоствовать и разрешил им вернуться в Рязань.

Об этом, конечно, тотчас же донесли в Москву люди, приставленные Василием Ивановичем следить за племянником, и с этого времени, говорит летописец, царь Василий и

братья его начали против Скопина «держатъ мнение».

Делагарди, слыша доходившие до него слухи о недоброжелательстве царя с братьями к своему молодому другу, предостерегал его и уговаривал как можно скорее выступить из Москвы, чтобы идти против Сигизмунда к Смоленску.

Сигизмунд находился в это время, ввиду геройской защиты смольнян, в очень затруднительном положении и решил вступить в сношение с Вором, засевшим в Калуге, для чего к нему должен был поехать из королевского стана брат Марины – староста Саноцкий. В то же время король пытался вновь завести переговоры и с царем Василием Ивановичем, но последний, гордясь успехами племянника, прежде всего, потребовал, чтобы король вышел из пределов Московского государства.

Неожиданная смерть Скопина разом изменила все положение дел. 23 апреля он был на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского, после чего заболел кровотечением из носа и скончался через две недели.

«Мнози же на Москве говоряху то, – расска-

зывает летописец, – что испортила ево тетка, княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйскова (она, как мы уже указывали, была дочерью Малюты Скуратова и приходилась родной сестрой задушенной Молчановым царице Марии Григорьевне Годуновой), а подлинно то единому Богу (известно)».

Действительно, улик против княгини Екатерины Григорьевны, изобличавших ее вину в смерти племянника, а тем более – против Василия Ивановича Шуйского у современников не имелось; но, во всяком случае, кончина князя Михаила была роковой для нелюбимого всеми царя. «Его смертью, – говорит С. Соловьев, – порвана была связь русских людей с Шуйским».

Первым поднял против него голос тот же страстный Прокофий Ляпунов и начал громко требовать его смещения. Но кем заменить Василия Ивановича – Ляпунов еще не решил; подняв восстание в Рязани против Шуйского, он стал сноситься с Вором в Калуге и вместе с тем вошел в переговоры с умным и честолюбивым соперником Шуйского – князем Василием Васильевичем Голицыным. Князя

Мстиславский и И. С. Куракин тоже не ладили с Шуйским и находили, что лучше всего будет свергнуть его и избрать государя из какого-нибудь иноземного владетельного рода, а не из своей среды.

При таких зловещих для себя обстоятельствах, царь двинул к Смоленску против Сигизмунда 40 000 московского войска и 8000 шведских наемников, вручив главное начальствование своему бездарному брату, князю Димитрию Ивановичу, ненавидимому, кроме того, всеми ратниками за непомерную гордость. Сигизмунд же отправил ему навстречу своего искусного гетмана Жолкевского. Последний осадил частью сил Царево Займище, где заперлись князь Елецкий и храбрый Волуев, а с остальными своими войсками встретил, 24 июня 1610 года, Димитрия Шуйского под Клушиным (недалеко от Гжатска) и наголову разбил его: один из польских отрядов напал на шведов Делагарди и Горна и заставил их отступить, а главные силы гетмана обрушились на московскую конницу и смяли ее.

Пехота Шуйского засела в самом Клушине

и вначале наносила большой урон полякам, которых сильно задержал большой плетень; но русских предали наемные немцы: они стали покидать наши ряды сперва поодиночке, а потом все большими и большими частями. «Поляки подъезжали к их полкам, – говорит С. Соловьев, – кричали: «Кум, кум» («приди, приди»), и немцы прилетали как птицы на клич». Видя проигрыш боя, «князь Димитрий, – по словам Жолкевского, – бежал поспешно, хотя не многие его преследовали; он увязил своего коня в болоте, потерял также обувь, и, босой, на тощей крестьянской кляче, приехал под Можайск в монастырь».

Достав здесь лошадь, он немедленно отправился в Москву, откуда «изыде со множеством воин, но со срамом возвратися», – говорит летописец.

«...Был он воевода сердца не храброго, обложенный женствующими вещами, любящий красоту и пищу, а не луков натягивание...» После Клушинского поражения шведские войска очутились отрезанными от московских; часть из них передалась Сигизмунду, а другие с Делагарди отступили на север в

Новгородскую область. Московские же ратные люди разбежались по домам и не хотели возвращаться в столицу, несмотря на то, что их туда усиленно звал царь Василий Иванович.

После своей победы Жолкевский, нагруженный огромной добычей, вернулся под Царево Займище и предложил Елецкому и Волуеву сдаться. Те долго на это не соглашались, но в конце концов должны были целовать крест королевичу Владиславу, заставив, в свою очередь, присягнуть Жолкевского о сохранении в полной неприкосновенности православия, обычаев, порядков и границ Московского государства: «...Как даст Бог, да бьет челом государю наияснейшему королевичу Владиславу Жигмонтовичу город Смоленск, то Жигмонту-королю идти от Смоленска прочь... А городам всем порубежным быть к Московскому государству по-прежнему».

Овладев Царевым Займищем, умный гетман, понимая, что дни царствования Шуйского сочтены, двинулся на Москву, отправляя туда во множестве грамоты и подметные письма, с приглашением жителей передаться

королевичу; вместе с тем он приглашал прибыть к Москве и самого Сигизмунда из-под Смоленска. При наступлении Жолкевского к Москве к нему примкнуло до 10 000 русского войска; это были отряды из городов Можайска, Борисова, Боровска, Ржева и других, последовавших примеру Царева Займища и присягнувших Владиславу.

С своей стороны и Вор, сведав про разгром царского войска под Клушином, двинулся также из Калуги на Москву через Медынь, Боровск и Серпухов и скоро расположился в 15 верстах от нее в Николо-Угрешском монастыре; у него было до 3000 русских и казаков да отряд Яна Сапеги, которого он переманил к себе за деньги. Вор рассчитывал иметь успех перед Владиславом, ввиду того что многие русские люди, сидевшие в Москве и желавшие низложения Шуйского, сомневались в том, что королевич Владислав примет православие; калужский же «царик» выставлял себя самым горячим и ревностным православным, хотя в действительности, как мы говорили, едва ли он не был жидом.

При движении к Москве Вору сдались Ко-

ломна, Кашира и отряд, оборонявший монастырь Пафнутия Боровского, кроме доблестного воеводы последнего, князя Михаила Волконского.

Увидя, что войска «царика» ворвались в обитель, Волконский бросился в церковь, стал в ее дверях и со словами: «Умру у гроба Пафнутия Чудотворца!» – бился до тех пор, пока не был убит. Не сдался Вору и город Зарайск, находившийся по пути его следования к Москве. Здесь сидел воеводой уже знакомый нам князь Димитрий Михайлович Пожарский. Еще до подхода Вора он отклонил предложение Прокофия Ляпунова встать против Шуйского; когда же граждане Зарайска начали уговаривать его целовать крест «царику», то он наотрез отказался и заперся с немногими людьми в кремле, приняв благословение Никольского протопопа Димитрия умереть за православие и законного государя. Мужественное поведение Пожарского подействовало на жителей, и они заключили с ним такой договор: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому тоже слу-

жить». После этого зарайцы так укрепились духом, что смело ходили побивать воровских людей и даже вернули обратно город Коломну царю Василию Ивановичу.

Свержение Шуйского

Между тем жители Москвы, видя, что им опять грозит осада и борьба с поляками и ворами, окончательно потеряли веру в своего нелюбимого царя, который, «сидя на царстве своем, многие беды прия, и позор и лай».

Когда воровские войска подошли к столице, то его вожди стали подсылать к москвичам с такими речами: «Вы убо оставите своего царя Василия – и мы такожде своего оставим, и изберем вкупе всюю землю царя и станем обще на Литву». Москвичам понравилось это предложение, и 17 июля они подняли мятеж; вожаками его были: грубый и буйный Захар Ляпунов – брат Прокофия, Феодор Хомутов и Иван Никитич Салтыков. Князья Василий Васильевич Голицын, Мстиславский, Куракин и другие в мятеже прямого участия не принимали, но ничем ему не противодействовали.

Толпа заговорщиков ворвалась во дворец, и Захар Ляпунов стал дерзко говорить Шуйскому, чтобы он сложил с себя царское звание, «а мы уже о себе как-нибудь промыс-

лим». Шуйский не смутился этой речью; он грозно прикрикнул на Ляпунова и выхватил нож, чтобы защититься от мятежников. Громадный и сильный Ляпунов тоже не испугался движения царя и отвечал ему: «Не тронь меня; вот возьму тебя в руки, так и сомну всего». Но остальные заговорщики стали кричать: «Пойдем прочь отсюда!» – и двинулись на Лобное место, а затем, в сопровождении несметной толпы сбегавшегося отовсюду народа, направились к Серпуховским воротам, причем «взята и патриарха Ермогена насильством... и начата вопити, чтоб Царя Василья отставить. Патриарх же Ермоген укрепляше их и заклинаше. Они же отнюдь не уклоняхусь и на том положиша, что свести с царства Царя Василья. Бояре ж немногие постояху за него, и те тут же уклонишась...»

С этого веча царский свояк, князь Иван Михайлович Воротынский, отправился во дворец объявить Шуйскому о решении народа и просил его оставить царство, взяв себе в удел Нижний Новгород. Василий Иванович должен был, конечно, на это согласиться и сейчас же переехал с женой в свой прежний

боярский двор.

Между тем тушинцы и не думали следовать примеру москвичей. Когда им послали объявить, что Василий уже низложен и теперь очередь за сведением Вора, то они, по словам летописца, «посмеяшесь московским людем и позоряху их и глаголаху им: «Что вы, не помните государева крестново целования, царя своего с царства ссадили; а нам-де за своего помереть»...»

Это обстоятельство дало надежду низложенному Шуйскому на возвращение к власти, и он завел пересылку со стрельцами и многими московскими людьми. Гермоген также громко требовал, чтобы Василий Иванович был опять посажен на царство. Но зачинщики заговора решили предупредить это. 19 июля тот же Захар Ляпунов с князьями Засекиным, Тюфякиным, Мерином-Волконским и другими лицами, взяв с собой монахов Чудова монастыря, явились к Шуйскому и потребовали его немедленного пострижения. Шуйский наотрез отказался. Тогда его схватили и, несмотря на отчаянное сопротивление, насильно постригли. Ляпунов с товарищами

держал его в своих дюжих руках, а князь Тюфякин давал за Василия Ивановича обеты пострижения, который не переставал кричать: «Несть моево желания и обещания к постриганью!»

Гермоген, всеми силами противившийся свержению Шуйского, тотчас же признал это пострижение недействительным и заявил, что монахом стал Тюфякин, а не Шуйский. Тем не менее, последнего заключили в Чудовом монастыре, а затем постригли и его жену; братьев же взяли под стражу.

Междоусобица. Патриарх Гермоген

Москва тоже совершенно растерялась и не могла решить, кто же должен быть царем. Захар Ляпунов и его рязанцы начали «в голос говорить, шоб князя Василия Голицына на господарстве поставити». Патриарх Гермоген был тоже за избрание царя из своих русских людей: или князя Василия Васильевича Голицына, или сына Филарета Никитича – четырнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова. Боярин князь Ф. И. Мстиславский не хотел сам сесть на царство, так как всегда говорил, что если его выберут, то он сейчас же пострижется в монахи; но он не хотел также и выбора кого-либо из своей братии, и его взглядов держался, по-видимому, и боярин князь И. С. Куракин. Многие русские люди, побывавшие в Тушине, а затем завязавшие сношения с королем, настаивали на избрании Владислава; чернь стояла за Вора; наконец, нашлись и такие, которые были не прочь видеть государем Яна Петра Сапегу.

Решению Москвы выбрать царем Владислава, конечно, сильно способствовало присутствие Вора под стенами столицы; он стал добывать ее со стороны села Коломенского, одновременно с подходом Жолкевского к Новодевичьему монастырю.

Вор между тем пытался войти в сношение с королем, чтобы освободиться от такого опасного соперника, как Владислав, и через Сапегу предлагал выплатить Сигизмунду и Речи Посполитой огромные деньги, уступить Северскую землю, а также помогать против шведов, как только он воцарится на Москве. Жолкевскому он послал подарки. Последний от них отказался, но пропустил воровских послов под Смоленск к Сигизмунду.

В первых числах августа гетман помог боярам отбить нападение Вора на столицу, после чего переговоры об избрании Владислава значительно подвинулись вперед. При этом Жолкевский решительно заявил, что принимает только те условия, на которых Михаил Салтыков с другими тушинскими послами целовали крест Сигизмунду под Смоленском об избрании королевича. Что же касается во-

проса о принятии Владиславом православия, на чем настаивали бояре, то вопрос этот должен быть передан на решение короля.

И бояре сдали и согласились не включать этого основного требования в составленные ими условия договора об избрании Владислава, которые были, по-видимому, переданы ими на обсуждение «Земского собора случайного состава», по выражению С. Ф. Платонова, из лиц от земли, находившихся по тому или другому случаю в это время в Москве.

Главнейшие условия этого договора, заключенного 17 августа между боярами и Жолкевским, заключались в следующем: Владислав венчается на царство патриархом и православным духовенством; он обязуется блюсти и чтить храмы, иконы и мощи святых и не вмешиваться в церковное управление, равно не отымать у монастырей и церквей их имений и доходов; в латинство никого не свращать и католических и иных храмов не строить; въезд жидам в государство не разрешать; старых обычаев не менять; все бояре и чиновники будут одни только русские; во всех государственных делах советоваться с

думой, боярской и земской; королю Сигизмунду тотчас же снять осаду Смоленска и вывести свои войска в Польшу; Сапегу отвести от Вора; Марине Мнишек вернуться домой и впредь «московской государыней» не именоваться. Для представления же королю челобитья о дозволении Владиславу креститься в православную веру должны были отправиться большие послы из Москвы под Смоленск.

Заключение этого договора происходило на середине дороги между Москвой и польским станом. После присяги бояр и Жолкевского, в соблюдении его условий, в этот же день, 17 августа, присягнуло на верность Владиславу 10 000 человек.

На следующий день присяга происходила в Успенском соборе в присутствии Гермогена. Сюда же прибыли из-под Смоленска и русские тушинцы во главе с Михаилом Салтыковым, князем Василием Рубцом-Мосальским и Михаилом Молчановым, которые, по благосклонному отзыву о них Сигизмунда, «почали служить преж всех» королю.

Скрывая от бояр полученное приказание короля, Жолкевский приступил к выполне-

нию своего обещания отвести Сапегу от Вора; вместе с тем гетман обещал Вору, если он покорится Сигизмунду, выхлопотать ему у сейма Самбор и Гродно для кормления.

Сапега отвечал Жолкевскому уклончиво, что сам он готов отстать от Лжедмитрия, но товарищи не хотят этого. Ввиду этого Жолкевский вместе с московским отрядом выступил против Сапеги, причем первый боярин князь Ф. И. Мстиславский, стоявший во главе временного правительства, не постыдился поступить под начальство гетмана. Завидя отряд Сапеги, наши хотели сейчас же на него ударить, но Жолкевский, не желая проливать крови своих же поляков, вызвал Сапегу для переговоров, и тот обещал ему покинуть Вора. Чтобы отогнать последнего от столицы, гетман, по согласию с боярами, провел ночью свое войско через Москву и, соединившись с русской ратью, появился перед воровским отрядом, в котором по-прежнему были и сапежинцы. На этот раз дело опять не дошло до боя, а ограничилось переговорами. Однако Вор, не надеясь больше на Сапегу, решил отступить в Калугу, где к нему присоединился и

атаман донских казаков Заруцкий. Сапега же отошел в Северскую землю, для действий будто бы против Вора, но на самом деле, с соизволения Сигизмунда, он опять завязал с «цариком» тайные сношения, чтобы отвлекать москвичей от замыслов короля.

Посольство под Смоленск

При своем движении ночью через Москву против Вора Жолкевский мог, конечно, захватить почти беззащитную столицу, но не сделал этого и тем приобрел большое доверие у бояр. После удаления Вора последовали взаимные угощения: Жолкевский задал пир боярам, а те отвечали ему тем же. Затем гетман начал торопить отправление большого посольства под Смоленск, согласно договору 17 августа, для избрания королевича, и очень ловко повел дело так, что удалил вместе с ним из Москвы самых опасных для короля людей: умного и деятельного князя В. В. Голицына, который сам имел виды на престол, и не менее умного и крепкого русского человека Филарета Никитича Романова. Жолкевский уговорил бояр поставить во главе посольства Голицына, а Филарет должен был ехать под Смоленск представителем всего православного духовенства.

В состав посольства входили, кроме того: окольный князь Мезецкий, думный дьяк Томила Луговской, Захар Ляпунов, троицкий

келарь Авраамий Палицын и другие; всего было до 1200 человек вместе со слугами. Такое большое количество членов посольства объясняется тем обстоятельством, что вместе с послами под Смоленск отправилась и большая часть того «случайного собора», из людей от земли, которые находились в Москве при выработке условий 17 августа об избрании Владислава. Посольство покинуло Москву 11 сентября. «Патриарх же митрополита (Филарета) и бояр благословляше и укрепляше, чтобы постояли за православную, за истинную христианскую веру, ни на какие б прелести бояре не прельстилися. Митрополит же Филарет даде ему обет, что умереть за православную за христианскую веру». Филарет должен был потребовать, чтобы королевич немедленно крестился у него и у смоленского архиепископа Сергия.

Удаливши из Москвы Голицына и Филарета Никитича, Жолкевский поспешил сделать то же самое и относительно инока поневоле, бывшего царя Василия Ивановича Шуйского; по настоянию гетмана последний был переведен в Иосифов Волоколамский монастырь, а

его братья – в Белую; царицу же Марию заточили в Суздальском Покровском монастыре.

Чтобы подготовить легчайший захват Москвы королем, Жолкевскому оставалось сделать еще один шаг: занять столицу и Кремль польскими отрядами, о чем его просили сами бояре, «начата мыслити, како бы пустити Литву в город, и начата вмещати в люди, что будто черные люди хотят впустить в Москву Вора... Уведа же то, патриарх Ермоген и посла по бояр и по всех людей, и нача им говорите со умилением и с великим запрещением, чтобы не пустити Литвы в город. Они же ево не послушаша и пустиша етмана с литовскими людьми в город».

Жолкевский, зная малочисленность своего отряда и хорошо помня судьбу поляков в кровавую ночь, когда был убит первый Лжедмитрий, хотел стать по слободам около столицы. «Мне кажется, гораздо лучше разместить войско по слободам около столицы, – говорил он представителям своего войска, – которая будет, таким образом, как будто в осаде». Но с ним не согласились его подчиненные, желавшие скорее добраться до царской казны и

других сокровищ, хранящихся в Москве.

«Напрасно ваша милость считает Москву такую могущественною, как была она во время Димитрия, а нас – такими слабыми, как были те, которые приехали к нему на свадьбу, – отвечал ему пан Мархоцкий. – Спросите у самих москвичей, и они вам скажут, что от прихода Рожинского до настоящего времени погибло 300 000 детей боярских... Мы теперь приехали на войну, а не на свадьбу...»

С другой стороны, бояре, боясь черни, также не переставали просить Жолкевского ввести поляков в город; на возражения же по этому поводу Гермогена обыкновенно столь бесцветный князь Ф. И. Мстиславский отвечал ему, по некоторым сведениям, с сердцем, чтобы «он смотрел за Церковью, а в мирские дела не вмешивался».

Поляки в Кремле

В ночь с 20 на 21 сентября была совершена крупнейшая из всех ошибок, содеянных седмибоярской думой: поляки были впущены в столицу и заняли Кремль, Китай и Белый город; кроме того, их отряды расположились в Можайске, Белой и Верее для поддержания сообщений с королем. Москвичи встретили вступление поляков в столицу совершенно спокойно, так как перед этим Салтыков, Шереметев, Андрей Голицын и дьяк Грамотин непрерывно разъезжали по городу и уговаривали жителей ничего не предпринимать против ляхов. Заняв Москву, Жолкевский завел тотчас же строжайшие порядки: все распри между жителями и его воинами должны были разбираться равным числом судей от поляков и русских. Когда один пьяный поляк выстрелил в надворотную икону Божией Матери, то он был приговорен к отсечению рук и сожжен. Умный гетман старался всех обворожить своей приветливостью и беспристрастием и вполне успел в этом; по его словам, даже суровый Гермоген начал с ним видаться

и отзываться о нем одобрительно. Жолкевскому удалось также привлечь на свою сторону московских стрельцов, и по его предложению бояре вручили начальство над ними пану Александру Гонсевскому, на что и сами стрельцы добровольно согласились, «ибо гетман всевозможною обходительностью, – читаем мы в «Записках» Жолкевского, – подарками и угощениями так привлек их к себе, что мужичье это готово было на всякое его мановение».

Устроив так блистательно польские дела в Москве, Жолкевский спешил ее покинуть; он отлично понимал, что отправленное посольство под Смоленск не будет иметь успеха, и знал, что весть об этом вызовет среди жителей столицы большие волнения. Чтобы избежать столь трудного для себя положения и не омрачить своей долголетней славы неудачей, он и решил как можно скорее выехать под Смоленск, надеясь, что ему, может быть, удастся своим личным присутствием повлиять на короля и уговорить его – приступить к точному выполнению договора 17 августа; советники же Сигизмунда, как об этом хорошо

знал гетман, во главе с Яном Потоцким, доказывали королю, что овладение всем Московским государством, с подчинением непосредственно ему, является делом весьма нетрудным.

Ввиду этих причин, несмотря на усиленные просьбы бояр, Жолкевский покинул Москву во второй половине октября, сдав главное начальствование над польскими войсками Гонсевскому. По дороге он захватил пленного царя Василия Ивановича Шуйского с братьями из Иосифова Волоколамского монастыря и Белой и с торжеством привез их в королевский стан. Патриарх Гермоген, по-видимому, предчувствовал своим чутким сердцем этот поступок Жолкевского, так как настаивал, чтобы Шуйские были сосланы в Соловки, но его не послушали.

Жолкевский верно оценил положение московского посольства под Смоленском.

Уже с дороги послы писали в Москву, что королевские войска разорили Ржевский и Зубцовский уезды, но не смогли овладеть Осташковым; русских же людей, приезжающих в Смоленск, заставляют присягать не

Владиславу, а королю: кто на это соглашается, тех отпускают с грамотами на вотчины и имения, а упорствующих держат под стражей. Вместе с тем послы доносили, что, вопреки договору с Жолкевским, Сигизмунд всячески старается овладеть Смоленском.

Посольство прибыло в распоряжение королевских войск 7 октября, причем король «начал с того, – говорит И. Е. Забелин, – что не давал послам кормов и поставил их в поле, в шатрах, как будто была летняя пора».

12 октября посольство било челом Сигизмунду, чтобы он отпустил Владислава на царство. На это им весьма уклончиво отвечал великий канцлер Лев Сапега, что король хочет водворить спокойствие в Московском государстве, а для переговоров назначить время.

Часть поляков, бывших под Смоленском, считала нужным исполнить договор, подписанный Жолкевским, и отпустить Владислава в Москву, говоря «что раз король обещал и гетман присягнул, то нельзя сделать клятвопреступником короля, гетмана и целое войско».

Но против этого возражали другие, во гла-

ве со Львом Сапегой; они находили, что необходимо прежде всего овладеть Смоленском, а затем покорить Московское государство и, ввиду молодости Владислава, полагали, что он не может самостоятельно управлять столь большой державою без руководителей, а подыскать таковых будет невозможно.

Съезды послов с польскими представителями начались 15 октября, и на них послы тотчас же убедились, что Сигизмунд и не думает выполнять условий, на которых целовал крест 17 августа Жолкевский.

На каждом последующем съезде речи поляков становились все резче и резче. 20 октября они заявили послам, что если бы король и согласился отступить от Смоленска, «то они, паны, и все рыцарство, на то не согласятся и скорее помрут, а вековечную свою отчину достанут». Когда же послы стали читать в ответ на это договор, заключенный с гетманом, то поляки на них закричали: «Не раз вам говорено, что нам до гетмановской записи дела нет».

По главному делу – о том, даст ли Сигизмунд королевича на царство и примет ли по-

следний православие, – послам было отвечено, что королевич будет отпущен не ранее созыва сейма, а что касается перехода в православие, то «в вере и женитьбе королевича волен Бог и он сам». Конечно, последний ответ никого не мог удовлетворить, и Филарет Никитич завел жаркий разговор по этому поводу со Львом Сапегою. Сапега отвечал ему по обыкновению уклончиво, но Филарет настойчиво требовал крещения Владислава: «А тебе, Льву Ивановичу, больше всех надо радеть, – говорил он Сапеге, – чтобы государь наш королевич Жигимонтович был в нашей православной вере греческого закона, потому что дед твой, и отец, и ты сам, и иные вашего рода многие были в нашей православной христианской вере греческого закона, и неведомо каким обычаем ты с нами теперь разрознился: так тебе по нашей вере пригоже оборать».

Конечно, Сапега не внял этим словам. Поляки же начали пугать послов известиями об успехах Вора, а также и шведов на севере Московского государства. Действительно, между воровским станом в Калуге и Москвой опять завелись «перелеты», а шведы, ввиду

выбора королевича Владислава, сына врага их короля, превратились из наших союзников в противников, и недавний друг князя М. В. Скопина-Шуйского – Яков Делагарди.

«После несчастной Клушинской битвы, – говорит Н. М. Карамзин, – отступая к финляндским границам, Делагарди действовал как неприятель: занял Ладогу, осадил Кексгольм и горстью воинов мыслил отнять царство у Владислава...».

«Видите сами, – говорили поляки послам, – сколько на ваше государство недругов смотрят, всякий хочет что-нибудь сорвать...» и настаивали на сдаче Смоленска: «Вы королевича называете своим государем, а короля, отца его, бесчестите: чего вам стоит поклониться его величеству Смоленском, которым он хочет овладеть не для себя, а для своего же сына».

Но послы твердо стояли на наказе, полученном из Москвы, и говорили: «Просим позволения отписать в Москву, к патриарху, боярам и ко всем людям, чтобы вперед делать нам по их приказу, а без того ни на что согласиться не можем», и просили при этом кор-

мов, так как сами терпели крайнюю нужду, а их лошади уже почти все пали от бескормицы. На это пань отвечали им: «Всему этому вы сами причина: если бы вы исполнили королевскую волю, то и вам и дворянам вашим было бы всего довольно», – и опять настойчиво требовали сдачи Смоленска. Послы, разумеется, не соглашались. Тогда взбешенные пань стали кричать им: «Когда так, то Смоленску пришел конец».

При этих обстоятельствах в королевский стан прибыл Жолкевский с царем Василием Ивановичем Шуйским и его братьями.

Послы очень обрадовались приезду гетмана, помня его крестное целование и обещания в Москве. Но, прибыв в Смоленск, Жолкевский сразу понял, что здесь царит совершенно другое настроение, и тоже стал уговаривать послов, чтобы они согласились на сдачу Смоленска: «Если же вы этого смольнянам не прикажете, то наши сенаторы говорят, что король за честь свою станет мстить, а мы за честь государя своего помереть готовы, и потому Смоленску будет худо...»

Затем Лев Сапега и Жолкевский снова при-

ступили с настойчивыми требованиями к послам, чтобы они приказали Шеину сдать Смоленск. В свою очередь и послы опасались за участь города, где свирепствовали болезни, и просили гетмана уговорить короля снять осаду.

Филарета не было по болезни при этих переговорах. Когда послы вернулись со съезда в свои шатры и сообщили ему об угрозах поляков немедленно же идти на приступ города, если в него не впустят польский отряд, то доблестный Филарет Никитич отвечал: «Того никакими мерами учинить нельзя, чтобы в Смоленск королевских людей впустить; если раз и немногие королевские люди в Смоленске будут, то нам Смоленска не видать; а если король и возьмет Смоленск приступом мимо крестного целования, то положиться на судьбу Божию, только бы нам своею слабостью не отдать города».

Затем были спрошены все посольские люди: «Если Смоленск возьмут приступом, то они, послы от патриарха, бояр и всех людей Московского государства, не будут ли в проклятии и ненависти?» Посольские люди отве-

чали: «Хотя бы в Смоленске были наши матери, жены и дети, то пусть бы погибли. Да и сами смольняне думают то же, и скорее все помрут, но не сдадутся».

Послы объявили это решение полякам и, вместе с тем, со слезами просили их не брать города. Но поляки отвечали им отказом и 21 ноября повели приступ: они зажгли порох в выкопанном ими подкопе, взорвали каменную башню и часть городской стены и затем три раза врывались в город, но все три раза были повсеместно отбиты мужественным Шеиным и защитниками города.

2 декабря Лев Сапега объявил послам, что Смоленск не взят, только снисходя на просьбы гетмана и их, и добавил: «Государь вас жалует, позволил вам писать в Москву, только пишите правду, лишнего не прибавляйте».

Вследствие этого 6 декабря они послали в Москву подробную грамоту о всем происшедшем и просили решения всей земли, как быть с непомерными требованиями короля; в ожидании же ответа, несмотря на декабрьские морозы, продолжали жить в своих шатрах.

Между тем, видя, что главные послы – Фи-

ларет Никитич, князь Василий Васильевич Голицын и думный дьяк Томила Луговской – непоколебимо стоят на полученном ими наказе, Сигизмунд стал принимать ряд мер, чтобы добыть себе Московское государство иным путем, помимо больших послов.

Мы видели, что переговоры с послами начались 15 октября, а уже на другой день Сигизмунд пожаловал первого боярина Семибоярщины Ф. И. Мстиславского «первенствующим чином государева конюшего, за верные и добрые службы к королю и королевичу», – говорит И. Е. Забелин.

Князь Юрий Трубецкой был пожалован Сигизмундом боярином. Король и Лев Сапега старались всячески склонить на свою сторону возможно больше лиц из членов посольства, награждая их жалованными грамотами на поместья и щедрыми обещаниями. К стыду русских людей, весьма многие прельстились этим, причем одним из первых следует назвать знаменитого келаря Троице-Сергиевой Лавры Авраамия Палицына, отличавшегося особым искательством перед Сигизмундом. Затем изменили члены посольства –

дьяк Сыдавный-Васильев и думный дворянин Василий Сукин, которые сами вызвались привести Москву к присяге прямо королю и сообщали ему заранее все, что собирались говорить послы на съездах с поляками. Захар Ляпунов тоже завел дружбу с рыцарством, осаждавшим город, и с пренебрежением отзывался о больших послых. Всех купленных королем посольских людей было более сорока человек. Он соблазнял их уехать из-под Смоленска домой, с целью раздробить присланное посольство и лишить его всякого значения, а потом подготовить в Москве из удобных себе людей «новый собор от всея земли», который избрал бы уже его самого на царство.

Сильно старались Сигизмунд и Сапега склонить к измене и доблестного дьяка Томилу Луговского, но это им не удалось. Когда 8 декабря Сукин, Сыдавный и другие собирались уже совсем ехать в Москву, то Сапега позвал к себе Луговского и, указывая ему на отъезжающих, одетых в богатые платья, объявил, что они едут в Москву по домам, «так как Сукин стар, а прочие, живучи здесь, про-

елись».

Сапега отвечал на это, что оставшиеся и одни посольское дело править могут... «И от приезда их в Москву, кроме добра, никакого худа быть не может... А вось, на них глядя, и из вас кто захочет также послужить верою и правдою. Государь и их также пожалует великим своим жалованием, поместьями и вотчинами...» «Надобно, – отвечал Луговской, – Лев Иванович, просить у Бога и у короля, чтобы кровь христианская литься перестала, чтобы государство успокоилось... А присланы мы к королевскому величеству не о себе бить челом и промышлять, но обо всем Московском государстве».

Сапега долго уговаривал Томилу послужить королю «прямым сердцем» и, наконец, обещал от имени Сигизмунда, что он наградит его всем, «чего только пожелаешь». Услышав это, Луговской вежливо поблагодарил его за королевскую ласку, а Сапега, думая, что тот уже склонился на польскую сторону, стал тотчас же предлагать ему отправиться вместе с Сукиным в Смоленск, чтобы уговорить Шейна и смольнян поцеловать крест королю и

впустить в город польские войска. Но Луговской отвечал с негодованием: «Никакими мерами этого мне сделать нельзя. Без совета плов не только что того сделать, и помыслить о том нельзя, Лев Иванович! Как мне такое дело сделать, которым на себя во веки проклятие навести. Не токмо Господь Бог и люди Московского государства мне не потерпят, и земля меня не понесет! Я прислан от Московского государства в челобитчиках, а мне первому же соблазн в люди положить. Нет, по Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринуть себя в море, нежели соблазн такой учинить. Да и королевскому делу, Лев Иванович, в том прибыли не будет. Я знаю подлинно, что под Смоленск и лучше меня подъезжали и королевскую милость сказывали, а они и тех не послушали. А если мы поедем и объявимся ложью, то они вперед и крепчае того будут и никого уже не станут слушать».

«Ты только съезди и себя им покажи, а говорить с ними будет Василий Сукин. Он ждет тебя и давно готов», – настаивал Сапега.

«Без митрополита и без князя мне ехать

нельзя, – повторял ему Луговской. – Да и Василию ехать непригоже, и от Бога ему не пройдет. Коли хочет, пусть едет, в том его воля».

Узнав от Томилы его разговор с Сапегой, большие послы стали всеми силами противиться коварному умыслу Сигизмунда раздробить их посольство, так как ясно поняли, что дело сведется к его упразднению.

«На другой день после разговора Сапеги с Луговским прямые послы, – говорит И. Е. Забелин, – призвали своих кривых товарищей-изменников и говорили им, чтобы они помнили Бога и души свои, да и то, как они отпущены из соборного храма Пречистой Богородицы от чудотворного Ея образа... и не метали бы государского земского дела, к Москве бы не ездили; промышляли бы о спасении родной земли, ибо обстоятельства безвыходны: сами видят, как государство разоряется, кровь льется беспрестанно, и не ведомо, как уймется; что, видя все это, как им ехать в Москву, покинуть такое великое дело. «А у нас, – прибавляли послы, – не то что кончается, а дело (уговор с королем) еще и не начиналось». – «Послал нас король с грамотами, как

нам не ехать», – ответили кривые, вовсе не помышляя о том, что король еще не был их государем и не мог, по правам посольства, распоряжаться чужими послами. Затем кривые, награжденные великим жалованием короля, уехали из-под Смоленска».

Таким образом, в начале декабря последовало распадение Великого посольства в королевском стане; оставшиеся в нем «прямые» послы продолжали терпеть холод и голод и были скорее на положении нищих, чем послов; тем не менее они непоколебимо оставались на страже православия и русской народности и, несмотря на бдительный надзор, умели сноситься с Шеиным и поддерживали в нем решимость продолжать защиту города до последних сил.

Одновременно с этим распалось и боярское правительство в Москве. «Оно было заменено, – говорит С. Ф. Платонов, – совершенно новым правительственным кружком», действовавшим уже всецело в угоду Сигизмунда.

Мы видели, что еще в бытность Жолкевского в Москве в столицу стали прибывать из

королевского стана под Смоленском бывшие тушинские бояре – «те враги богаотметники Михайло Салтыков да князь Василей Мосальский с товарищи». Вслед затем приехал в Москву также верный слуга короля – торговый мужик, кожевник Федор Андронов. Сигизмунд, разумеется, всячески покровительствовал этим изменникам, прямо державшим его сторону, и приказывал Боярской думе устраивать все их частные дела.

Со своей стороны, и бояре также были в высшей степени угодливы по отношению к королю. Как мы видели, Мстиславский был пожалован им в конюшие «за дружбу и радение», а Ф. И. Шереметев не стыдился писать унижительные письма к Льву Сапеге, чтобы он бил челом королю и королевичу об его вотчинных деревнишках. Били челом королю о пожаловании их землею и прочими милостями и множество других людей: бывший дьяк Василий Щелкалов, Афанасий Власьев, старица-инокиня Марфа Нагая и др. Таким путем часть московских правящих людей постепенно стала признавать короля властителем государства, в ожидании, пока прибудет коро-

левич, что, как мы видели, вполне совпадало с намерениями Сигизмунда, не замедлившего необыкновенно щедро раздавать прямо от своего имени жалованные грамоты всем обращавшимся к нему за милостями. Более всего был награжден его ревностный слуга Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном; им были пожалованы богатейшие волости: Чаранда, Тотьма, Красное, Решма и Вага, бывшие прежде в обладании семей Годуновых и Шуйских, когда те находились у власти.

Другим ревностным слугой короля был торговый мужик Федор Андронов.

Скоро Андронов с «боярином» Гонсевским стали распоряжаться царской казной как своей собственной. Лучшие вещи отправлялись королю под Смоленск, но хорошо нагрел себе руки около этой казны и Гонсевский.

Сам Андронов сел, как мы видели, рядом с именитыми боярами в их думе, с важным званием казначея. Все же остальные «верные слуги» Сигизмунда, из бывших тушинцев, были распределены по московским приказам распоряжением короля от 10 января 1611 года: Михайло Молчанов – на Панский; князь

Ю. Хворостинин – на Пушкарский; дьяк И. Грамотин – на Посольский, получив звание великого печатника, Иван Салтыков – в Казанском дворце и т. д.

Еще ранее этого, в середине октября 1610 года, какой-то поп, не то Харитон, не то Никон, показал на пытке Гонсевскому, что бояре сносятся с Вором и хотят сообща с ним изгнать поляков из Москвы. Дело это представляется очень темным и притом маловероятным, ввиду боязни бояр влияния Вора на чернь и их угодливости по отношению Сигизмунда, но Гонсевский поспешил воспользоваться этим оговором и с той поры перестал стесняться с боярами; он ввел в Кремль несколько сот немецких наемников, расставил пушки по стенам и окончательно взял управление городом в свои руки.

Особенно оскорбляло бояр, что выше их в думе сидит торговый мужик Федор Андронов. Но не был доволен высоким положением Федора Андропова и другой изменник – Михайло Салтыков; между обоими немедленно возникла жестокая вражда, и оба наперерыв старались писать друг на друга доносы Сапеге

для доклада королю.

Так, к началу 1611 года, после распада Великого посольства под Смоленском, распалось и боярское правительство в Москве и заменилось властью польского воеводы Гонсевского и кружком русских изменников, исключительно преследовавших свои личные цели и уже продавших Родину Сигизмунду за полученные от него и обещанные в будущем выгоды.

По мнению С. Ф. Платонова, королю оставалось сделать всего один шаг, чтобы объявить себя, вместо сына, московским царем: надо было образовать в Москве покорный себе «совет всея земли», который его бы и избрал на царство.

К счастью, однако, до этого дело не дошло. Жители Москвы становились все более и более недовольными поляками, которые начали держать себя вызывающе и нагло, хотя и соблюдали величайшую осторожность, причем для предупреждения возможности восстания Гонсевский вывел 18 000 стрельцов из Москвы под предлогом направления их против шведов.

Во многих городах тоже не хотели целовать крест Владиславу, так как польские и литовские люди везде грабили, жгли и бесчинствовали. Новгородцы отказались принять сына Михаила Салтыкова, Ивана, прибывшего к ним с войском для защиты их от шведов, у которых он отнял вскоре Ладогу, и только после полученного увещания из Москвы от бояр впустили его к себе с одними русскими людьми. Вятка и Казань прямо присягнули Вору, причем в Казани был убит сидевший там воеводой знаменитый Богдан Бельский. Наконец, другие города тоже стали сноситься между собой о присяге Вору.

Смерть Вора

А между тем, 11 декабря 1610 года случилось происшествие, имевшее большое значение для дальнейшего хода событий в Московском государстве. Калужский «царик» неожиданно окончил свою жизнь. Незадолго до этого Вор приказал умертвить бывшего у него касимовского хана Урмамета, за что крещеный татарин Петр Урусов решил ему отомстить. Урусов пригласил 11 декабря «царика» поохотиться за зайцами и там со своими товарищами убил его, после чего бежал в Крым.

Неизменный друг Вора, шут Кошелев, приискал с этим известием в Калугу. Марина в отчаянии стала призывать всех к мести, но убийцы были уже далеко. Через несколько же дней Марина родила сына, получившего известность под печальным наименованием Ворёнка: «А Сендомирского дочь, – говорит летописец, – Маринка, которая была у Вора, родила сына Ивашка. Колужские ж люди все тому обрадовались, и называху его царевичем и крестиша его честно». Однако радость

калужан была непродолжительна. Скоро к ним прибыл из Москвы князь Юрий Трубецкой с отрядом и заставил их целовать крест Владиславу, чему они нехотя подчинились. Марина же с сыном была заключена в тюрьму.

После смерти Вора «лучшие люди, которые согласились признать царем Владислава, – говорит С. Соловьев, – из страха покориться казацкому царю, теперь освобождались от этого страха и могли действовать свободнее против поляков. Как только на Москве узнали, что Вор убит, то, по словам современного известия, русские люди обрадовались и стали друг с другом говорить, как бы всей земле, всем людям соединиться и стать против литовских людей, чтобы они из земли Московской вышли все до одного, на чем крест целовали».

Патриарх Гермоген, извещенный тайной грамотой от Филарета и Голицына об истинных замыслах Сигизмунда, также начал во второй половине декабря 1610 года открыто призывать к изгнанию ляхов из пределов Московского государства, «повелевати на кровь дерзнути», и стал рассылать по городам

грамоты, в которых объявлял об измене короля, разрешал всех от присяги королевичу и призывал, чтобы «собрався все в сбор со всеми города, шли к Москве на литовских людей».

Из земских людей первым откликнулся на призыв патриарха пылкий Прокофий Ляпунов, верно служивший Владиславу до смерти Вора; уже в самом начале января 1611 года он поднял своих рязанцев. Жители Нижнего Новгорода и Ярославля встали также тотчас же по призыву «второго Златоуста», святителя Гермогена, против поляков; нижегородские ходоки, «бесстрашные люди» – боярский сын Роман (Ратман) Пахомов и посадский человек Родион Мосеев поддерживали сношения своего городского мира с Гермогеном и успешно проникали к нему, несмотря на то, что московские изменники, во главе с Михаилом Салтыковым и Федором Андроновым, всячески теснили святителя; изменники эти не замедлили послать Сигизмунду донос о действиях Прокофия Ляпунова и патриарха и, чтобы лишить Гермогена возможности сношения с городами, употребили против него

насилие, разграбили его двор и отобрали всех дьяков, подьячих и дворовых людей. Сам же Гермоген пребывал все время под неослабным надзором в Кремле «аки птица в заклёпе».

Но великий старец продолжал неуклонно свое святое служение Родине и мощным словом призывал всех немедля ополчаться на ляхов. Слух о чинимых ему насилиях быстро разнесся по земле и послужил к еще большему одушевлению всех крепких русских людей – встать против врагов веры и Отечества.

Прокофий Ляпунов. Пересылки городов между собой

Города опять начали деятельно пересылать-ся между собой, и чтение их отписок поразительно напоминает послания друг к другу христианских общин первых веков.

Московские люди горячо откликнулись на призыв смольнян: они стали пересылать их грамоту в другие города и сами писали, прося прийти на выручку столице от поляков.

В том же феврале 1611 года нижегородцы писали вологжанам: «В нынешнем 119 году писали мы к вам наперед сего многажды и гонцов от себя послали, чтоб вам прислати к нам, для договору и о добром совете, людей добрых изо всех чинов, сколко человек пригоже; а самим бы вам, собрався с ратными людьми и с нами с окольными города, со-слався, стати за православную крестьянскую веру и за Московское государство, на польских и на литовских людей, заодин, чтобы польские и литовские люди Московского го-

сударства не овладели и наши общие православные крестьянския веры в латынство не превратили... И вам бы, господа, помятуя Бога и Пречистую Богородицу и Московских Чудотворцов Петра, Алексия, Иону, собрався с ратными людми и сослався с окольными городами и с нами, идти к царствующему граду Москве... И вам бы, господа, однолично поспешити походом, чтоб нам Московскому государству вскоре помочь учинити. А с Рязани думный дворянин Прокофий Ляпунов, а с Калуги бояре, по ссылке с сиверскими и с украинскими городами, ко царствующему граду Москве на польских и на литовских людей пошли».

Через несколько дней нижегородцы вновь писали вологжанам: «Писали мы к вам прежде сего, чтобы вам на Вологде и в уезде собрати всяких ратных людей, конных и с лыжми, и велети им со всею службою готовым быти в поход к Москве; а Генваря в 27 день писали к нам с Рязани, воевода Прокопей Ляпунов и дворяне и дети боярские и всякие люди Рязанския области, что они, по благословению святейшего Ермогена, Патриарха Московского и всея Руси, собрався со всеми сиверскими

и украинными городами, и с Тулою, и с калужскими со всеми людьми, идут на польских и на литовских людей к Москве... Да того ж дни прислал к нам святейший Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, две грамоты: одну ото всяких московских людей, а другую, что писали из-под Смоленска московские люди к Москве, а мы те грамоты, подклея под сю грамоту, послали к вам на Вологду; да приказывал к нам святейший Ермоген Патриарх, чтобы нам, собрався с окольными и с поволжскими городами, однолично идти на польских и на литовских людей, к Москве, вскоре. И мы, по благословенью и по приказу святейшего Ермогена, Патриарха Московского и всея Руси, собрався со всеми людьми от Нижнего и с окольными людьми, идем к Москве... И вам бы, господа, однолично иожаловати, на Вологде и во всем уезде собрався со всякими ратными людьми, на конех и с лыжами, итти со всею службой к нам в сход тотчас, немотчав, как из Нижнего к вам отпишем, где вам придти в сход: и однолично бы к Москве подвиг учинить вскоре, не иного чего ради, но избавы крестьянския, чтоб то перво Москов-

скому государству помочь на польских и на литовских людей учинити вскоре, докаместа Московского государства и окрестных городов Литва не овладели и крестьянския веры ничем не порушили, и докаместа многие люди не прельстилися и крестьянские веры не отступили, чтобы всем нам то перво за православную крестьянскую веру и за свои души стати заодин...»

В том же феврале 1611 года из Ярославля «архимарит, и игумены, и протопоп, и попы, и весь Освященный Собор, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и головы и сотники стрелецкие и казачьи, и стрельцы, и казаки, и всякие служилые люди, и посадские старосты и целовальники, и все посадские и всякие жилецкие люди» били челом вологжанам о немедленной присылке ратных людей на помощь Москве и сообщали о твердости патриарха Гермогена.

В марте 1611 года настоятель Соловецкого монастыря послал шведскому королю Карлу IX лист следующего содержания:

«Божиею великою милостию великия Россия великий святитель, святейший Гермоген,

Патриарх Московский и всея Руси, и благоверные и великие князи Владимирские, и Московские, и Новгородские, и Казанские, и Псковские, и всего Московского государства, и Царского Величества и богомолья Соловецкого монастыря и Сумского острогу богомолец игумен Антоней с братьею, тебе, великому Каролусу Девятому, Свейскому, Готскому, Вендейскому, Финскому, Лопьскому, в северной стране Каянскому, Естенскому и Влифлянскому королю. Буди тебе ведомо: которые литовские люди на Москве великому святителю святейшему Патриарху, и боярам, и князьям, и дворянам, и детям боярским, и гостям, и всем людям всего Московского государства, крест целовали, и в том они изменили и во всем солгали; а который назывался в Московском государстве ложным царевичем Дмитрием Ивановичем, воровски, и того ныне убили и в животе его нет; и писал с Москвы великий святитель святейший Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси, в Великий Новгород, и во Псков, и в Казань, и в Нижний Новгород, и на Вологду, и в Ярославль, и в Северские города, и на Рязань, и во все города

Московского государства, и велел съезжаться к Москве ратным воинским людям и стояти и промышлять единомышленно на литовских людей: и Божию милостию в Московском государстве у святейшего Патриарха и у бояр и изо всех городов всего Московского государства ссылаются, и на совет к Москве сходятся, и советуют, и стоят единомышленно на литовских людей; а хотят избирати на Московское государство царя и великого князя из своих прирожденных бояр, кого всеильный Вседержитель Бог изволит и Пречистая Богородица, а иных земель иноверцев никого не хотят. А у нас, в Соловецком монастыре и в Сумском остроге и во всей Поморской области, тот же совет единомышленно: не хотим никого иноверцев на Московское государство царем и великим князем, опроче своих прирожденных бояр Московского государства. Писан в Сумском остроге, лета 7119, марта в 12 день».

Так откликнулась земля в лице ее лучших представителей – духовенства, дворян, воевод, служилого и тяглового люда – на призыв своего отца, святейшего патриарха Гермогена, встать на защиту православия и Родины.

Неудача первого Земского ополчения

Весной 1611 года многочисленные земские ополчения под начальством дворян, воевод и иных служилых людей двигались уже на выручку царствующего града Москвы: Прокофий Ляпунов вел ратников из Рязанской и Северской земель; князь В. Ф. Мосальский – из Мурома; князь А. А. Репнин – из Нижнего Новгорода; князь Ф. И. Болконский – из Костромы; П. И. Мансуров – из Галича; А. Измаилов – из Суздаля и Владимира и т. д. Все эти рати состояли из людей, служивших прежде в войсках В. И. Шуйского или входивших в мужицкие отряды, которые собирались на севере и с волжских мест под знамена покойного князя М. В. Скопина. Но, кроме этих земских ратей, к Москве же шли на ее выручку против поляков и другие сильные отряды.

Прокофий Ляпунов, подняв своих рязанцев в январе 1611 года, тотчас же вошел в сношение о совместных действиях против поляков с главным предводителем войск убитого в Ка-

луге Вора, князем Димитрием Тимофеевичем Трубецким, а также и с предводителями отдельных казачьих отрядов, в том числе с атаманом Андреем Просовецким, занимавшим Суздаль, и с Иваном Мартыновичем Заруцким, сблизившимся одно время с поляками, но затем отставшим от них и стоявшим в это время в Туле.

Таким образом, Ляпунову, по словам С. Ф. Платонова, «удалось столкнуться с Калугой и Тулой... Прежние враги превращались в друзей. Тушинцы становились под одно знамя со своими противниками на «земской службе».

Ляпунов, конечно, хорошо помнил свои совместные действия с Болотниковым и отлично знал, что такое эти воровские войска и казачьи отряды; знал он также и их великую ненависть ко всем земским людям, владеющим имуществом или добывающим себе пропитание мирным путем. «Но, – замечает С. Ф. Платонов, – мир и союз с «воровской ратью» был необходим Ляпунову прежде всего по соображениям чисто военным. Надобно было перетянуть от короля на свою сторону ту силу, которая, по смерти Вора, лишилась воз-

возможности действовать самостоятельно, но не могла и оставаться нейтральной (безучастной) зрительницей начавшейся борьбы за Москву».

При этом Ляпунов рассчитывал, конечно, на подъем религиозного чувства православных людей, входивших в воровские и казачьи отряды, и полагал вознаградить их освобождением от крепостной зависимости и жалованьем. «А которые боярские люди и крепостные и старинные, – писал он в Понизовье, – и те б шли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам...»

Главный воровской воевода, спесивый и корыстный князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой, очевидно, примкнул к Ляпунову потому, что, по смерти Вора, это являлось для него самым выгодным; своего же двоюродного брата – князя Юрия Трубецкого, пожалованного в бояре Сигизмундом и прибывшего, как мы помним, в Калугу приводить калужан к присяге королевичу, он заставил убежать «к Москве убегом». Заруцкий, как говорят, примкнул к Ляпунову потому, что последний обе-

щал ему, после очищения государства от поляков, провозгласить царем Ворёнка, сына Марины, успевшей уже перейти в это время к Заруцкому.

Видя, что воровские и казачьи отряды примыкают к движению, поднятому Гермогеном, и чуя, что оно может иметь успех, знаменитый Ян Сапега, как его называет Валишевский, – «один из самых блестящих польских аристократов того времени, воспитанник итальянских школ и ученик лучших полководцев своей страны», осаждавший с такой яростью и великим кровопролитием обитель Живоначальной Троицы, тоже решился выступить на защиту православия против поляков и отправил к калужскому воеводе, князю Трубецкому, челобитную.

Пылкий Ляпунов готов был заключить союз и с Сапегой; однако союз этот не состоялся; через месяц Сапега уже уговаривал жителей Костромы признать Владислава царем и писал им: «Теперь вы государю изменили, и неведомо для чего, и хотите на Московское государство неведомо кого. Знаете вы сами польских и литовских людей мочь и силу: ко-

му с ними биться?»

Поляки и русские изменники в Москве противодействовали, разумеется, как могли, сбору ополчения от земли и хотели как можно скорее овладеть Смоленском.

«Литовские ж люди и московские изменники, Михайло Салтыков с товарищи, – говорит летописец, – видя московское собрание за православную христианскую веру, начата говорить боярам, чтоб писати к королю и послати за руками бити челом королю, чтоб дал сына своего на государство, «а мы на твою волю покладываемся», а к митрополиту Филарету писати и к боярам, чтоб били челом королю, чтоб дал сына своего на Московское государство, а им во всем покладываться на его королевскую волю; как ему годно, так и делати, а все на то приводя, чтобы крест целовати королю самому; а к Прокофью послати, чтобы он к Москве не сбирался».

Слабодушные бояре подписали эти грамоты «и поидоша к патриарху Ермогену и возвестиша ему все, чтоб ему к той грамоте рука приложити и властям всем руки свои приложите, а к Прокофью о том послати. Он же, ве-

ликий государь, поборатель православной христианской веры, стояще в твердости, аки столп непоколебимый, и, отвецав, рече им: «Стану писати к королю грамоты на том и руку свою приложу и властям всем повелю руки свои приложить и вас благословляю писати; буде король даст сына своего на Московское государство и крестит в православную христианскую веру и литовских людей из Москвы выведет, и вас Бог благословляет такие грамоты писати и к королю послати; а буде такие грамоты писати, что во всем нам положиться на королевскую волю и послам о том королю бити челом и класться на его волю, и то ведомое стало дело, что нам целовати крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не токмо что мне рука приложить, и вам не благословляю писати, но проклинаю, кто такие грамоты учнет писати; а к Прокофью Ляпунову стану писати: буде королевич на Московское государство и креститься в православную христианскую веру, благословляю ево служить, а будет королевич не крестится в православную христианскую веру и Литвы из Московского государства не вы-

ведет, и я их благословляю и разрешаю, кои крест целовали, королевичу, идти под Московское государство и померети всем за православную христианскую веру».

Взбешенный этим отказом, «той же изменник, злодей Михайло Салтыков, нача его, праведного, позорити и лаяти, и выняв на него нож, и хотяше его резати...» Но святитель не устранился занесенного над ним ножа. Он осенил злодея крестным знамением и громко сказал ему: «Сие крестное знаменье против твоего окаянного ножа; да буди ты проклят в сем веце и в будущем». Затем, обратившись к стоявшему тут же первому боярину князю Мстиславскому, Гермоген сказал ему тихо: «Твое есть начало (ты самый старший), тебе за то добро пострадати, за православную христианскую веру; аще и прельстишися на такую дьявольскую прелесть и преселит Бог корень твой от земля живых (прекратится род твой), да и сам какую смертью умрещи...»

Бояре не послушали патриарха Гермогена и отправили без его подписи свои грамоты к королю и к послам под Смоленск, причем князя Иван Михайлович Воротынский и Ан-

дрей Васильевич Голицын были вынуждены силою приложить к ним свои руки: «Они ж в те поры быша за приставы в тесноте велице».

23 декабря 1610 года «приидоша ж те грамоты под Смоленск к королю и к митрополиту Филарету. Митрополит же и послы, видя такие грамоты, начата скорбити и друг друга начаша укрепляти, что пострадати за православную христианскую веру. Король же повеле послом быти на съезд и нача им говорить и грамоте те чести, что пишут все бояре за руками, что положились во всем на королевскую волю, да им велено королю бити челом и класти все на его волю».

27 декабря послов опять позвали на съезд, и опять все настояния поляков, чтобы они признали боярскую грамоту, присланную из Москвы, разбились о их несокрушимую твердость. «Отпускали нас к великим государям бить челом, – отвечал полякам князь В. В. Голицын, – патриарх, бояре и все люди Московского государства, а не одни бояре: от одних бояр я, князь Василий, и не поехал бы, а теперь они такое великое дело пишут к нам одни, мимо патриарха, Освященного Собора и

не по совету всех людей Московского государства...»

Так же неуклонно твердо отказывали послы полякам и в их требованиях относительно Смоленска на съезде, состоявшемся на следующий день, 28 декабря.

23 января под Смоленск приехал из Москвы Иван Никитич Салтыков и привез новые грамоты от бояр послам и жителям Смоленска, подтверждавшие прежде высланные «чтобы во всем положиться на волю короля». В ответ на это мужественные смольняне приказали передать Салтыкову, что если к ним еще раз пришлют с такими воровскими грамотами, то посланный будет застрелен.

Между тем, хорошо зная бедственное положение защитников Смоленска и опасаясь возможности взятия его поляками, к которым уже давно подошло на усиление 30 000 запорожских казаков, князь Василий Васильевич Голицын объявил панам, что послы согласны впустить в Смоленск 50 или 60 поляков, но с тем, чтобы король не требовал от жителей присяги на свое имя и немедленно же снял осаду. «Этим вы только бесчестите короля:

стоит он под Смоленском полтора года, а тут как на смех впустить 50 человек», – отвечали рассерженные предложением Голицына паны. Тогда послы набавили еще 50 человек и объявили, что больше 100 человек впустить в Смоленск они ни под каким видом не согласятся.

30 января состоялся опять съезд послов с панами, на котором присутствовал и Иван Салтыков, сообщивший им новую грамоту, привезенную из Москвы. Послы отвечали по-прежнему, что без подписи патриарха грамота не имеет для них значения, и опять предложили впустить 100 поляков в Смоленск, с тем чтобы немедленно была снята осада и чтобы от граждан не требовалась присяга королю, как это прежде обещал сам Сигизмунд.

«Это клевета, клевета», – отвечали паны и стали уверять, что Сигизмунд никогда не давал таких обещаний.

«Если вы увидали в нас такую неправду, – сказал им на это Филарет, – то королю бы пожаловать, отпустить нас в Москву, а на наше место выбрать других; мы никогда и ни в чем не лгали, что говорим и что от вас слышим,

все помним. Посольское дело – что скажется, того не переговаривать, и бывает слово посольское крепко; а если от своего слова отпираться, то чему вперед верить?..»

«Вы, послы, – закричал в ответ Филарету Иван Салтыков, – должны верить панам их милости, они не солгут; огорчать вам панов радных и приводить на гнев великого государя короля непригоже; вы должны беспрекословно исполнять волю королевскую по боярскому указу, а на патриарха смотреть нечего: он ведает не государственные, а свои поповские дела; его величеству, стояв под таким лукошком два года и не взяв его, прочь отойти, стыдно; вы – послы, сами должны бы вступить за честь королевскую и велеть смольнянам целовать крест королю».

Послы попросили панов приказать замолчать Салтыкову, а затем Филарет на поставленный вопрос – будет ли исполнена боярская грамота, отвечал: «Сами вы знаете, что нам, духовному чину, отец и начальник – святейший патриарх, и кого он свяжет словом, того не только царь, сам Бог не разрешит: и мне без патриаршей грамоты о крестном

целовании на королевское имя никакими мерами не делывать...» Выведенные из себя такой твердостью Филарета, паны закричали послам: «Ну так ехать вам к королевичу в Вильну тотчас же!»

Через два дня послов опять позвали к панам. Они были по-прежнему непоколебимы, и поляки вновь пригрозили им немедленным отправлением в Вильну.

7 февраля был еще съезд. На нем поляки объявили, что король жалует смольнян, позволяет присягнуть одному королевичу и обещает снять осаду, но требует ввода в город 700 человек. Послы, однако, согласились только на впуск 200 человек.

На следующий день поляки заявили им, что согласны на это число людей и просят послов сообщить об этом жителям города.

Но смольняне не хотели впустить к себе и двухсот человек; только после долгих убеждений они согласились, но с тем, чтобы король снял осаду и отвел свои войска за границу перед впуском помянутых двухсот человек.

Между тем король и не думал, разумеется,

об исполнении своего обещания и составил новое условие, по которому стража у городских ворот должна была быть наполовину русская и наполовину польская, а одни ключи от них быть в руках Шеина, а другие – у польского начальника. Затем он обещал снять осаду только после того, когда ключи и ворота будут переданы на этих условиях полякам и когда смоляныне принесут ему повинную и исполнят все его требования, причем они же должны были заплатить и за все убытки, которые понес король вследствие их упорного сопротивления.

Ясно было, что на эти условия не могли согласиться ни послы, ни смоляныне.

26 марта послы опять потребовали для переговоров; стояла оттепель, и лед на Днепре был слаб; поэтому, чтобы добраться до Польского стана, расположенного на другом берегу Днепра, им пришлось идти пешком через реку. Поляки объявили послам, что они будут немедленно отправлены в Вильну, и запретили им вернуться в свои шатры, чтобы взять необходимые для дороги вещи. Затем их взяли под стражу и отвели по избам: Филарета

Никитича посадили особо, а князей Голицына и Мезецкого и Томилу Луговского вместе. Так встретили они наступивший Светлый праздник.

Тем временем ополчения от земли двигались на выручку Московского государства.

«Литовские ж люди на Москве, видя то, что собрание московским людей, и послаша черкас (запорожских казаков) и повеле воевати Рязанские места». С черкасами соединился и «московский изменник Исак Сунбулов», после чего они приступили к осаде Пронска, где сидел Прокофий Ляпунов. Узнав про это, к нему поспешил на выручку доблестный зарайский воевода князь Димитрий Михайлович Пожарский. Тогда черкасы бросили осаду Пронска, и Ляпунов отправился в Рязань; Пожарский же вернулся в свой Зарайск.

Вскоре за тем в Москве последовало событие, отмеченное в летописи выражением – «Одати за пристава Патриарха». Получая известия о приближении к столице со всех сторон ополчений, сидевшие в ней поляки потребовали от бояр, чтобы патриарх приказал вернуться этим ополчениям назад. Послушные

бояре отправились к Гермогену, и Михайло Салтыков стал говорить ему: «Что-де ты писал еси к ним, чтобы они шли под Москву, а ныне ты ж к ним пиши, чтобы они воротились впятый».

На это Гермоген отвечал: «...Буде (если) ты, изменник Михайло Салтыков, с литовскими людьми из Москвы выдешь вон, и я им не велю ходити к Москве; а буде вам сидеть в Москве, и я их всех благословляю помереть за православную веру, что уж вижу поругание православной вере и разорение святым Божиим церквам и слышати латинского пения не могу». «...В то бо время бысть у них костел, – поясняет летописец, – на старом царя Борисове дворе (где жил Гонсевский), в палате. Слышаху ж они такие словеса, позоряху и лаяху его и приставиша к нему приставов и не велеша к нему никого пущати».

Между тем отношения жителей Москвы с поляками были уже сильно обострены; после отъезда строгого Жолкевского поляки перестали стесняться в своем поведении и начали, как и при первом Лжедмитрии, чинить великие обиды обывателям.

Открытые призывы Гермогена к восстанию против литовских людей и вести о сборе и приближении ополчений из городов возбуждали, разумеется, еще более москвичей против своих утеснителей. Со своей стороны, поляки принимали все меры предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

17 марта, в Вербное воскресенье, Гонсевский освободил Гермогена для совершения обычного шествия на осляти, что привлекало всегда великое множество народу. На этот раз, однако «не пойте никто за вербою»: опасались, что польские войска, стоявшие весь день на площадях в полной готовности, собраны для того, чтобы ударить на толпу и начать ее избивать.

Ко вторнику, 19 марта, в Москве тайно собралось уже довольно много ратных людей от Ляпунова и несколько военачальников: князь Димитрий Михайлович Пожарский, Иван Матвеевич Бутурлин, Иван Колтовский.

Когда настал день, поляки начали втаскивать пушки на кремлевские стены и башни и требовали от извозчиков, чтоб те им помогали, но извозчики отказались. Начались спо-

ры, брань и крики. Заслышав шум, восьмитысячный отряд немецких наемников, изменивший нам в битве под Клушином и перешедший на службу к полякам, вышел из Кремля и неожиданно стал бить безоружный народ. За немцами бросились на русских и поляки, и скоро в Китай-городе было иссечено до 7000 человек. В Белом же городе жители успели ударить в набат и вооружиться: они перегородили улицы бревнами, столами, скамейками и стреляли из этих укреплений и из окон в поляков и немцев. Ратные люди, присланные Ляпуновым в столицу, также доблестно делали свое дело: князь Д. М. Пожарский побил поляков на Сретенке и вогнал их в Китай-город, после чего поставил себе острожок на Лубянке; И. М. Бутурлин утвердился в Яузских воротах, а Иван Колтовский – в Замоскворечье.

Благодаря ветру огонь быстро распространился по Белому городу.

Кремль и Китай-город, бывшие в руках поляков, остались целы.

На другой день, в среду, чтобы не очутиться запертыми, полякам удалось поджечь За-

москворечье и тем получить возможность не быть отрезанными от внешнего мира. «Жечь город, – говорит Маскевич, – поручено было 2000 немцев, при отряде пеших гусар наших, с двумя хоругвями конницы; мы зажгли в разных местах деревянную стену, построенную весьма красиво из смолистого дерева и теса: она скоро занялась и обрушилась... Пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских; а мы потихоньку подвигались за ним, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость. Уже вся столица пылала; огонь был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день; а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда безопасны: огонь охранял нас».

В среду же поляки бились целый день с отрядом князя Димитрия Михайловича Пожарского на Лубянке, который дрался до тех пор, пока не пал, получив несколько ран, после чего был отвезен своими в Троице-Сергиеву Лавру.

«В четверг, – рассказывает Маскевич, – мы снова принялись жечь город, коего третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться. И так мы снова запалили ее... Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора».

На дворе стоял жестокий мороз, и несчастные москвичи, не погибшие от пламени и меча литовских и польских людей, принуждены были расположиться в поле.

В пятницу, 22 марта, к Москве подошел атаман Андрей Просовецкий, ведя с собой, как свидетельствуют поляки, 15 000 человек. Против него Гонсевский выслал пана Струся; он встретил Просовецкого, шедшего, по словам Маскевича, «гуляй-городом, то есть подвижную оградой из огромных саней, на коих стояли ворота с несколькими отверстиями для стрельбы из самопалов. При каждом сани находилось по 10 стрельцов: они и сани

двигали, и, останавливаясь, стреляли из-за них, как из-за каменной стены. Окружив войско со всех сторон – спереди, с тыла, с боков, эта ограда препятствовала нашим копейщикам добраться до русских». После незначительной стычки Струсь вернулся в Москву, а Просовецкий стал дожидаться подхода Ляпунова и остальных отрядов.

25 марта, в понедельник на Святой, все ополчение подошло к столице и расположилось у Симонова монастыря; оно считало в своих рядах, вместе с отрядами Трубецкого и Заруцкого, до 100 000 человек.

Затем начались бои под самой столицей, причем наши дрались, прикрываясь гуляй-городами, и к 1 апреля поляки были вогнаны в Кремль, Китай и Белый город. Русские же расположились: Ляпунов с рязанцами – у Яузских ворот, а Заруцкий и Трубецкой с казаками и бывшими воровскими войсками – против Воронцовского поля, разделяя Ляпунова от остальных дружин земского ополчения, ставших у ворот Покровских, Сретенских и Тверских.

6 апреля, на рассвете, русские заняли боль-

шую часть Белого города, оставив в руках поляков только несколько башен на его западной стене. Так как толщина и высота московских стен, за которыми очутились теперь поляки, не сулила успеха при приступе, то наши воеводы решили прибегнуть к полному обложению противника. Это удалось им исполнить только к июню месяцу; однако уже в апреле у поляков стал обнаруживаться недостаток продовольствия, о чем они писали под Смоленск: «Рыцарству на Москве теснота великая, сидят в Китае и Кремле в осаде, ворота все поотняты, пить-есть нечего».

В мае к Москве подошел высокородный пан Ян Сапега и расположился на Поклонной горе.

Ввиду того что около столицы нечем было поживиться, Сапега отправился к Александровской слободе, которую разорил, а затем к Переяславль-Залесскому; но от последнего он был отбит пришедшим ранее его из-под Москвы атаманом Просовецким. С Сапегой Гонсевский отправил и часть собственного войска, очевидно, ввиду недостатка продовольствия, оставя при себе всего лишь около 4000 чело-

век и питая горячую надежду, что к нему придет скоро помощь от короля. Но король помощи ему не посылал, так как всецело был поглощен заботой о скорейшем овладении Смоленском.

8 апреля канцлер Лев Сапега объявил находившимся под стражей Филарету Никитичу и князю В. В. Голицыну о побоище и сожжении Москвы в Страстной вторник, а также о взятии за пристава Гермогена. Услышав эти вести, послы заплакали, но на все требования поляков написать смольнянам о впуске в город королевского отряда непоколебимо отвечали, что, без обсылки с патриархом и всеми людьми Московского государства они ничего не предпримут.

12 апреля послов силою посадили в ладью, объявив им, что они будут отправлены водою в Польшу. Когда посольские слуги переносили вещи и запасы своих господ на судно, то поляки перебили этих слуг, лучшие вещи взяли себе, а запасы выкинули. Стража с заряженными ружьями не покидала послов и на воде и заставляла их терпеть во всем крайнюю нужду.

Незадолго до этого из королевского стана под Смоленском отбыл на Литву гетман Жолкевский, ведя с собой пленных – царя Василия Ивановича и его двух братьев.

Когда послам пришлось плыть мимо земель Жолкевского, то последний послал их спросить о здоровье; те передали посланному, что они просят гетмана помнить свою душу и крестное целование.

Смоленск стойко держался до начала июня 1611 года, хотя из 70 000 его жителей осталось не более 8000; в городе, вследствие полного отсутствия соли, свирепствовала страшная цинга, от которой умерло множество народа. Судьба Смоленска решилась предательством. Изменник Андрей Дедешин перебежал из него к королю и указал на часть стены, которая была, как недавно выстроенная наспех, слабее других. Поляки тотчас же направили на нее огонь своих пушек и успели сделать в ней широкий пролом. Затем, с наступлением ночи, последовал общий приступ; горсть доблестных защитников города, изнуренная двадцатимесячной осадой, не могла остановить натиск нахлынувшего со всех сторон врага.

Часть их пала под ударами неприятеля; другие спешили в соборный храм Святой Троицы. Под ним хранился запас пороха. Кто-то зажег его... «Но кто зажег, – говорит Жолкевский, – наши ли или москвитяне – неизвестно; приписывают это последним... Огонь достиг до запасов пороха, который произвел чрезвычайное действие: взорвана была половина огромной церкви с собравшимися в нее людьми, которых неизвестно даже, куда девались разбросанные остатки и как бы с дымом улетели. Когда огонь распространился, многие из москвитян, подобно как и в Москве, добровольно бросались в пламя за православную, говорили они, веру. Сам Шеин, запершись в одной из башен... стреляя в немцев, так раздражил их, убив более десяти, что они непременно хотели брать его приступом; однако нелегко бы пришлось им это, ибо Шеин уже решил было погибнуть, но находившиеся при нем старались отвратить его от этого намерения. Отвратил же его, кажется, от сего больше всех бывший с ним – еще дитя – сын его». Шеин сдался главному польскому воеводе Якову Потоцкому, объявив, что никому

другому он живым в руки не отдастся.

Затем совершилось неслыханное дело. Король приказал подвергнуть Шеина пытке, чтобы допросить о разных подробностях осады Смоленска; после сего Шеин был отправлен в оковах в Литву и заточен в тесное заключение. В такое же заключение был посажен и доблестный архиепископ Смоленский Сергей, который и принял смерть в узах в Польше.

Радость Сигизмунда и поляков по случаю взятия Смоленска была чрезвычайна. Ксендз Петр Скарга сказал в Варшаве длинную проповедь, в которой громил русских за упорство в исповедании своего раскола и патриарха Гермогена, причем, по словам С. Соловьева, «знаменитый проповедник не счел нужным позаботиться о том», чтобы приводимые им сведения о событиях, имевших место в Московском государстве, «были хотя сколько-нибудь верны».

Сигизмунд на радостях по взятии Смоленска, вместо того чтобы идти к Москве выручать Гонсевского, решил вернуться в Польшу.

29 октября 1611 года в Варшаве происходи-

ло великое торжество: через весь город к королевскому дворцу ехал верхом в сопровождении блестящей свиты гетман Жолкевский, а за ним везли в открытой повозке пленного царя Московского Василия Ивановича Шуйского с двумя братьями, за приставами. Во дворце, насколько можно судить по дошедшей до нас черновой записке, канцлер Лев Сапега сказал похвальное слово Сигизмунду, в котором, между прочим, описывая Смутное время на Руси, говорил: «Этот (Годунов), видя, что Феодор (Иоаннович) не имеет потомства от своей жены, его сестры, стлал себе дорогу к престолу. А так как помехой был тот, младший наследник Димитрий Углицкий, он отрядил тайных убийц, и они умертвили этого ребенка... За это (гордость и преступление) Бог и наказал его (Бориса Годунова), не через великих потентатов (властителей), но через его же собственного подданного, дотоле нищего и убогого человека, чернца, который во владениях вашей королевской милости служил из хлеба и одежды... Появился Гришка, сын Богдана Отрепьева, который был чернцом, как его зовут москвитяне – Расстрига, а по-наше-

му супостат. Он назвался Димитрием Углицким, тем самым, коего Борис приказал убить; был он и у вашей королевской милости в Кракове, и ваша королевская милость из сострадания явила ему и даровала великую милость, а какую он вскоре потом показал неблагодарность вашей королевской милости, скажу ниже. Кратко говоря, пошел он до Москвы, с чьей помощью – всем известно (намек на Мнишека)... А князь Василий вскоре завладел государством силой и, на третий день после этого убиения (Гришки), велел короновать себя. Патриарха Игнатия, родом грека, которого самозванец поставил вместо Иова, низложил; а Гермогена, человека злого, поставил патриархом...»

По словам польских летописцев, Василий Иванович и его братья били королю челом до земли и лобызали его руку. Вспоминая, однако, достойное поведение Шуйского на приеме у того же короля под Смоленском, можно думать, что и в Варшаве он держал себя иначе, чем рассказывают поляки.

К июню месяцу, как мы уже говорили, русским военачальникам, стоящим под Моск-

вой, удалось овладеть последними башнями Белого города, находившимися в руках поляков, после чего те очутились совершенно запертыми в Китай-городе и Кремле, вместе с боярами и патриархом, сидевшим за приставами.

К этому времени в воинском стане, осаждавшем столицу, взамен запертого в Кремле правительства имелось уже другое, которое не только ведало управлением собранной рати, но также считало своим правом управлять и всем Московским государством впредь до избрания нового царя. Это был «Совет всея земли», в состав которого входили: «всякие служилые люди и дворовые и казаки», находившиеся в рядах ополчения, пришедшего освободить Москву от поляков. Конечно, Совет этот, хотя и состоял только из одних ратных людей, тем не менее, имел полное основание считать себя представителем всей земли, так как ополчение было собрано по единодушному приговору всех сословий в городах, и кроме того – в нем же участвовали как казаки, так и русские люди, служившие в Тушине. Для заведования делами были учре-

ждены «приказы», совершенно такие же, какие действовали в Москве: Поместный, Разрядный, Разбойный, Земский и другие.

30 июня этот «Совет всея земли» – «Московского государства, разных земель царевичи, бояре, окольные и всякие служилые люди и дворовые, которые стоят за Дом Пречистой Богородицы, за православную христианскую веру, против разорителей веры христианской», – составили приговор, по которому верили высшее управление всеми делами трем лицам: боярину князю Димитрию Тимофеевичу Трубецкому, боярину Ивану Мартыновичу Заруцкому и думному дворянину Прокофию Петровичу Ляпунову; последние, однако, являлись подчиненными лицами относительно всей земли и не имели права своевластно наказывать кого-либо смертной казнью или ссылкой: «А не объявля всей земле, смертные казни никому не делать и по городам несылать...» По этому приговору бывшие тушинцы были совершенно уравнены с людьми земских ополчений. Но вместе с тем было указано, что кто получил, пользуясь Смутой, сверх меры поместий, то он обязан их возвра-

тить и довольствоваться тем, что ему бы причиталось за службу на основании существовавших ранее порядков Московского государства. Чтобы пресечь бесчинства казаков, в этом же приговоре постановлено: «С городов и из волостей атаманов и казаков свести и запретить им грабежи и убийства». Крестьян же и беглых людей от помещиков велено было отыскивать и возвращать их прежним владельцам».

Про взаимоотношения верховных троена-
чальников летописец выражается так: «В тех же начальниках бысть великая ненависть и гордость: друг пред другом чести и начальство получить желаста, ни един единого меныни быти не хотяше, всякому хотяшеса самому владети. Сие же Прокофий Ляпунов не по своей мере вознесся и гордость взя... Той же другой начальник Заруцкий поймав себе города и волости многие. Ратные же люди под Москвою помираху с голоду, казакам же даша волю велию; и быша по дорогам и по волостям грабежи великие. На того же Заруцкого от земли от всей ненависть бяше. Трубецкому ж меж ими чести никакие от них не

бе...»

Такая взаимная ненависть и рознь не могли привести, разумеется, ни к чему хорошему. Заруцкий и Трубецкой, вынужденные подписать приговор «всея земли» от 30 июня, «с тое же поры начата над Прокофьем думати, как бы его убить».

Случай скоро представился. Один из земских военачальников, Матвей Плещеев, поймал, по-видимому на разбое, 28 казаков и посадил их в воду; но на выручку им прибыли другие казаки, которые успели вытащить из воды товарищей и привезти в свой табор под Москвой, разделявший, как мы говорили, стан Ляпунова от станов остальных земских ополчений. Начался страшный шум: как смог земский человек, вопреки приговору от 30 июня, казнить кого-либо смертью без ведома «всея земли», причем все стали кричать против Ляпунова и хотели его убить. Узнав про это, Ляпунов собрался бежать, но был настигнут казаками, и их вожди уговорили его вернуться назад, на что он согласился.

А между тем против него действовал и другой враг, желавший его смерти не меньше,

чем Трубецкой, Заруцкий и казаки. Это был Гонсевский. В одной из стычек поляки взяли в плен казака-побратима атамана Исидора Заварзина. Заварзин стал просить Гонсевского разрешить ему повидаться со своим названным братом. Тот разрешил свидание и воспользовался им для своих целей: Гонсевский приказал написать от имени Ляпунова грамоту во все города и искусно подписаться под его руку; грамотой этой наказывалось: «Где поймают казака – бить и топить; а когда Бог даст – государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим». Пойманный побратим отдал грамоту Заварзину со словами: «Вот, брат, смотри, какую измену над нашей братией-казаками Ляпунов делает. Вот грамота, которую Литва перехватила». Заварзин вскипел гневом и отвечал: «Теперь мы его, такого-сякого сына, уьем!»

По его возвращении в таборы содержание грамоты стало тотчас же известно казакам, которые собрали круг и потребовали Ляпунова для объяснений. Тот дважды отказался ехать. Не прибыли также в круг Трубецкой и Заруцкий, хотя, по всем данным, отлично

знали о его сборе. Наконец к Ляпунову пришли два не казака – Сильвестр Толстой и Юрий Потемкин – и поручились ему «что отнюдь ничего не будет».

Однако, как только он вошел в круг, атаман Карамышев стал его называть изменником и показал ему грамоту. Ляпунов, посмотрев на нее, сказал: «Рука похожа на мою, только я не писывал». «Казаки же ему не терпяще, – говорит летописец, – по повелению своих начальников его убиша». Вместе с Ляпуновым пал и его большой недруг, известный перелет Иван Ржевский, возмущенный поступком казаков; он стал им с гневом говорить: «Запосмешно-де Прокофья убили, Прокофьевы-де вины нет» – и был ими изрублен.

Так погиб 22 июля 1611 года Прокофий Ляпунов. Он первый поднялся по призыву Гермогена против поляков и стал во главе всего земского движения на защиту православия и Родины от поляков, но без достаточной осторожности соединил свое дело, хотя и вынужденный к этому необходимостью, с делом казаков и воров, пришедших поживиться за счет Московского государства, и за это попла-

тился жизнью.

Создавшееся положение вещей было огромным бедствием для Московского государства. «Оно теперь имело, – говорит С. Ф. Платонов, – над собой два правительства: польско-литовское в Москве и Смоленске и казацко-воровское в таборах под Москвой». В самой же стране, после смерти Ляпунова и распада земского ополчения, не было никакой силы, способной противостоять им: «уездные дворяне и дети боярские, волостные и посадские мужики были разрознены и подавлены несчастным ходом событий».

Казаки и воры вновь начали предаваться неистовым грабежам по областям, а Сигизмунд вызвал из Ливонии литовского гетмана Хоткевича и поручил ему собирать войска для похода к Москве, чтобы совершенно покончить с ней.

В это же время «желая утвердить вечную дружбу с нами, – говорит Н. М. Карамзин, – шведы... продолжали бессовестную войну свою в древних областях Новгородских и, тщетно хотев взять Орешек, взяли, наконец, Кексгальм (Корелу), где из грех тысяч росси-

ян, истребленных битвами и цингою, оставалось только сто человек, вышедших свободно с именем и знаменами, ибо неприятель еще страшился их отчаяния, сведав, что они готовы взорвать крепость и взлететь с нею на воздух».

Вслед за тем, в июле 1611 года, Якову Делагарди удалось овладеть и Новгородом, где между воеводами Василием Бутурлиным и князем Иваном Одоевским-Большим шли великие несогласия.

8 июля Делагарди повел приступ на город, но после жестокой сечи был всюду отброшен. Это сильно ободрило защитников. Но тогда как часть из них пребывала все время в усердной молитве, другая неистово пьянствовала, лазила на стены и бесстыдно ругалась над шведами. Наконец среди новгородцев нашелся предатель – какой-то Иван Шваль. Зная, что сторожевая служба несется плохо, этот Шваль незаметно ввел шведов ночью в город через Чудинцовские ворота. Шведы кинулись тотчас же сечь стражу по городу и по дворам. Воевода Бутурлин оказал им очень слабое сопротивление, причем бывшие с ним

стрельцы и казаки, уходя из города, ограбили лавки, говоря, что все равно их ограбили бы немцы.

Однако среди застигнутых врасплох русских людей в Новгороде нашлось и немало героев. Вот как об этом рассказывает летописец: «Едины же помроша мученическою смертию, биющесе за православную христианскую веру, голова стрелецкий Василий Гаютин, да дьяк Онфиноген Голянищев, да Василий Орлов, да атаман казачий Тимофей Шаров, да с ним сорок человек казаков, те помроша вкупе. Многою статьею их немцы прельщашу, чтобы они сдались. Они же отнюдь не сдашесе, вси помроша за православную веру. Протопопу же Сафейскому Амосу запершусь на своем дворе со своими советники и биющесе с немцами многое время, и много немец побил. Немцы же ему многожда говорили, чтобы он сдался. Он же отнюдь на их словеса не уклонися. Бывшу же ему в то время у митрополита Исидора в запрещении, митрополит же, стоя на градской стене, поя молебны, видя его крепкое стоятельство, прости и благослови его за очи, зря на двор его.

Немцы же, видячи таковое его жестокое стоятельство, приидоша всеми людьми и зажгоса у него двор, и сторел он совсем, ни единого не взяша живьем».

Следствием взятия Новгорода был договор, заключенный между оставшимся в городе воеводой князем Одоевским и «Яковом Нунгосовичем Делагардою».

По этому договору Новгород отделялся от Московского государства и должен был целовать крест шведскому королевичу, образуя под его властью особое владение, подручное Швеции.

Еще ранее Новгорода отделился от Москвы Псков, в котором, как мы видели, шла уже несколько лет непрерывная борьба между лучшими и меньшими людьми. Весной 1611 года в Псковской области появился литовский гетман Ходкевич и шесть недель стоял под Печерским монастырем, но безуспешно: он не мог его взять.

Между тем, 4 августа к Москве подошел со своим рыцарством Ян Сапега; ему удалось нанести поражение казацко-воровской рати, обложившей столицу, и снабдить продоволь-

ствием Гонсевского, причем поляки успели также захватить в свои руки и некоторые ворота. Гонсевский хотел даже овладеть обратно всеми укреплениями Белого города и, вероятно, успел бы в этом, ввиду крайне вялых действий войск Трубецкого и Заруцкого. Но в самом Польском стане было уже полное падение внутреннего порядка: никто не слушал приказаний Гонсевского, и большинство решило, что раз на выручку столицы идет гетман Хоткевич, то незачем отнимать у него славу и предоставлять ее Гонсевскому. Тем временем Ян Сапега разболелся и умер 4 сентября в Кремле.

Хоткевич подошел к Москве 26 сентября и тоже не имел большего успеха: он привел с собой только 2000 человек, изнуренных пребыванием в Ливонии и разделенных, кроме того, на две партии: одна стояла за гетмана, а другая держала сторону врага его, воеводы смоленского, Потоцкого, не желавшего, чтобы слава завоевания Москвы досталась Хоткевичу; были против литвина Хоткевича и все поляки. Поэтому он, постояв под Москвой, с наступлением холодов отошел к Рогачевскому

монастырю, в 20 верстах от города Ржева, уводя с собой часть сапежинцев и поляков Гонсевского из Кремля и Китай-города. Тем же полякам, которые остались в Кремле, были вместо жалованья выданы взятые сокровища из царской казны: короны Бориса Годунова и Лжедмитрия, «единороговы роги», из коих один цельный был оценен в 140 000 рублей, царские одеяния, церковные сосуды, оклады с образов, драгоценности с покровов, бывших на «гробах великого князя Василия и царевича Ивана», и пр.

Пользуясь открывшимся сообщением с внешним миром, из Кремля от лица бояр было отправлено посольство к Сигизмунду; в числе его были Михаил Глебович Салтыков и князь Юрий Никитич Трубецкой. Это посольство было выслано для замены старого – Филарета и князя В. В. Голицына, которые делали будто бы «не по наказу и ссылались с калужским вором, с смоленскими сидельцами, с Ляпуновым и другими изменниками».

Бедствия нашей Родины увеличивались. Взявши Новгород, шведы овладели затем Ямом, Копорьем, Руссой, Ладогой, Порховом,

Ивангородом, Гдовом, Тихвином и Орешком. Кроме вора Сидорки во Пскове, появился и другой «истинный государь Димитрий» в Астрахани, которого признало почти все Нижнее Поволжье.

Наступило так называемое лихолетье. Кажется, пришли последние дни для Московского государства. Хищные отряды шведов, казаков, поляков, «полковника Лисовского» и других воров всюду хозяйничали самым наглым образом, встречая в эту пору противодействие только со стороны «шишей», которым именем прозывались озлобленные и разоренные крестьяне, собиравшиеся в шайки и нападавшие при удобном случае на своих грабителей.

Положение дел на Руси казалось совершенно безнадежным. Никто в это время не знал, что надо делать и чего держаться. Жива была в сердцах русских людей только горячая вера в Бога, и к Нему с усердной и слезной молитвой стали всюду прибегать люди, «чтобы Он пощадил останок рода христианского» и оградил миром «останок Российских царств и градов и весей». Начался беспримерный об-

щий религиозный подъем всей русской народной тверди. Пребывая неустанно в молитвенном настроении, некоторые сподобились чудесных видений.

После взятия Новгорода шведами инок Варлаам увидел во сне Божию Матерь, вокруг которой стояли новгородские святители, умоляя Ее заступиться за Новгород и не предавать его иноземцам. Царица Небесная отвечала, что Господь прогневался на беззакония русских людей, а потому пусть они покаются и готовятся к смерти.

В это же время в подмосковных таборах упорно ходили слухи о некоем свитке, в коем описывалось видение нижегородского обывателя Григория, к которому ночью явились два святых мужа, причем один из них спрашивал другого, называя его «Господи», о судьбах Московского государства, на что Господь отвечал: «Аще человецы во всей Русской земле покаются и постятся три дня и три ночи, в понедельник, вторник и среду, не только старые и юные, но и младенцы, Московское государство очистится».

Рассказ об этом видении производил силь-

нейшее впечатление, хотя впоследствии оказалось, что в самом Нижнем Новгороде никакого мужа Григория не было. «...Нижегородцы же о том дивяхуся, откуда то взяся», – говорит летописец и добавляет, что он, тем не менее, заносит этот случай в летопись, «а в забвение положити не смех, видячи такую к Богу веру и пост».

В то же время жена Бориса-мясника, простого посадского человека во Владимире, Мелания, объявила воеводе, что сподобилась видеть «во свете несотворенном... пречудную жену», которая возвестила ей, чтобы люди постились и со слезами молились Спасителю и Царице Небесной.

Известия об этих видениях принимались повсюду как за откровения свыше. По поводу их города стали опять сноситься между собой, и затем по всей земле был установлен строгий трехдневный пост.

На такой высокий подъем религиозного чувства всего народонаселения Московского государства, бесспорно, влиял пример большинства пастырей Русской церкви и многих Божиих угодников. Кроме патриарха Гермоге-

на и митрополита Филарета, в эти же времена, как мы видели, жили и стяжали известность своими подвигами во имя преданности православию и любви к Родине: архиепископ Феоктист Тверской, удержавший свою паству в верности присяге Василию Ивановичу Шуйскому, а затем замученный поляками, взявшими его в плен; Иосиф Коломенский, которого приковал к пушке полковник Лисовский; незабвенный Сергей, архиепископ Смоленский, принявший смерть в польских узах, и митрополит Новгородский Исидор, благословлявший с городской стены подвиг отца Аммоса, оборонявшегося на своем дворе от шведов, пока он ими не был сожжен.

Среди отшельников в эти тяжкие времена подвизались:

Преподобный Галактион Вологодский, сын боярина князя Ивана Бельского, приковавший себя к стене цепью в своем затворе, которая не позволяла ему ложиться для сна. Преподобный Галактион предсказал, что Вологда будет разорена поляками, которые нанесли и ему столько увечий, что он умер от них через три дня.

Блаженный Иоанн, псковский затворник, «что в стене жил 22 лета; еда же его – рыба сырая, а хлеба не ел, а жил во граде, якоже в пустыни, в молчании великом», – как говорит про него летописец.

Преподобный Евфросин Прозорливый подвизался в пустыни на берегу Синичьего озера близ Устюжны Железнопольской. Он предсказал жителям о приходе поляков и убедил их держаться против них крепко; самому же Евфросину вместе с иноком Ионою поляки размозжили голову чеканом, допытываясь, где находятся церковные сокровища.

Жил в это время и старец Иринарх, затворник Ростовского Борисоглебского монастыря, бывший в миру крестьянским сыном села Кондакова – Ильей. Уже в детстве говорил он матери: «Как вырасту большой, постригусь в монахи, буду железа на себе носить, трудиться Богу». Выросши, Илья стал жить со своей матерью и заниматься торговлею, причем отлично повел дело, но затем он взял свой родительский поклонный медный крест, каковые кресты, около четверти аршина величиною, ставились в переднем углу комнаты для со-

вершения перед ними молитв и поклонов, и ушел с ним в Борисоглебский монастырь, в котором и оставался до конца своих дней, приняв при пострижении имя Иринарха.

Пребывая однажды в жаркой молитве, Иринарх был осенен святым извещением, что ему следует жить всегда в затворе, что он и исполнил. «Первым помыслом нового затворника, – говорит И. Е. Забелин, – было создать себе особый труд, дабы не праздно и не льготно сидеть в затворе. Он сковал железное ужище, то есть цепь длиною в три сажени, обвился ею и прикрепил себя к большому деревянному стулу (толстый обрубок дерева), который, вероятно, служил и мебелью для преподобного, и добровольною тяжелой ношею при переходе с места на место».

Вскоре Иринарха пришел навестить его друг, известный московский юродивый Иоанн Большой Колпак, и посоветовал ему сделать сто медных крестов, чтобы каждый был весом в четверть фунта. Иринарх с радостью согласился на это, но сказал, что, по бедности своей, он не знает, где достать столько меди. Блаженный Иоанн успокоил его, гово-

ря, что Бог поможет. Через несколько дней после этого один посадский человек совершенно неожиданно принес преподобному Иринарху большой медный крест, из которого были слиты, к его большой радости, сто крестов. Затем другой посадский принес затворнику железную палицу – дубинку около трех фунтов веса. Он стал употреблять ее против лености тела и невидимых бесов.

Скоро число крестов увеличилось до 142, а после шестилетних трудов на трех саженьях ужища старец прибавил еще три сажени, затем, по прошествии следующих шести лет, опять три, так что к 1611 году, по мере того как внутренние дела Московского государства «стали, – говорит И. Е. Забелин, – запутываться в новые ужища и цепи, – у преподобного подвижника тоже прибыло еще три сажени ужища, полученные от некоего брата, также трудившегося в железе». Таким образом, длина всего ужища стала уже в 9 сажен. В 1611 же году, в самую трудную и бедственную пору для Московского государства, Иринарх прибавил сразу одиннадцать саженей ужища и постоянно пребывал обвитый два-

дцатисаженной цепью. Но это было далеко не все. «После старца, – рассказывает И. Е. Забелин, – осталось его «праведных трудов», кроме ужища, кроме 142 крестов и железной палицы, еще семеры вериги, плечные или нагрудные, путо шейное, связни поясные в пуд тяготы, восемнадцать оковцев медных и железных для рук и перстов; камень в 11 фунтов весу, скрепленный железными обручами и с кольцом, тоже для рук; железный обруч для головы, кнут из железной цепи для тела. Во всех сохранившихся и доселе праведных трудах затворника находится весу около 10 пудов».

«По пророческому слову старца Иринарха, князь Скопин-Шуйский отбил Сапегу от Калягина. Затем, весь победоносный поход Скопина к Москве и его быстрые поражения польских полков совершились все благословением и укреплением преподобного затворника, причем он всегда посылал князю освященную просфору и святые слова: «Дерзай, не бойся, Бог тебе поможет!» Но сильнейшая благодать, укрепившая воеводу, заключалась в кресте затворника, который он послал кня-

зю еще в Переяславль. С этим крестом Скопин победоносно прошел до самой Москвы, со всем тогда погибавшей». Даже поляки относились к трудам преподобного Иринарха с уважением, в том числе и Ян Петр Сапега. «Воротись-ка и ты в свою землю, – пророчески говорил ему старец, – полно тебе воевать на Россию, не выйдешь ты из нее живой». Пораженный этим, Сапега не велел трогать Борисоглебского монастыря, оставил в нем, по преданию, русское знамя и прислал пять рублей в милостыню Иринарху.

Крепким оплотом русских людей в наступившее лихолетье являлась также обитель Живоначальной Троицы преподобного Сергия.

Ее архимандритом тогда был Дионисий, человек смиренный, глубоко верующий в Бога и беспредельно преданный своим горячим сердцем Родине. Дионисий был уроженцем города Ржева и именовался в мире Давидом. Первоначально он был священником, но скоро овдовел и постригся в Старицком Богородичном монастыре. Однажды он появился в Москве на книжном рынке. Кто-то из толпы,

увидя красивого молодого монаха, стал его корить, зачем он ходит по торжищам, причем поносил его бранными словами. Вместо того чтобы обидеться, Дионисий заплакал и отвечал ему: «Да, брат! Я в самом деле такой грешник, как ты обо мне подумал. Бог тебе открыл обо мне всю правду. Если бы я был настоящим монах, то не бродил бы по этому рынку, не скитался бы между людьми, а сидел бы в своей кельи, прости меня грешного, ради Бога, в моем безумии».

Но когда началась тяжкая година Смутного времени и на площадях Москвы собирались шумные толпы народа, то Дионисий, пользовавшийся особой любовью Гермогена, появлялся на этих народных сборищах и бесстрашно увещевал толпу крепко стоять за православную веру, несмотря на оскорбления, которым он иногда подвергался.

Назначенный игуменом Троице-Сергиевой Лавры, после выдержавшего в ней осаду Иосафа, Дионисий вступил в управление монастырем как раз в то время, когда Москва была разорена и в ее окрестностях злодействовали сапежинцы и казаки. Все дороги были перепол-

нены ранеными, голодными и разоренными московскими людьми; кто имел силы, тот спешил найти себе приют в Лавре, но великое множество людей, с перебитыми ногами и руками, вырезанными из спины ремнями и содранной с головы кожей или обожженными боками, не могли доползти до монастыря, а валялись на пути или в окрестных рощах и селениях и тут же умирали.

Памятуя заветы святого Сергия, Дионисий обратил его обитель в странноприимный дом и больницу для ратных людей и всякого рода страдальцев. Он призвал келаря, казначея, всю братию и объявил им, что надо всеми силами помогать тем, которые ищут приюта у святого Сергия. «Дом Святой Троицы не запустеет, – говорил он со слезами, – если станем молиться Богу, чтобы дал нам разум: только положим на том, чтобы всякий промышлял, чем может».

Затем началась кипучая деятельность: в обители и ее селах стали строить дома и избы для раненых и странников; больных лечили, а умирающим давали последнее напутствие; монастырские работники ездили по

окрестностям и подбирали раненых и умирающих; женщины, приютившиеся в монастыре, неустанно шили и мыли белье живым и саваны покойникам. В то же время в келье архимандрита сидели борзые писцы, которые писали увещательные грамоты по городам и селам, призывая всех к очищению земли от литовских и польских людей.

Минин и Пожарский. Очищение Московского государства

Великий старец Гермоген также не молчал в своем заточении. В то время как, 4 августа 1611 года, Ян Сапега подошел к Москве и, разбив казацкие отряды, открыл себе дорогу в Кремль для снабжения продовольствием Гонсевского, этим воспользовались и нижегородские «бесстрашные люди». Они проникли к патриарху в тюрьму, на Кирилловское подворье, и одному из них, Роде Моисееву, он дал свою грамоту.

Из этой грамоты ясно видно, что Гермоген, сидя в своей тюрьме, был отлично осведомлен о раздорах, бывших между земским ополчением и казаками, завершившихся убийством Прокофия Ляпунова, и полагал все зло в том, что казаки хотели посадить на царство «Маринкина паньина сына». Видя, какую страшную опасность это представляло для государства и православия, Гермоген всеми силами высказывается против Ворёнка и про-

клинает его, причем приказывает писать казанскому митрополиту Ефрему, рязанскому архиепископу Феодориту и городам учительные грамоты, как к слабодушным «седмочисленным» боярам, также и в казачьи полки к атаманам, и говорить казакам бесстрашно, чтобы они отнюдь за Ворёнка не стояли, но имели бы чистоту душевную, братство и промышляли бы, как обещали, души свои положить за Дом Пречистой, за чудотворцев и за православную веру.

По-видимому, несколько мягче относились к казакам власти Троице-Сергиевой Лавры. Обитель Живоначальной Троицы была всего в 64 верстах от Москвы, под которой стояли казачьи таборы, причем отряды этих казаков беспрерывно появлялись у самого монастыря; кроме того, и приказы, основанные к лету 1611 года в стане подмосковных ополчений, оказались теперь в казачьих руках. Все это заставляло Троицкую Лавру жить в мире с казачьим правительством. Ловкий келарь Авраамий Палицын, получив великие милости у короля под Смоленском, сумел приобрести себе сторонников и среди казачьих атаманов,

которые оказывали различные услуги Лавре. Поэтому Дионисий с братией, зная все великие прегрешения казаков, все-таки верили в возможность их соединения с земскими людьми для общего подвига во благо Родины, и в Троицких грамотах, составляемых «борзыми писцами», они призывали всех на защиту православия против польских и литовских людей, не делая различия между земскими людьми и казаками, но однако упоминая: «Хотя будет и есть близко в ваших пределах которые недовольны, Бога для отложите то на время, чтоб о едином всем вам с ними (подмосковным ополчением) положите подвиг свой страдати для избавления православных христианския веры...»

Тем не менее, после убийства Ляпунова негодование против казаков охватило весьма многих земских людей, и они решили совершенно отделить свое дело от них.

Приведенную нами выше последнюю грамоту патриарха Гермогена «бесстрашный» Родя Моисеев доставил в Нижний Новгород 25 августа, где она, разумеется, была прочтена всеми властями и разослана по всем городам.

Прочел ее и простой нижегородский посадский человек, торговец мясом – «говядарь», правивший должность земского старосты, – Козьма Минин Сухорук, которого около этого же времени посетило видение: святой Сергей Радонежский явился ему и повелел разбудить спящих – казну собирать, ратных людей надевать ею и с ними идти на очищение Московского государства.

Горячие, как огонь, слова заключенного в узах патриарха и чудесное явление преподобного Сергия произвели сильнейшее впечатление на Козьму. Сердце его загорелось рвением совершить великий подвиг во имя Родины, и к подвигу этому как нельзя более подходил весь его душевный склад.

Решившись на подвиг, Минин начал действовать прежде всего среди своих посадских, в «земской избе», где он со слезами говорил, что настало время «чинить промысел» против врагов, причем рассказал о бывшем ему явлении преподобного Сергия. Присутствовавший тут же стряпчий Биркин, недоброхот Минина, человек двусмысленного поведения, служивший прежде Вору, насмешливо сказал

на это: «Ну не было тебе никакого видения», но Минин пригрозил ему и тихо ответил: «Или хочешь ты, чтобы я открыл православным, что ты замышляешь»; тогда Биркин тотчас же замолчал. Горячее слово Минина нашло отклик в сердцах его слушателей, среди которых он пользовался величайшим уважением за свою высокую честность, за что и был выбран ими в земские старосты. По-видимому, в этой же «земской избе», стоявшей близ церкви Николая Чудотворца, на торгу (ныне близ пристаней на Нижнем Базаре), и был написан посадскими людьми первый приговор «всего града за руками» о сборе денег «на строение ратных людей», причем сбор этот был поручен Минину.

Таким образом, среди всеобщей растерянности и уныния, охвативших Московское государство после смерти Прокофия Ляпунова и распада земского ополчения, нижегородские посадские люди по призыву своего земского старосты положили начало новому духовному подъему обитателей Московского государства для освобождения Родины совокупными усилиями всех ее верных сынов, ее «по-

следних людей», как их называет летописец.

Нижегородские посадские люди «в лице своего старосты Козьмы, – говорит И. Е. Забелин, – и кликнули свой знаменитый клич, что если помогать Отечеству, то не пожалеть ни жизни и ничего; не то что думать о каком захвате или искать боярских чинов, боярских вотчин и всяких личных выгод, а отдать все свое, жен, детей, дворы, именье продавать, закладывать да бить челом, чтобы кто вступился за истинную православную веру и взял бы на себя воеводство. Этот клич знаменит и поистине велик, потому что он выразил нравственный, гражданский поворот общества с кривых дорог на прямой путь. Он никем другим и не мог быть сказан, как именно достаточным посадским человеком, который, конечно, не от бедной голытьбы, а от достаточных же и требовал упомянутых жертв. Он прямо ударял по кошелькам богачей. Если выбрать хорошего воеводу было делом очень важным, то еще важнее было дело собрать денег, без которых нельзя было собрать и вести войско. Вот почему посадский ум прямо и остановился на этом пункте, а главное, дал

ему в высшей степени правильное устройство».

К делу, затеянному своими посадскими людьми, не замедлили примкнуть и все остальные нижегородцы. Скоро в городе была получена Троицкая грамота от 6 октября, призывавшая всех стать на защиту Родины. По этому поводу собрался на воеводском дворе совет: «Феодосий – архимандрит Печерского монастыря, Савва, спасений протопоп, с братнею, да иные попы, да Биркин, да Юдин, и дворяне и дети боярские, и головы и старосты, от них же и Кузьма Минин». На этом совете последний доложил, конечно, решение посадских людей, после чего было постановлено собрать всех обитателей в кремлевский Спасо-Троицкий собор и предложить им стать на помощь Московскому государству.

На другой день по звону колокола все нижегородцы собрались в своем древнем соборе. Тогда достойный и всеми уважаемый пастырь Савва Ефимиев, так же глубоко проникнутый сознанием необходимости жертв на пользу Родины, как и Минин, вышел на амвон и стал читать всему миру Троицкую гра-

моту, а затем произнес горячую речь, призывая граждан пожертвовать всем для спасения Родной земли.

После него держал слово Минин. «Буде нам похотеть помочи Московскому государству, – говорил он, – ино нам не пожалети животов своих; да не токмо животов своих, ино не пожалети и дворы свои продавать, и жены и дети закладывать, и бити челом, кто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником».

Слова протопопа Саввы и Козьмы Минина произвели самое глубокое впечатление на всех нижегородцев. Начались оживленные сходки, и на них было положено, что всякий будет давать пятую или даже третью часть своею дохода. «Я, убогий, с товарищами своими, – объяснял Минин, – всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу; у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». – «Буди так, буди так!» – восторженно отвечали ему. Одна вдова заявила: «Осталась я после мужа бездетной, и есть у меня 12 000 рублей, 10 000 отдаю в сбор, а 2000

оставляю себе».

Тогда же возник и важный вопрос: кому бить челом, чтобы принять главное начальствование над собираемой ратью. В Нижнем имелись свои добрые воеводы – князь Звенигородский и Алябьев. Но взоры всех были обращены на другое лицо. Для успеха дела надо было, чтобы во главе ополчения «последних людей» Московского государства стоял человек, известный всем своим воинским искусством и вместе с тем своей исключительной душевной чистотой. Нижегородцы за все Смутное время ни разу не впали в измену, а потому и искали таких крепких людей. Они положили избрать «мужа честного, кому за обычно ратное дело, который таким был искусен и который в измене не явился...» Выбор пал на стольника, князя Димитрия Михайловича Пожарского, потомка стародубских князей.

Князь Д. М. Пожарский, как мы видели, верно служил Василию Ивановичу Шуйскому, искусно отбивая воров и казаков от Москвы, а сидя в Москве, очень удачно действовал против тушинцев; после же свержения Шуй-

ского с престола он признал временным главой государства, как и все лучшие люди того времени, патриарха Гермогена, затем самоотверженно ходил из Зарайска на выручку Ляпунова и один из первых пробрался в Москву перед ее сожжением Гонсевским, где доблестно дрался с поляками, пока не пал от ран и не был свезен в Троице-Сергиеву Лавру; отсюда, несколько оправившись, он отбыл в свою вотчину, сельцо Мугреево Суздальского уезда. В 1611 году Пожарскому было около тридцати пяти лет от роду; глубоко веруя в Бога и будучи беспредельно предан Родине, он вместе с тем зорко оберегал честь своего рода и отличался большой простотой и прямоотой, за что в свое время невзлюбился царю Борису Годуну.

Послами к Пожарскому от нижегородцев отправились: печерский архимандрит Феодосий, дворянин добрый Ждан Болтин да из всех чинов лучшие люди. Пожарский не отказался от предложенной почести, но сразу заявил, что желает отделить от себя заведование казной, к чему особенно стремились все военачальники вроде Заруцкого, Трубецкого

и других воровских воевод, и прямо указал, что ею должен заведовать Минин: «Есть у вас Кузьма Минин; той бывал человек служивой, тому то дело за обычей».

Нижегородцы одобрили, конечно, этот выбор, но сам Минин вначале отказался, говоря: «Соглашусь, если напишите приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги». Те согласились и написали свой знаменитый приговор: «...Стоять за истину всем безызменно, к начальникам быть во всем послушными и покорливыми и не противиться им ни в чем; на жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет – отбирать не только имущество, а и дворы, и жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтобы ратным людям скудости не было».

Когда этот приговор был написан, то «выборный человек» Кузьма Минин вышел из числа земских старост и стал «окладчиком», то есть, по существовавшим порядкам, – нижегородских посадских торговых и всяких людей окладывал, с кого что денег взять, смотря по пожиткам и по промыслам, и в го-

роды на Балахну и Гороховец послал же окладывать», причем, где было нужно, он не оставался, во имя святого дела, которому служил, и перед принуждением: «уже волю возьму над ними по их приговору, с Божью помощью и страхом на ленивых налагая».

«В этом отношении, – по словам С. Ф. Платонова, – он следовал обыкновенному порядку мирской раскладки, по которому окладчики могли грозить нерадивым и строптивым различными мерами взыскания и имели право брать у воеводы приставов и стрельцов для понуждения слушников». Указав, что эта сторона дела ввела в заблуждение некоторых исследователей, которые приписали Минину черты исключительной жестокости и крутости и обвиняли его даже в том, что он «пустил в торг бедняков», С. Ф. Платонов замечает: «Нечего и говорить, как далек этот взгляд от исторической правды».

Лица, взявшиеся за образование нового ополчения из «последних людей» Московского государства, отнюдь не желали повторять ошибок Ляпунова и поэтому решили совершенно отделить свое дело от казаков. Реше-

ние это, как мы видели из отписки казанцев к пермичам, пользовалось общим сочувствием всей земщины. На призыв нижегородцев о сборе ратников первыми откликнулись смоленские дворяне, лишенные своих имений Сигизмундом; они получили было земли в Арзамасском уезде, но Заруцкий изгнал их и оттуда. Нижегородцы послали смольнян бить челом Пожарскому, чтобы он немедленно прибыл.

Пожарский приехал в Нижний в конце октября 1611 года, ведя с собой дорогобужских и рязанских служилых людей, также изгнанных Заруцким из их новых поместий.

Ясное дело, что весь Нижний встретил князя Димитрия Михайловича с великой честью, причем для ополченских дел им было составлено особое от городского управления правительство, которое должно было заменить как московское боярское правительство в осажденном Кремле, так и подмосковное казачье. Городом же по-прежнему управляли воеводы: князь В. А. Звенигородский, дворянин А. С. Алябьев и дьяк В. Семенов, действуя вполне единодушно с князем Димитрием Ми-

хайловичем.

Прежде всего, Пожарский распорядился об обеспечении ратных людей жалованьем, назначив им от 30 до 50 рублей в год, что по тем временам составляло весьма большие деньги. Затем он завел усиленную пересылку с поморскими и понизовыми городами о помощи для очищения Московского государства – ратниками и казною, и предлагал им прислать в Нижний выборных людей для «Земского совету», причем в рассылаемых грамотах неизменно высказывалось твердое желание отделить свое дело от казаков.

Все, кому были дороги православие и земский порядок по заветам отцов, откликнулись на призыв Пожарского: «Первое приидоша коломничи, потом рязанцы, потом же из украинских городов многие люди и казаки и стрельцы, кои сидели на Москве при царе Василье. Они же им даваша жалованье. Богу же призревшу на ту рать и даст меж ими совет велий и любовь, что отнюдь меж ими не быше вражды никакие».

Кроме Нижнего, важное значение во всем Понизовье имела также Казань, которая, как

мы видели, раньше других городов, после убиения Прокофия Ляпунова, начала писать призывы, чтобы стать всем за Московское государство и не принимать к себе казаков. Но казанский воевода Морозов отсутствовал из города и находился с ополчением от земли под Москвой, причем он как-то поладил с казаками и остался с ними, а городом вместо него управлял дьяк Никанор Шульгин, который, завидуя почину нижегородцев, стал теперь отводить казанцев от общего дела.

Ввиду этого Пожарский и «Земский совет» снарядили в Казань целое посольство во главе с протопопом Саввою и стряпчим Биркиным; посольство это имело успех, и казанцы примкнули к нижегородцам. Таким образом, великое дело, задуманное Козьмой Мининым и проведенное им в жизнь при помощи нижегородского протопопа Саввы и князя Д. М. Пожарского, стало быстро приносить свои плоды.

Между тем, в конце января 1612 года боярскому правительству, сидевшему в Кремле под рукой поляков, осажденных, в свою очередь, казаками, удалось отправить грамоту в

Кострому и Ярославль, увещая жителей оставаться верными царю Владиславу и не иметь никакого общения с казаками.

«Сами видите, – писали бояре, – Божию милость над великим государем нашим, его государскую правду и счастье: самого большого заводчика Смуты, от которого христианская кровь начала литься, Прокофья Ляпунова, убили воры, которые с ним были в этом заводе, Ивашка Заруцкий с товарищами, и тело его держали собакам на съеденье на площади три дня. Теперь князь Димитрий Трубецкой да Иван Заруцкий стоят под Москвой на христианское кровопролитие и всем городам на конечное разоренье: ездят от них из табора по городам беспрестанно казаки, грабят, разбивают и невинную кровь христианскую проливают... а когда Ивашка Заруцкий с товарищами Девичий монастырь взяли, то они церковь Божию разорили и черниц – королеву, дочь князя Владимира Андреевича, и Ольгу, дочь царя Бориса, на которых прежде и взглянуть не смели, ограбили донага, а других бедных черниц и девиц грабили... А теперь вновь те же воры – Ивашка Заруцкий с това-

рищами, государей выбирают себе таких же воров-казаков, называя государскими детьми: сына калужского вора, о котором и поминать не пригоже; а за другим вором под Псков послали таких же воров и бездушников, Казарина Бегичева да Нехорошка Лопухина с товарищами, а другой вор, также Димитрий, объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который Калужского убил... А великий государь Жигмонт-король с большого сейма, по совету всей Польской и Литовской земли, сына своего, великого государя королевича Владислава, на Владимирское и Московское государство отпустил и сам до Смоленска его провожает со многой конной и пешей ратью, для большего успокоения Московского государства, и мы его прихода к Москве ожидаем с радостью...»

В этой постыдной грамоте седмочисленных московских бояр истина была перемешана с ложью: Сигизмунд не думал отпускать сына в Москву, но сам действительно собирался идти на нее походом; правду говорили бояре и о казачьих насильствах, а также и о том, что казаки завели сношения с псковским

вором Сидоркой. Посланный к нему Бегичев не постыдился тотчас же воскликнуть, увидя его: «Вот истинный государь наш Калужский», – а затем, 2 марта, весь подмосковный казачий стан с Заруцким и Трубецким во главе целовали крест Сидорке – «истинному государю Димитрию Ивановичу».

Вместе с тем казаки, встревоженные известиями об успехах ополчения Пожарского и о рассылаемых им грамотах, в которых он не стеснялся называть их ворами, решили овладеть Ярославлем и заволжскими городами, чтобы отрезать Нижний от поморских городов, и снарядили для этого отряд атамана Просовецкого. Но ярославцы тотчас же дали знать в Нижний о приходе к ним «многих» казаков, за которыми следует и сам Просовецкий.

Сведения эти заставили поспешить Пожарского с выступлением и изменить свое первоначальное решение: идти через Суздаль прямо к Москве. Теперь, раньше чем выгнать поляков из Кремля, предстояло, так или иначе, покончить с казаками. Князь Димитрий Михайлович тотчас же выслал передовой отряд

князя Лопаты-Пожарского к Ярославлю, которому удалось занять город до подхода Просовецкого и засадить в тюрьму найденных в нем казаков.

Следом за Лопатою-Пожарским двинулись, напутствуемые благословениями духовенства и горячими пожеланиями жителей, главные силы нижегородского ополчения, под начальством самого князя Димитрия Михайловича, с которым выступил и «выборный человек», Козьма Минин, в качестве заведующего всей казной. Пользуясь еще стоявшим зимним путем, Пожарский пошел по правому берегу Волги на Балахну, Юрьевец, Кинешму и Кострому; в последний город Пожарского не хотел впускать воевода Иван Шереметев, присягнувший королевичу Владиславу, но костромичи схватили Шереметева и хотели его убить; только заступничество князя Димитрия Михайловича спасло Шереметева от смерти.

Из Костромы Пожарский выслал отряд для занятия Суздаля, чтобы казаки «просовецкие Суздалю никакие пакости не сделали», и, усилившись прибывшими ополченцами из мно-

гих поволжских городов, подошел, около 1 апреля, к Ярославлю. Здесь он решил сделать продолжительную остановку: надо было окончательно образовать свою рать, определить отношения к казакам и, наконец, создать прочную правительственную власть над всем государством, начало чему, как мы видели, было еще положено в Нижнем.

По прибытии в Ярославль Пожарский и Минин, вместе с бывшими с ними воеводами, тотчас же получили Троицкую грамоту, в которой Дионисий и старцы уведомляли о новом воровстве казаков под Москвой: «По злому воровскому казачью заводу, затеяли под Москвой в полках крестное целование: целовали крест вору, который во Пскове называется царем Дмитрием», причем в грамоте добавлялось, очевидно, чтобы смягчить вину Трубецкого, большого благоприятеля Авраамия Палицына, что «боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и дворян и детей боярских и стрельцов и московских жилецких людей привели ко кресту неволею, такоже целовали крест, по их воровскому заводу, бояся от них смертного убивства; да и нам то ведомо,

боярин князь Дмитрий Тимофеевич и дворяне и дети боярские целовали неволею, и нынеча он, князь Дмитрий, у тех воровских заводцов живет в великом утеснении, а радеет соединенья с вами».

Вместе с тем троицкие власти сообщали скорбную новость о кончине «твердого адманта и непоколебимого столпа» патриарха Гёрмогена. Летописец рассказывает, что поляки и московские изменники, услышав о сборе нижегородского ополчения, отправились в заточение к патриарху и потребовали, чтобы он послал грамоту о его роспуске. «Он же, новый великий государь исповедник, рече им: «Да будет те благословени, которые идут на очищение Московского государства; а вы, окаянные московские изменники, будете прокляты». И оттоле начата морити его голодом и умориша его голодною смертию, и предаст свою праведную душу в руке Божий в лето 7120 (1612) году, месяца Февраля в 17 день, и погребен бысть на Москве в монастыре Чуда Архистратига Михаила». По одному же польскому известию, великий святитель земли Русской был удушен.

Получив известия о событиях под Москвой, Пожарский и состоявший при нем «Земский совет» разослали 7 апреля грамоты «о всеобщем ополчении городов на защиту Отечества, о незаконной присяге князя Трубецкого, Заруцкого и казаков новому самозванцу и о скорейшей присылке выборных людей в Ярославль для Земского совета и денежной казны на жалованье ратным людям». В грамоте этой сообщалось, между прочим, что «старые же заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили в Тушине лжеименитому царю, умысля своим воровством с их начальником, с Иваном Заруцким... Прокофья Ляпунова убили, и учили совершати вся злая, по своему казацкому воровскому обычаю... Да и из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкой, и атаманы и казаки, к нам и по всем городам писали, за своими руками, что они целовали крест на том, что им без совету всей земли Государя не выбирать, а вору, который ныне во Пскове, и Марине и сыну ее не служите; ныне же, позабыв свое крестное целование, целовали крест вору Сидорку, имянуя его бывшим своим ца-

рем... Как сатана омрачи очи их!

При них Колужской их царь убит и безглавен лежал всем на видение шесть недель, и отом они из Колуги к Москве и по всем городам писали, что их царь убит, и про то всем православным христианам ведомо. И ныне, господа, мы все православные христиане, общим советом, сослався со всею землею, обет Богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорку, и Марине и сыну ее не служитьи и против врагов и разорителей веры христьянской, польских и литовских людей, стояти в крепости неподвижно. И вам, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную христьянскую веру, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам, в нынешнее конечное разорение, быти не бестосударным; чтобы нам, но совету всего государства, выбрати общим советом Государя, кого нам милосердый Бог, по праведному своему человеколюбию, даст... И по всемирному своему совету пожаловати б вам прислати к нам, в Ярославль, изо всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписати, за своими руками. Да отписати б, господа, вам

от себя под Москву, в полки, к боярам и ко всем служивым людям, чтоб они от вора от Сидорка отстали, и с нами и со всей землею тем розни не чинили, и крови в государстве не всчинали и были по-прежнему в соединенье, а под Москвой стояли безотступно...»

Под приведенной грамотой подписались все начальные люди. При этом, несмотря на то, что Пожарский был вождем ополчения, он из скромности подписался только десятым, уступая место людям более сановитым; на пятнадцатом же месте начертано: «В выборного человека всею землею, в Козмино место Минине князь Дмитрий Пожарский руку приложил». Очевидно, великий нижегородский муж не был обучен грамоте.

Выборные люди по приглашению Пожарского и его товарищей прибыли из городов в Ярославль к лету и составили, таким образом, «Совет всея земли», причем высшая власть была вверена в руки «синклита», из князя Дмитрия Михайловича и двух воевод ополчения, имевших боярское звание, В. П. Морозова и князя В. Т. Долгорукого; синклит этот назывался также «Бояре и воеводы». Вместе с

тем образовано было и церковное управление, «Освященный Собор», во главе которого был поставлен пребывавший на покое старый ростовский митрополит Кирилл. Затем были образованы и некоторые приказы.

Как мы видели из грамоты от 7 апреля, Пожарский с товарищами, правильно оценив положение, занятое казаками в Московском государстве, просили города образумить их, чтобы они отстали от воровства и были бы заодно со всем земским ополчением. Но казаки от воровства не отстали, и ярославскому правительству пришлось действовать против них силою: в Углич и Пошехонье, занятые казаками, были посланы отряды князей Черкасского и Лопаты-Пожарского, которые не замедлили нанести им поражение; после этого многие из казаков тотчас же отстали от воровства и соединились с земским ополчением. Затем были отогнаны также черкасы, или запорожские казаки, от Антониева монастыря в Бежецком уезде и один из отрядов Заруцкого – от Переяславль-Залесского.

В то время когда рать Пожарского стояла в Ярославле, шведы захватили уже Тихвин.

Чтобы сосредоточить все свои силы против поляков, находившихся в Москве, и удержать шведов от дальнейших действий на нашем Поморье, «Советом всея земли» решено было занять их переговорами, для чего из Ярославля было отправлено в Новгород к Якову Деллагарди посольство Степана Татищева, которое должно было заключить со шведами мир и поднять вопрос об избрании на Московское государство шведского королевича, при условии, что последний крестится в православную веру. «А писаху к ним для того и посылаху, – говорит летописец, – как пойдут под Москву на очищенье Московского государства, чтоб немцы не пошли воевати в поморские города».

Новгородский воевода князь Одоевский и Деллагарди объявили Татищеву, что они сами снарядят посольство в Ярославль, и при этом сообщили, что в Новгороде уже ожидается брат нового шведского короля, столь знаменитого впоследствии Густава Адольфа, – королевич Карл Филипп, изъявивший желание креститься в православную веру и сесть у них государем. Степан Татищев, вернувшись в

Ярославль, объявил воеводам, «что отнюдь в Новгороде добра нечево ждати».

6 июня в Ярославль прислали повинную грамоту князь Димитрий Трубецкой и Иван Заруцкий от имени всех казаков, в которой каялись, «что своровали, целовав крест Сидорке – псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой вор, отстали от него и целовали крест вперед другого вора не затевать и быть с земским ополчением во всемирном совете». Это была, конечно, важная победа над казаками, хотя, как увидим, они далеко не искренно шли на мировую с «последними людьми» Московского государства.

Между тем в самом земском ополчении тоже стала рознь. Знакомый нам Иван Биркин привел рать из Казани и, как человек завистливый, начал заводить ссоры между начальниками. Только престарелому митрополиту Кириллу, после отъезда Биркина из-под Ярославля, удалось вновь умирить всех военачальников.

В конце июля к Пожарскому и его товарищам прибыло посольство из Новгорода, «с тем что быти Московскому государству в со-

единении вместе с Новгородским государством и быть б под одним государем, а они избрали на Новгородское государство свицкого королевича Филиппа». На это заявление Пожарский пристыдил прибывших словами: «При прежних великих государях послы и посланники прихаживали из иных государств, а теперь от Великого Новгорода вы послы! Искони, как начали быть государи на Российском государстве, Великий Новгород от Российского государства отлучен не бывал; так и теперь бы Новгород с Российским государством был по-прежнему».

Затем князь Димитрий Михайлович подробно рассказал послам, какие великие неправды учинил король Сигизмунд, к которому обратились московские люди для избрания его сына, и скромно заявил, что он только потому стал во главе движения против поляков, что люди, более его достойные, большие послы, отправленные под Смоленск, находятся в польском плену, где «от нужды и бесчестья, будучи в чужой земле, погибают...»

«Надобны были такие люди в нынешнее время: если бы теперь такой столп князь Ва-

силией Васильевич (Голицын) был здесь, то за него бы все держались, и я за такое великое дело мимо его не принялся бы; а то теперь меня к такому делу бояре и вся земля силою приневолили. И, видя то, что сделалось с литовской стороны, в Швецию нам послов не посылать и государя не нашей православной веры Греческого закона не хотеть».

Горячее слово Пожарского встретило живой отклик в сердцах новгородских послов; их представитель, князь Феодор Оболенский, с чувством отвечал ему: «Мы от истинной православной веры не отпали, королевичу Филиппу Карлу будем бить челом, чтобы он был в нашей православной вере Греческого закона, и за то хотим все помереть: только Карл-королевич не захочет быть в православной христианской вере Греческого закона, то не только с вами, боярами и воеводами, и со всем Московским государством вместе, хотя бы вы нас и покинули, мы одни за истинную нашу православную веру хотим помереть, а не нашей, не греческой, веры государя не хотим».

После этого между вождями нижегород-

ского ополчения и новгородскими послами утвердилось, конечно, полное единение, добрый совет и любовь. Решено было в Швецию послов не слать, но, чтобы не разрывать с ними, написать в Новгород «к Якову Пунтусову: буде королевич креститца в православную христианскую веру Греческого закона, и мы ему все ради». Таким образом, нижегородское ополчение обеспечило на время северные области государства от неприязненных покушений со стороны шведов и получило возможность двинуться к Москве для очищения царствующего града от польских и литовских людей.

Но под Москвой стояли еще и казаки. Подписавшись с остальной «атаманьей» на грамоте, где казаки каялись в том, что своровали, вору Сидорке крест целовали, злодей Заруцкий стал затем думать со своими советниками, «хотяше тот сбор блоноручной разорити... како бы убити в Ярославле князя Дмитрея Михайловича Пожарского».

С этой целью в Ярославль были подсланы убийцы, казаки Обреска да Степанка, нашедшие себе сообщников и среди Нижегородско-

го ополчения. Случай скоро представился для их замысла.

Однажды Пожарский стоял у дверей съезжей избы и смотрел пушечный наряд, отправляемый к Москве. Пользуясь теснотой, казак Степанка «хоте ударити ножом по брюху князя Дмитрея, хотя его зарезати». Но, как примечает летописец, «которого человека Божия десница крыет, кто его может погубити?»

Пожарского поддерживал под руку казак Роман. По-видимому, князь не мог еще ходить без посторонней помощи от полученных ран во время боя с поляками при сожжении ими Москвы. «Мимо же князь Дмитреева брюха минова нож и перереза тому казаку Роману ногу». Он повалился и застонал. В тесноте Пожарский и не заметил, что на него было совершено покушение, а подумал, что Романа притиснула толпа. Но другие обратили внимание, что Степанка пытался его зарезать, крикнули: «Тебя, князь, хотят убить!» – и схватили убийцу, после чего стали его пытаться. «Он же все рассказаше и товарищей своих всех сказа». Их тоже схватили и затем вывели перед всей ратью. «Они же предо всей

ратью винишася, и их отпустиша. Князь Дмитрий же не дал убить их».

Так великодушно простил злодеев за свою личную обиду благородный Пожарский.

По-видимому, почти тотчас же вслед за этим случаем, из-под Москвы прибыли посланные Трубецкого и Заруцкого с вестями, что гетман Хоткевич движется к ней, на выручку засеvшему в Кремле польскому гарнизону. Медлить было нельзя. Но, конечно, нижегородское ополчение двинулось к стольному граду с очень тяжелым чувством, под влиянием только что совершенного покушения, памятуя также убийство Прокофия Ляпунова и другие обиды и воровские дела казаков.

Передовой отряд немедленно выступил из Ярославля под начальством Михаила Самсоновича Дмитриева и Феодора Левашева. Пожарский приказал им при подходе к столице в казачьи таборы отнюдь не входить, а стать отдельно у Петровских ворот, поставив здесь острожок. За ними двинулся наспех и другой отряд — князя Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского и Семейки Самсонова; им также велено было стать отдельно от каза-

ков – у Тверских ворот.

Отдельно же от казаков расположились под Москвой и отряды от украинских городов, выступивших на выручку царствующего града по призыву нижегородского ополчения. Эти украинские отряды терпели великую тесноту от казаков и отправили в Ярославль своих посланцев, Кондырева и Бегичева, с просьбой, чтобы земская рать шла как можно скорее.

«И вот, – говорит И. Е. Забелин, – здесь в ярком свете обнаружилось разногласие полков подмосковных (собранных без должного руководства и попечения и без всякого хозяйства) от тех, которые шли из-под Нижнего с Козьмою Мининым. Пришли посланцы в Ярославль и увидели милость Божию: ратных людей пожалованных и во всем устроенных. Помянули свое утеснение от казаков и горько заплакали. Сквозь многих слез не могли и слова вымолвить. Воеводы и многие ратные, которым они прежде были знакомы, теперь едва их узнавали и сами плакали, видя их скорбь и нужду. Бедняков одарили жалованьем (деньгами) и сукнами на одежду и отпу-

стили с вестью, что идут скоро».

Действительно, надо думать, что Пожарский с главной ратью выступил из Ярославля уже 27 июля, то есть на другой день после заключения договора с новгородскими послами.

Отойдя 29 верст от города, он отпустил рать дальше к Ростову с Козьмой Мининым и князем Хованским, а сам с малой дружиной направился в Суздаль в Спасо-Ефимиевский монастырь, чтобы, по обычаю всех русских людей, готовящихся на великое и святое дело, помолиться и утвердиться у гробов своих родителей. Затем Пожарский прибыл к Ростову, где стояла уже рать, и отсюда он вместе с ней двинулся дальше по дороге к Троице-Сергиевой Лавре. По всем данным, именно в это время он и Козьма Минин получили благословение борисоглебского затворника, преподобного Иринарха, вручившего им для укрепления Нижегородского ополчения и одоления врагов свой медный поклонный крест.

Движение земской рати к столице произвело великое смущение в московских таборах под Москвой. Часть «атаманьи» прибыла в Ро-

стов «для разведки, нет ли какого злого умысла над ними», и были, разумеется, отлично приняты Пожарским и Мининым, которые одарили их «деньгами и сукнами».

Но Заруцкий не хотел вступать в какие бы то ни было соглашения с ненавистной ему Земщиной. 28 июля он побежал из-под Москвы: «И, пришед на Коломну, Маринку взяша и с Ворёнком, с ее сыном, и Коломну-град выграбиша», после чего отправился в рязанские места «и там многу пакость делаша». Трубецкой же с товарищами остался под Москвой, в ожидании подхода рати Пожарского, причем против последней в казачьих таборах продолжало господствовать далеко не дружелюбное настроение.

Тем временем, послав с пути от Ростова отряд на Белоозеро для обеспечения себя со стороны шведов, «князь Дмитрий же Михайлович Пожарский и Кузьма да с ними вся рать, поидоша от Переяславля к Живоначальной Троице и приидоша к Троице». Это было 14 августа. «Власти же его и воеводы встретиша с великой честью. И сташа у Троицы, меж монастыря и слободы Клементьевской, а к

Москве же не пошел, для того чтобы укрепиться с казаками, чтобы друг на друга никакого бы зла не умышляли».

Однако вслед за тем к Троице прибыли новые тревожные вести, «что гетман Хоткеев вскоре буде под Москву». Поэтому Пожарский решил двинуться немедленно к столице, не ожидая договора с казаками, и тотчас же выслал вперед князя Туренина, приказав стать ему у Чертольских ворот.

«Сам же князь Дмитрий и Кузьма и все ратные люди того же дни после отпуску князя Василия Туренина пеша молебны у Живоначальныя Троицы и у преподобных чудотворцев Сергия и Никона и взяша благословение у архимандрита Дионисия и у всей братии, поиде с монастыря.

Архимандрит же Дионисий со всем Собором взяша икону Живоначальныя Троицы и великих чудотворцев Сергия и Никона и честной крест и святую воду, поидоша за пруды и стаха на горе Московские дороги. Начальники же и все ратные люди быша в великой ужаси, како на таковое великое дело итти». Сильный встречный ветер со стороны Моск-

вы дул выступавшему ополчению прямо в лицо, и это принято было всеми как крайне дурная примета. Но вдруг, к великой радости ратных людей, «в мгновение же ока преврати Бог ветр, и бысть в тыл всей рати, яко едва на лошадях сидяху: таков приде вихорь велий... и отложиша страх все ратные люди и охрабришася, идяху к Москве, все радуящеся. И обещахуся все, что помереть за Дом Пречистыя Богородицы и за православную христианскую веру».

Вечером 19 августа ополчение подошло к Москве и, заночевав в пяти верстах от нее на реке Яузе, выслало разъезды к Арбатским воротам, чтобы выбрать места для стоянки. Оставшийся, после ухода Заруцкого, старшим среди атаманов князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой беспрестанно присылал к Пожарскому и «зваше к себе стояти в таборы». Но «князь Дмитрий же и вся рать отказаша, что отнюдь тово не быти, что нам стать вместе с казаками».

Утром 20-го числа Пожарский со своими ратными людьми подошел к стенам столицы. Трубецкой с казаками вышел ему навстречу и

снова стал звать к себе в таборы к Яузским воротам, на восточной стороне города. Но Пожарский опять отказался, «что отнюдь вместе с казаками не стаивать», и расположился на западной стороне Москвы, откуда и ожидался Хоткевич: «ста у Арбацких ворот и уставишася по станом подле Каменного города, подле стены, и сделаша острог и окопаша кругом ров, и едва укрепитися уснеша до гетманского приходу. Князь Дмитрий же Тимофеевич Трубецкой и казаки, – говорит летописец, – начата на князь Дмитрея Михайловича Пожарского и на Кузьму и на ратных людей нелюбовь держати за то, что к ним в таборы не пошли».

«С какой целью, – спрашивает по этому поводу И. Е. Забелин, – Трубецкой звал ополченые стоять в своих таборах у Яузских ворот, с восточной стороны города, когда было всем известно, что Хоткевич идет с запасами по Можайской дороге, с запада, и, следовательно, легко может пробраться прямо в Кремль, куда назначались запасы. Явно, что здесь крылась измена, доброжелательство к полякам... Видимо, что Трубецкой все еще думал о

королевиче или о короле и вовсе не думал очищать государство от поляков».

Конечно, Пожарский предвидел все трудности, какие ему предстоят под Москвой; поэтому, всячески желая избежать ссор с казаками и укрепить их на предстоящий подвиг, он еще 29 июля, от имени всего ополчения, просил казанского митрополита Ефрема, оставшегося после мученической кончины патриарха Гермогена старшим среди русских святителей, поставить как можно скорее крутицким митрополитом (в Москве) игумена Сторожевского монастыря Исайю, который и должен был быть посредником и примирителем между земскими ратными людьми и казаками; пока же, до прибытия Исайи, таковым посредником являлся ловкий келарь Троице-Сергиевой Лавры Авраамий Палицын, умевший, как мы говорили, снискать себе приятелей среди «атаманьи» и особенно друживший с Трубецким.

Вечером 21 августа Хоткевич подошел к Москве и стал на Поклонной горе. Он привел с собой, вероятно, не более четырех или пяти тысяч человек поляков, венгров и черкас.

Немного осталось поляков и в Кремле. Еще в конце 1611 года они послали сказать королю, что, ввиду неприсылки им жалованья, они не останутся в Москве дольше 6 января 1612 года, и действительно большинство из них покинуло ее. В ней оставались только часть бывших сапежинцев и отряд, присланный из Смоленска Яковом Потоцким. Старшим начальником в Кремле, вместо убитого из него Гонсевского, был назначен пан Николай Струсь.

В польских войсках, как обычно, шли большие нелады. Потоцкий враждовал с Хоткевичем, и Струсь, племянник Потоцкого по жене, был назначен начальником польских войск в Москве, главным образом с целью мешать гетману. Поэтому, сами по себе, поляки вовсе не представляли Нижегородскому ополчению большой опасности. Неизмеримо опаснее была вражда со стороны казаков, которая и не замедлила тотчас же сказаться, как только начался, на рассвете 22 августа, бой с подошедшим Хоткевичем.

По уговору с Трубецким, Пожарский поставил свои войска на левом берегу Москвы-ре-

ки у Новодевичьего монастыря, а казаки расположились на правом – у Крымского двора. Затем Трубецкой прислал сказать Пожарскому, что ему необходимо несколько конных сотен; ввиду этого последний тотчас же выбрал пять лучших своих сотен и отправил их Трубецкому; в данном случае Пожарский поступил так, как и надлежит всегда поступать в бою двум соседям, всячески оказывая друг другу взаимную помощь и выручку.

Но далеко не так держал себя Трубецкой. В первом часу по восходе солнца Хоткевич перешел Москву-реку у Новодевичьего монастыря и затем всеми силами завязал жаркий бой с ополчением Пожарского, продолжавшийся до восьмого часа; поляки из Кремля сделали за день тоже две вылазки в тыл русским войскам, бившимся с гетманом. При этом Хоткевич был особенно силен приведенными им с собою отлично обученными конными полками, а у Пожарского, как мы видели, пять лучших конных сотен были как раз переведены на другой берег Москвы-реки к Трубецкому.

К вечеру дело стало принимать дурной

оборот для Нижегородского ополчения: Хоткевич оттеснил его к Чертольским воротам, и только вылазки поляков из Кремля были отражены нашими с успехом.

«Что же в это время делал Трубецкой со своими казаками? – вопрошает И. Е. Забелин. – А боярин князь Д. Т. Трубецкой, говорит сам Авраамий (Палицын), – продолжает он, – «...со всеми своими полки тогда стоял за Москвою-рекою у Пречистыя Богородицы Донские...» Для чего же он туда забрался, когда оттуда же должен был видеть горячую битву Пожарского с гетманскими полками и очень легко мог ударить в тыл этим полкам от Крымского брода, так как битва кипела у Пречистенских ворот. Но не у Донского монастыря, как погрешает старец (Авраамий), а именно за рекою, у Крымского двора перед Крымским бродом и стоял Трубецкой... И так бился Пожарский одними своими конными. От Трубецкого ни один не вышел на помощь. Казаки только, как псы, лаяли и поносили нижегородцев, приговаривая: «Богаты и сыты пришли из Ярославля и одни могут отбиться от гетмана». Трубецкой не выпускал в бой да-

же и присланных сотен. Не ясен ли был его умысел обессилить Пожарского, и именно конным войском, когда у Хоткевича только конные и были».

Однако головы тех конных сотен, которые были посланы Пожарским к Трубецкому, не смогли отнестись равнодушно к тому, чтобы поляки теснили их братьев на другом берегу реки: «Головы же те, кои посланы ко князю Дмитрею Трубецкому, видя неизможение своим полкам, – говорит летописец, – а от него (Трубецкого) некоторые помочи нету, и поидоша от него из полку без повеления скорым делом. Он же не похоте их пустить. Они же его не послушаша, поидоша в свои полки и многую помощь учиниша».

Загорелись негодованием на предательское поведение Трубецкого и русские сердца некоторых из подвластной ему «атаманьи». «Атаманы ж Трубецкого полку: Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов, Макар Козлов поидоша самовольством на помочь, и глаголаху князю Дмитрию Трубецкому, что «в вашей нелюбви Московскому государству и ратным людем пагуба становитца?»

И приидоша на помочь ко князю Дмитрию в полки и по милости всещедрого Бога гетмана отбиша и многих литовских людей побита».

Отбитый Хоткевич отступил к Поклонной горе, но ночью какой-то изменник Гриша Орлов прошел в Москву, проведя с собой 600 гайдуков.

23 августа гетман переводил свои войска на другой берег Москвы-реки к Донскому монастырю, чтобы вести наступление со стороны Замоскворечья. Поэтому в этот день был бой только с поляками, сидевшими в Кремле; они сделали удачную вылазку и, взяв русский острожок у церкви святого Георгия (в Яндове), распустили на колокольне польское знамя.

Переведя свои войска на другой берег Москвы-реки, Хоткевич, вероятно, рассчитывал, что казаки не будут биться крепко, а Пожарский, в отместку за их бездействие 22 августа, помощи им не окажет и останется на левом берегу реки.

Однако сообразительный гетман ошибся. Пожарский не последовал примеру Трубецкого и, видя, что поляки перешли на правый берег Москвы-реки, сам поспешил с большею

частью своего войска перейти туда же, оставив на левом берегу лишь обоз и свой казацкий отряд в острожке у церкви святого Климента на Пятницкой.

Бой в Замоскворечье закипел с рассветом 24 августа. Пожарский выдвинул против Хоткевича «сотни многие», а воевод, прибывших из Ярославля, поставил вдоль рва, шедшего вокруг сожженного деревянного города в Замоскворечье. «Трубецкой, со своей стороны, – говорит И. Е. Забелин, – вышел и стал от Москвы-реки, от Лужников, т. е. у Троицы в Лужниках, где кожевники, стало быть, на таком месте, которое оставалось вдали от дорог, где должен был идти гетман, направляясь от Донского монастыря. Трубецкому следовало встретить его от Серпуховских ворот, а он стал в версте от них».

При этих обстоятельствах главный удар Хоткевича обрушился опять на войска Пожарского; произошла жестокая сеча: «етман же, видя против себя крепкое стояние московских людей, и напусти на них всеми людьми, сотни и полки все смяша, и втоптал в Москву-реку. Едва сам князь Дмитрий с полком

своим стоял против их. Князь Дмитрий же Трубецкой и казаки все поидоша в таборы».

Скоро был взят и острожок у святого Климента вышедшими из Кремля и Китай-города поляками, которые тотчас же водрузили на церкви польское знамя.

Дело Нижегородского ополчения казалось на этот раз, благодаря безучастному поведению Трубецкого и казаков, проигранным окончательно. «Людие же сташа, – говорит летописец, – в великой ужаси и посылаху к казакам, чтобы соопча промышляти над гетманом. Они же отнюдь не помогаху...»

Тут вмешивается в дело, по собственному его рассказу, старец Авраамий Палицын. В своем «Сказании» он говорит, что, «видев же сия бываемая злая, стольник и воевода, князь Дмитрий Михайлович Пожарской, и Козьма Минин, и в недоумении быша. И послаша князя Дмитрея Петровича Лопату к Троицкому келарю, старцу Авраамию, зовуще его в полки к себе», после чего, по словам Палицына, он отправился уговаривать казаков, сперва к находившимся у Климентьевского острожка, а затем и в таборы, где многие уже

пили и играли в зернь, и так подействовал на них своим горячим словом, что казаки умилились душой и с кликами: «Сергиев, Сергиев!» – бросились в битву и начали всюду избивать польских и литовских людей, чем повернули уже окончательно проигранное дело в нашу пользу. Таким образом, по словам Палицына, вся заслуга в воздействии на казаков, а стало быть и победа над Хоткевичем, принадлежала исключительно ему одному. В действительности, однако, это было, по-видимому, не так.

«Другой Троицкий келарь, – говорит И. Е. Забелин, – современник и ученик архимандрита Дионисия... Симон Азарьин, не менее, если не более Авраамия, любивший свой монастырь, но не столько, как Авраамий, любивший свою особу, рассказывает о тех же обстоятельствах гораздо правдивее. Он пишет, что воинство христианское обоих полков несогласно было, друг другу не помогали, но действовали каждый полк особо, и именно казаки не только не помогали, но и похвалялись разорить дворянские полки. Слыша это, архимандрит Дионисий и келарь Авраамий поспе-

шили в Москву и вместе с Козьмою стали умолять казаков и многим челобитьем привели их в смирение, утешая при этом обои полки пищею и питием, и таким образом привели их в братолюбие. А главное, обещали казакам всю Сергиеву казну отдать, если постоят, и поможет им Господь, указывая, что если не постоят и враги одолеют, то и все будет разграблено. Казаки за это с радостью обещались за веру Христову стоять и головы свои положить... Склонившись на обещания казны, казаки поднялись и, согласившись с полками Пожарского, двинулись против гетмана вместе с обеих сторон. Первым делом был взят острожок Климентовский, причем одних венгров было побито 700 человек. Потом пешие засели по рвам, ямам и крапивам, где только можно было поспрятаться, чтобы не пропустить в город польских запасов. Однако большой надежды на успех не было ни в ком».

Наступил вечер. С той и другой стороны раздавались звуки выстрелов и слышалось пение молебнов, непрерывно служившихся во всех московских полках. Русские люди –

«всею же ратию начаша плакати и пети молебны, чтобы Московское государство Бог избавил от погибели, и обрекошася всею ратью поставити храм во имя Сретения Пречистыя Богородицы и святого апостола и евангелиста Ивана Богослова да Петра-митрополита, московского чудотворца».

Жаркая молитва «последних людей» Московского государства была услышана, причем в неисповедимых путях Господа Ему угодно было даровать им победу – рукой того, кто в великом возмущении своего духа от скорбей, переживаемых Родиной, первый поднял голос на всеобщее вооружение против ее врагов. Козьма Минин неожиданно подошел к князю Пожарскому и стал просить у него ратной силы, чтобы ударить на поляков. «Берикого хочешь», – отвечал ему на это Пожарский.

Тогда, исполненный воинского духа, Козьма взял три дворянские сотни и перешедшего на нашу сторону поляка, «рохмистра Хмелевского», и во главе их смело ударил на стоявшие у Крымского брода конную и пешую сотни Хоткевича. Это решило участь дня, а вме-

сте с тем и судьбу всех дальнейших событий. Пехота, видя блистательный успех Минина, «из ям и из кропив поидоша тиском к таборам. Конные же все напустиша. Етман же, покинув многие коши и шатры, побежа из табор». Воодушевленные победой, наши ратные люди рвались преследовать поляков.

«Начальники же их не пустиша за ров, глаголаху им, что не бывает в один день две радости, и то сделалось помощью Божию. И повелеша стреляти казакам и стрельцам, и бысть стрельба на два часа, яко убо не слышати, кто что говоряше. Огню же бывшу и дыму, яко от пожару велия; гетману же, бывшу в великой ужаси, и отойде к Пречистой Донской, и стояше всю ночь на конех. Наутрие же побегоша от Москвы. Срама же ради своего прямо на Литву поидоша». Так отразило Нижегородское ополчение гетмана, не допустив снабдить его припасами поляков, сидевших в Кремле и Китай-городе.

Но доблестные вожди этого ополчения предвидели еще немало дела и впереди.

Архимандрит Дионисий с соборными старцами Троицкой Лавры, во исполнение обеща-

ния, данного казакам, отправили им в заклад в тысячу рублей сокровища святого Сергия – ризы церковные, епитрахили, Евангелия в окладах и церковную утварь. Когда казаки увидели эту посылку, то их православные сердца дрогнули. Они поспешили вернуть ее в монастырь и отправили в него грамоту, обещающая все претерпеть, но от Москвы не отходить.

Труднее было уладить дело с вождями казачьего ополчения: спесивый князь Димитрий Трубецкой, как боярин, хотя и воровской, требовал, чтобы Пожарский и Минин ездили бы к нему в стан для совета. Земские же люди, памятуя судьбу Прокофия Ляпунова, отнюдь этого не хотели допустить.

Скоро Пожарский вынужден был разослать грамоту по городам, в которой он извещал об отбитии Хоткевича от Москвы и сообщал о бывших тушинских воеводах, что «начал Иван Шереметев со старыми заводчиками всякого зла, с князем Григорием Шаховским, да с Иваном Плещеевым, да с князем Иваном Засекиным, атаманов и казаков научать на всякое зло» и подговаривать их, что-

бы они шли занимать города в тылу Нижегородского ополчения и затем «всех ратных людей переграбить и от Москвы отогнать».

Однако к началу октября казачьи воеводы увидели, что земские люди сильнее их; с своей стороны, Пожарский охотно уступал почет и первенство Трубецкому. Они согласились делать все дела сообща и съезжаться посредине между земским и казацким станами – на Неглинной – на Трубе, где и поставить приказы для решения всех государственных дел.

В конце октября или в начале ноября по городам была разослана новая грамота, уже от обоих воевод, о прекращении между ними всех распрей и о единодушном намерении их, вместе с выборным человеком Козьмою Мининым, освободить государство от врагов, с повелением во всем относиться к ним обоим и не верить грамотам одного из них: «Как Господа Божиею помощью и заступлением Пречистой Богородицы и умолением всех святых, – писали Трубецкой и Пожарский, – под Москвою гетмана Хоткеева мы побили, и коши многие у него взяли, и запасов в Москву к московским сидельцам не пропустили, и то

вам ведомо, и мы, бояре и воеводы, о том к вам писали; и были у нас посяместа под Москвой разряды разные, а ныне, по милости Божий, меж себя мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарской, по челобитью и по приговору всех чинов людей, стали во единчестве и укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства достигать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякие хитрости, и разряд и всякие приказы поставили на Неглинке, на Трубе, и снесли в одно место и всякие дела делаем заодно, и над московскими сидельцы промышляем: у Пушечного двора и в Егорьевском девиче монастыре и у Всех Святых на Кулишках поставили туры, и из-за туров из наряду (пушек) по городу бьем беспрестани, и всякими промыслы над городом промышляем и тесноту московским сидельцам чиним великую; и из города из Москвы выходят к нам выходцы, русские и литовские и немецкие люди, а сказывают, что в городе московских сидельцев из наряду побивает и со всякие тесноты и с голоду помирают, а едят-де литовские люди человечину, а хлеба

и иных никаких запасов ни у кого ничего не осталось; и мы, уповая на Бога, начаемся Москвы достигнуть вскоре».

Храбрый Струсь держался, однако, в Москве до последней крайности, и на предложение о сдаче поляки прислали гордый и грубый ответ, хотя голод среди них дошел уже до того, что один гайдук съел своего сына, а другой – свою мать; судья же, назначенный судить виновных, убежал, боясь, что они его съедят.

В подмосковный стан стали поступать в это время дурные вести: запорожцы, бывшие с Хоткевичем, отделились от него и, неожиданно напав на Вологду, «бессовестно, изгоном», дотла выжгли ее и разграбили. Упорно ходили также слухи, что Хоткевич хочет прислать отряд для нападения врасплох на подмосковные рати, вследствие чего наши воеводы приказали всему воинству плести плетеницы и копать большой ров на полуострове, образуемом Москвой-рекой в Замоскворечье, от одного берега до другого, причем сами день и ночь следили за работами.

Казаки были по-прежнему дурно снабже-

ны и голодали, глядя с большой злобой на земских людей, хорошо всем снабженных заботливою рукою Козьмы Минина.

22 октября казаки взяли приступом Китай-город. Поляки заперлись в Кремле и держались в нем еще месяц. Но, ввиду крайней нужды в продовольствии, они «повелеху боярам своих жен и всяким людем выпущати из города вон». Сильно озабоченные за судьбу своих семей, бояре отправили к Пожарскому и Минину просьбу, чтобы они их приняли под свою защиту. Те, конечно, обещали. «Князь Дмитрий же повеле им жен своих выпущати и пойте сам, и прият жены их чесно, и проводи их коюждо к своему приятелю, и повеле им давати корм. Казаки ж все за то князя Дмитрия хотеша убити, что грабить не дал боярынь».

Во второй половине ноября «литовские ж люди, видя свое неизможение и глад великий, и град Кремль сдавати начата». Они вступили в переговоры с Пожарским, прося о даровании им жизни, а также «полковникам же и рохмистрам и шляхтам, чтобы идти ко князю Дмитрию Михайловичу в полк Пожар-

скому, а к Трубецкому отнюдь не похотеша итти в полк».

Затем последовала сдача Кремля. Сперва из него были выпущены бояре, в том числе князь Ф. И. Мстиславский и совершенно больной Иван Никитич Романов, хромой и с отнятой рукою, что с ним случилось, как мы помним, еще во времена Годунова; вместе с Иваном Никитичем вышел из Кремля и его юный племянник Михаил Феодорович, сын Филарета Никитича, а также бывшая супруга последнего, инокиня Марфа Иоанновна, очевидно, не пожелавшая расстаться с сыном, когда выпускали других боярынь. Мать и сын отправились тотчас же в свои костромские вотчины. Когда казаки увидели выходящих бояр, то хотели кинуться их грабить, но были удержаны земскими ратными людьми, принявшими тех с подобающей им честью.

На следующий день сдались поляки; Струсь со своим полком достался казакам Трубецкого: они ограбили их дочиста, а многих побили. Поляки же, доставшиеся Пожарскому, не были никем тронуты.

27 ноября Нижегородское ополчение, от

церкви Иоанна Милостивого на Арбате, и казаки, от храма Казанской Богородицы за Покровскими воротами, двинулись двумя крестными ходами в Китай-город в сопровождении всех московских людей. Оба крестных хода сошлись на Красной площади у Лобного места, где доблестный Троицкий архимандрит Дионисий начал служить молебен; в это время из Кремля показался третий крестный ход, выходящий через Спасские ворота: архиепископ Архангельский Арсений с кремлевским духовенством, чтобы встретить своих освободителей, подняли икону Владимирской Божией Матери. При виде Ее чудотворного лика все присутствующие не могли удержаться от громких рыданий и радостных слез: многие потеряли уже всякую надежду когда-либо ее увидеть.

После молебна на Лобном месте все двинулись с крестами и образами в Кремль, чтобы отслужить обедню и молебен Пречистой в Успенском соборе; «здесь, – по словам С. Соловьева, – печаль сменила радость, когда увидели, в каком положении озлобленные иноверцы оставили церкви: везде нечистота, образа

рассечены, глаза вывернуты, престолы ободраны, в чанах приготовлена страшная пища – человеческие трупы».

«Сидение ж их бяше в Москве таково жестоко, – говорит летописец, – не токмо что собаки и кошки ядяху, но и людей русских побиваху. Да не токмо что русских людей побиваху и ядяху, но и сами друг друга побиваху и едяху. Да не токмо живых людей побиваху, но и мертвых из земли раскапываху: как убо взяли Китай, то сами видехом очима своима, что многие тчаны насолены быша человетчины».

После сдачи поляков «Трубецкой, по своему великородству», как говорит И. Е. Забелин, поселился в Кремле, в бывшем Годуновском дворе, скромный же Пожарский – на Арбате, в Воздвиженском монастыре, и усердно продолжал вместе с Мининым и земскими людьми заниматься делом дальнейшего успокоения государства.

«Когда русские взяли Кремль, – доносил Яков Делагарди королю Густаву-Адольфу в январе 1613 года, на основании расспросных речей некоего Богдана Дубровского, выехавшего из Москвы в половине декабря, – казаки хоте-

ли силою ворваться туда, чтобы посмотреть, что там можно найти, но военачальники и бояре не позволили им этого и потребовали от них, чтобы они представили список старых казаков, отделив крестьян и другие приставшие к ним беспорядочные отряды; тогда их признают за казаков и они будут награждены. Так и сделали. Лучших и старших казаков было насчитано 11 000, и военачальники разделили между ними всеми доспехи, ружья, сабли и прочие вещи, а также найденные в Кремле деньги, так что каждый казак получил деньгами и ценными вещами восемь рублей».

Но казаки быстро спустили все полученное: «Казацкого же чина воинство, – говорит сам их великий приятель, Авраамий Палицын, – многочисленно тогда бысть и в прелесть велику горше прежнего впадоша, вдавшееся блуду, питию и зерни, и пропивше и проигравше вся своя имения, насилующе многим в воинстве, паче же православному христьянству. И исходяще из царствующего града во вся грады и села и деревни, и на путех грабяще и мучаще немилостивно сугубей-

ши первого десятирицею... И бысть во всей России мятеж велик и нестроение злейши первого (прежнего); бояре же и воеводы, не ведуще что сотворити...»

Между тем в Москву пришли тревожные сведения, что к ней идет король Сигизмунд. Действительно, часть поляков, узнав, что дела Струся пошли дурно с подходом к столице Нижегородского ополчения, стали требовать на сейме в Варшаве, чтобы король поспешил ему на выручку, однако средств ему на сбор войска не дали. Сигизмунд отправился в Вильну, набрал с большим трудом 3000 немецких наемников и в октябре прибыл к Смоленску. В Смоленске «рыцарство», то есть польская конница, находившаяся здесь, несмотря на все мольбы короля, наотрез отказалась следовать с ним к Москве, и он выступил один со своими немцами на Вязьму; однако по дороге его нагнали 1200 конных из Смоленска, которые устыдились своего отказа, а в Вязьме он соединился и с Хоткевичем. Из Вязьмы Сигизмунд пошел осаждать Погорелое Городище; сидевший здесь воеводою князь Юрий Шаховской послал сказать коро-

лю: «Пойди в Москву, будет Москва за тобою, а мы тоже твои». Тогда король отошел от Погорелова и стал осаждать Волок Ламский.

Из-под Волока Сигизмунд послал на Москву отряд молодого Жолкевского (сына гетмана), а с ним князя Данилу Мезецкого, бывшего с послами под Смоленском, и дьяка Ивана Грамотина «сговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство. Они же приидоша внезапно под Москву. Людие же и все начальники были в великой ужаси и положиша упование на Бога».

Действительно, кроме описанного выше разброда казаков из-под Москвы для грабежа, многие ратные люди к этому времени также уже разъехались, а запасов продовольствия к столице, чтобы сесть в долгую осаду, свезено не было. Тем не менее когда молодой Жолкевский подошел к Москве, то вся рать мужественно вышла ему навстречу и вступила в бой, решив помереть или победить, – и победила. Жолкевский был отбит.

В этом последнем бою под Москвой поляки захватили смольнянина Ивана Философова. Когда Жолкевский стал его спрашивать:

«Хотят ли взять королевича на царство, и Москва ныне людна ли, и запасы в ней есть ли?» – он с уверенностью отвечал, как рассказывает летописец: «Москва людна и хлебна, и на то все обещахомся, что всем помереть за православную веру, а королевича на царство не имати». Они же «то слышав, ужаснулись и поидоша наспех под Волок». Волоком королю тоже не удалось овладеть, благодаря доблести сидевших в нем атаманов Нелюба Маркова и Ивана Епанчина, которые отбили все приступы. Тогда «король же, видя мужество и крепкое стоятельство московских людей и срам свой и побои литовским и немецким людям, поиде наспех из Московского государства: многие у него люди литовские и немецкие помроша с мразу и с гладу».

Вскоре был разбит и другой враг – Заруцкий; он подошел к Переяславль-Залесскому, чтобы взять его приступом; но воевода Михаил Матвеевич Бутурлин вышел против него и побил наголову. «Заруцкий же, взял Маринку, с достальными людьми поиде в Украинные города».

Так постепенно очищалось Московское го-

сударство от врагов, хотя отдельные их шайки бродили еще долгое время: «... и очисти Бог Московское государство начальников радением и ратных людей службою и радением, и послаша во все городы. Во всех же городех радость бысть велия. Немцам же Аглинским, кои было пошли к Архангельскому городу Московскому государству на помощь... повеле отказати: Бог очистил и русскими людьми».

Избрание и венчание на царство Михаила Феодоровича Романова

Наступило, наконец, давно желанное время закончить великую Смуту, охватившую Родину, – избранием всею землею государя. «Начальники ж и вси людие, – говорит летописец, – видя над собой милость Божию, начата думати, како бы им избрати Государя на Московское государство праведна, чтобы дан был от Бога, а не от человек. И послаша во все города Московского государства, чтобы ехали к Москве на избиранье государя власти и бояре, и всяких чинов людие...»

Грамоты об этом стали рассылаться по городам в начале ноября 1612 года, с приглашением прибыть в Москву к 5 декабря, и 12 января 1613 года окончательно собрался вновь созданный Земский собор, заменив собой действовавший до сих пор «Совет всея земли», который был созван, как мы помним, в Ярославле, в предыдущем году, и тоже предполагал приступить к выбору царя, чего на-

стоятельно требовал народ, всюду по пути следования Нижегородского ополчения.

Точное количество участников Великого Земского собора 1613 года, созванного для царского избрания, к сожалению, неизвестно, так как «Утвержденная грамота» об этом избрании была подписана значительно позднее, летом 1613 года, когда многие из членов собора уже разъехались по домам. Во всяком случае, это был наиболее полный из всех собиравшихся до сих пор соборов от земли; на нем были представители более чем от сорока городов, «от Северного Подвинья до Оскола и Рыльска, и от Осташкова до Казани и Вятки», – говорит С. Ф. Платонов, причем каждый город должен был прислать не менее десяти членов, но некоторые, как, например, Нижний Новгород, первыми выставили во главе движения «последних людей» Московского государства, выслали значительно большее число.

Весьма деятельное участие в соборе принимали и представители казачества, собранного под Москвой. Ввиду этого он был настолько многочислен, что некоторые заседа-

ния его происходили в кремлевском храме Успения Божией Матери.

В состав избирательного собора входил, прежде всего, Освященный Собор из трех митрополитов (Ефрема Казанского, Кирилла Ростовского и Ионы Сарского) и представителей черного духовенства: архиереев, архимандритов и игуменов. Белое же духовенство было вместе с выборными от городов: дворянами, детьми боярскими, гостями, торговцами, посадскими и уездными людьми. Не было только на соборе холопов и крепостных крестьян, а также больших бояр, членов Семибоярщины, сидевших вместе с поляками в Кремле; по приказу городов они не были допущены на него.

«Бояре, – доносил Яков Делагарди своему королю Густаву Адольфу на основании «распросных речей» пленных, – сидевшие с поляками в Москве, осажденной русскими, после взятия ее выехали из Москвы под предлогом, что они хотят съездить на богомолье, согласно их вере, как они должны бы сделать еще во время осады, но больше по той причине, что к ним враждебно относятся все простые

люди страны из-за поляков, с которыми были заодно».

Прежде чем приступить к великому и святому делу, для которого был созван собор, члены его решили провести три дня в посте и молитве.

Затем начались совещания, подробностей о которых до нас, к сожалению, не дошло, и поэтому мы можем делать о них лишь кое-какие догадки. В первую голову был поставлен вопрос об избрании государя из иноземных царствующих домов. Как мы видели, чтобы не иметь лишних врагов при освобождении Москвы от поляков, летом 1612 года завязались переговоры о выборе шведского королевича Филиппа; кроме того, Пожарский сносился и с германским императором о возможности выбора его родственника, Максимилиана Габсбургского. Затем был поднят вопрос и о татарских царевичах, бывших в Московском государстве, но на самом деле было твердо решено выбрать государя только из своих прирожденных русских людей.

Весьма хорошо осведомленный и правдивый «Новый летописец» говорит, что в Моск-

ву в декабре 1612 года прибыл «из Новагорода от Якова Пунтусова посланник Богдан Дубровской», сообщивший, что «королевич (Филипп) идет в Новгород. Они же ему отказаша сице: «Того у нас и на уме нет, чтобы нам взяти иноземца на Московское государство; а что мы с вами ссылались из Ярославля, и мы ссылались для того, чтобы нам в те поры не помещали, бояся того, чтобы не пошли в поморские города; а ныне Бог Московское государство очистил, и мы рады с вами за помощью Божию битца итти на очищенье Новгородского государства».

Затем на соборном совещании было порешено: «Литовского и шведского королей и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры Греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого королей видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушенье: литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом».

После этого приступили к выбору из своих; в этих выборах весь январь и начало февраля 1613 года прошли в большом беспокойстве: «И тако бысть, – по словам князя И. М. Катырева-Ростовского, – по многи дни собрание людем, дела же толикие вещи утвердити не возмогут».

«И многое было волнение всяким людем, – рассказывает «Новый летописец», – коиждо хотяше по своей мысли деяти, коиждо про коего говоряше: не воспомянуша бо Писания, яко «Бог не токмо царство, но и власть, кому хочет, тому дает: и кого Бог призовет, того и прославит... И кто может судьбы Божия испытати: иные убо подкупахуть и засылаху, хотяше не в свою степень, Богу же того неизволишу».

После рассказывали, что сильно домогался царского престола князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой, а затем создалась сплетня, что даже и князь Д. М. Пожарский добивался избрания, но впоследствии сам сплетник, дворянин Сумин, торжественно отказался от нее, хотя, конечно, как вождь Нижегородского ополчения, совершивший великий подвиг

очищения государства от врагов, – Пожарский в умах многих и мог являться желанным избранником. Но этому прежде всего препятствовала врожденная скромность самого князя Дмитрия Михайловича, что запечатлено и в современной народной песне: «Выбираем мы себе в цари из бояр боярина, славного князя Дмитрия, Пожарского сына», на что последний отвечает: «Недостоин я такой почести от вас».

В другом современном сказании, «Хронографе», рассказывается, что на соборе Пожарский стал говорить: «Теперь у нас в Москве благодать Божия воссияла, мир и тишину Господь Бог даровал: станем у Всещедрого Бога милости просить, дабы нам дал Самодержателя всей России. Подайте нам совет благий. Есть ли у нас царское приращение». На это все умолкли. Затем духовные власти держали такое слово: «Государь Дмитрий Михайлович! Мы станем собором милости у Бога просить. Дай нам сроку до утра».

На следующий же день, 7 февраля, когда собрался весь собор, какой-то дворянин из Галича выступил вперед и представил письмен-

ное мнение, что государю из племени Иоанна Калиты – Феодору Иоанновичу – ближе всех по родству приходится Михаил Феодорович Романов, почему он и является прирожденным Царем.

На это слышались голоса: «Кто прислал такую грамоту, откуда?» Но в то же время вышел и донской атаман и также подал грамоту. «Что это ты подаешь, атаман?» – спросил его Пожарский. «О прирожденном царе Михаиле Феодоровиче», – слышался ответ.

Таким образом, и земщина, и казачество, всегда между собою враждовавшие, произнесли одно имя, на котором сошлись все лучшие чувства русских людей и которое должно было их всех примирить.

«Тако благослови Бог и прослави племя и сродство царское, – говорит летописец, – достославного и святого и блаженныя памяти государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси племянника, благоверного и Богом избранного и Богом соблюдаемого от всех скорбей царя государя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца, сына велика боярского роду боярина Фео-

дорова сына Никитича Юрьева».

Чтобы новый царь был действительно желанным избранником всей земли, решено было разослать по всем городам и уездам надежных людей и расспросить народ, как он отнесется к этому выбору.

Через две недели посланные возвратились, и 21 февраля 1613 года должно было состояться последнее заседание собора: на него были приглашены и большие бояре – князь Мстиславский с товарищами своими по Семибоярщине.

По рассказу Авраамия Палицына, накануне, 20 февраля, в субботу первой недели Великого поста, у него в Богоявленском монастыре, на бывшее в Кремле Троицкое подворье, собрались «многие дворяне, и дети боярские, и гости многие разных городов, и атаманы, и казаки, и открывают ему совет свой и благое изволение». Все они стояли за избрание Михаила Феодоровича. «Старец же о сем возрадосая, – рассказывает про себя Авраамий, – и от радости многих слез исполнився», а затем отправился в Патриаршие палаты читать Освященному Собору и всему Синклиту мнения

пришедших к нему людей.

На другой день, в воскресенье, в Неделю православия, «в большом московском дворце, в присутствии, внутри и вне, всего народа от всех городов России» состоялось последнее торжественное заседание Собора.

Были собраны мнения от каждого чина, и все они оказались одинаковы: все единогласно указывали, что царем должен быть Михаил Феодорович Романов.

Вслед за тем Феодорит, архиепископ Рязанский, Авраамий Палицын, Иосиф, Новоспаский архимандрит, и боярин Василий Петрович Морозов вышли на Лобное место и обратились к собравшемуся здесь всенародному множеству с вопросом: «Михаила Феодоровича Романова в цари Московского государства хотите ли?» Восторженные клики согласия послышались на это в ответ.

«В той же день бысть радость велия на Москве, и поидоша в соборную апостольскую церковь Пречистыя Богородицы, и пеша молебны с звоном и со слезами. И бяше радость велия, яко изо тьмы человецы выидоша на свет», – говорит летописец. «Он же, благоче-

стивый государь, того и в мысле не имяше и не хотяше: бывшу бо ему в то время у себя в вотчине, того и не ведаше, да Богу он годен бысть. И за очи иомаза его Бог елеем святым, и нарече его царем».

Так кончилось на Руси Смутное время, вызванное пресечением царского рода из дома Иоанна Калиты.

Собору оставалось совершить еще только одно дело: испросить согласие принять царский венец самого новоизбранного государя. «Власти же и бояре и все людие начаша избирати, изо всяких чинов, послати бити челом к его матери, к великой государыне, старице иноке Марфе Ивановне, чтоб всех православных хрестьян пожаловала и благословила бы сына, царя государя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси, на Московское государство и на все Россииские царства, и у него, государя, милости прошать, чтобы не презрил горьких слез православных хрестьян. И послаша на Кострому изо властей Рязансково архиепископа Феодорита и с ним многих властей черных, а из бояр – Федора Ивановича Шереметева и изо всех чинов вся-

ких людей многих».

Посольство это, получив подробный наказ, как ему «бити челом и умолять его, государя, всякими обычаями, чтоб он, государь, милость показал, челобиться их не презрив», выступило из Москвы 2 марта, после торжественного молебна, подняв с собой икону Божией Матери, написанную святым Петром Чудотворцем, а также и образа святителей московских – святых Петра, Алексия и Ионы.

10 марта Земский собор отправил посольство и в Польшу с предложением размена пленных, имея главным образом в виду освобождение из неволи Филарета Никитича.

Между тем юный избраннык всего Московского государства чуть было не погиб от вражеской руки и был лишь спасен самоотверженной преданностью одного из своих верных слуг.

Покинув в конце 1612 года Кремль, после сдачи его поляками, Михаил Феодорович с матерью отправился, как мы говорили, в свои костромские владения, мать проследовала прямо в Кострому, а сын остановился в вотчине своей матери – селе Домнине, управителем

костей был крестьянин Иван Сусанин, уроженец близлежащего селения Деревеньки, человек беспредельно преданный своим господам – боярам Романовым. Этот Иван Сусанин и спас жизнь вновь избранному государю.

Вполне точного и подробного описания подвига Сусанина, к величайшему сожалению, не сохранилось, и мы можем судить о нем лишь на основании некоторых царских грамот и указов, а также и рукописных сказаний.

В жалованной грамоте от 30 ноября 1619 года зятю Сусанина, Богдану Сабину, об этом говорится так: «В те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди и тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими немерными пытками. А пытали у него, где в те поры мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Федорович всея Руси, были, и он, Иван, ведая про нас, Великого Государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, Великого Государя, тем польским и литовским людям, где мы в те по-

ры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти».

По-видимому, дело спасения Михаила Феодоровича Сусаниным произошло следующим образом: близ села Домнина рыскала одна из многочисленных польских шаек, которая уже проведала, что престол предназначается молодому сыну Филарета Никитича Романова, и поэтому во что бы то ни стало желала его захватить в свои руки. Шайка эта шла мимо Железоборовского монастыря, куда в это время как раз приехал из Домнина набожный Михаил Феодорович. Иноки издали увидели движение поляков и тотчас же предупредили его об этом.

Тогда Михаил Феодорович вскочил на лошадь и поскакал в Домнино. Путь его лежал мимо селения Деревеньки, где в ту пору случилось быть Сусанину, у которого накануне сторел овин. Увидев государя, Сусанин уговорил его не ехать в Домнино, так как поляки, несомненно, отправятся искать его туда, зная, что это романовская вотчина, и затем спрятал Михаила Феодоровича в сарае, зарыв в сено.

Сам же Сусанин, сняв с Михаила Феодоровича его боярские сапожки, надел их на себя, разрезав вдоль по переду, и побежал в лес, по течению замерзшей речки Кобры. Отбежав несколько верст, Сусанин взлез на дерево, снял с себя сапожки и затем, замата, насколько возможно, свои следы, вернулся назад в Деревеньки, где стал у ворот своего двора.

Скоро подъехали поляки и стали допрашивать его, как старосту: «Где боярин? Мы знаем, что он здесь был». На это Сусанин отвечал им, что был, да ушел на охоту, и указал на снегу следы боярских сапожков. Тогда поляки потребовали, чтобы он вел их в лес; Сусанин согласился на это и завел их в самую чащу, а взятого с собой Богдана Сабинина незаметно послал сказать Михаилу Феодоровичу, чтобы он спасался в Костромской Ипатьевский монастырь. Долго шли поляки, и, когда наступила ночь, им стало ясно, что Сусанин их обманывает. Тогда они стали требовать, чтобы он их вывел на большую дорогу, но Сусанин отказался от этого, несмотря на угрозы, и даже объявил, что нарочно завел их в непроходи-

мую чашу.

Поляки должны были сами выбираться из леса; после многих плутаний и невзгод они вышли к деревне Исупово; здесь, как говорится в указе Конюшенному приказу от 19 мая 1731 года, они его «пытали разными немерными пытками и, посадя на столб, изрубили в мелкие части». По преданию, изрубленное тело Сусанина было найдено только на третий день и доставлено в Деревеньки, где Михаил Феодорович оставался спрятанным. Когда государь услышал громкий плач, то, еще не зная, в чем дело, он вышел из своего убежища, затем сам обмыл останки верного слуги, положившего за него жизнь, и во время похорон рыдал над ним, как над родным отцом.

После своего спасения Михаил Феодорович отправился к матери в Кострому, откуда они проследовали, несмотря на опасности от польско-литовских людей, в Макарьевский на Унже монастырь, основанный святым Макарием Желтоводским и Унженским, и провели в нем несколько дней в посте и молитве, благодаря преподобного за освобождение от врагов и дав обет вновь прибыть на богомо-

лье в обитель, если Господу угодно будет освободить от польского плена отца Михаила Феодоровича – Филарета Никитича.

Затем сын с матерью, взяв с собой из Деревенек оставшуюся сиротою дочь Сусанина Антонида, бывшую тогда невестой Сабинина, вернулись в Кострому и поселились в Ипатьевском монастыре – в палатах, принадлежавших боярам Романовым.

Посольство от собора, снаряженное с целью просить Михаила Феодоровича на царство, согласно полученному наказу отправилось первоначально в Ярославль, так как никто в точности не был осведомлен, где находится государь, и уже из Ярославля оно держало путь прямо на Кострому, куда и прибыло 13 марта, остановившись в пригородном селении Новоселках. Отсюда послы отправили к Михаилу Феодоровичу просьбу указать, когда ему благоугодно будет их принять. «И Государь Царь и Великий Князь Михаил Феодорович всея России, – доносили послы в Москву, – нас пожаловал, велел нам быти у себя, Государя, марта в 14-й день».

14 марта «архиепископ же Феодорит и бо-

ярин Федор Иванович Шереметев и все люди приидоша в соборную церковь Пречистыя Богородицы и пеша молебны и взяша честныя кресты и местный чудотворный образ Пречистыя Богородицы Феодоровския и многия иконы и поидоша в Ипацкий монастырь, и пеша молебны у Живоначальныя Троицы, и приидоша к нему, государю, и к матери его, великой государыне, старице иноке Марфе Ивановне, и падоша вси на землю: не токмо что плакаху, но и воплю велию бывшу. И молиша его, государя, чтобы шел на свой царский престол, на Московское государство», – рассказывает «Новый летописец».

Крестный ход с посольством был встречен Михаилом Феодоровичем и инокой Марфой у ворот Ипатьевского монастыря, в котором «быша» тогда «звон велик для пришествия честных и чудотворных икон».

Конечно, и сын и мать знали, для чего прибыло к ним посольство, и были этим до глубины души взволнованы. С умилением приложившись к честным иконам и выслушав челобитье архиепископа Феодорита и боярина Шереметева о призвании на царство, Ми-

хаил Феодорович не мог удержать слез, омочивших его прекрасные, всегда немного грустные очи, но затем он с великим гневом отказался принять царский венец.

Так же решительно отказала послам и инокиня Марфа, прямо высказав при этом причины своего отказа. «И государыня, инока Марфа Иоанновна, – говорится в «Книге об избрании и венчании на царство Михаила Феодоровича», – у архиепископа Феодорита со властью, и у бояр, у Феодора Иоанновича Шереметева с товарищи, всенародного прошения и челобитья выслушав, им отказала. А говорила, что у него, Государя, Михаила Феодоровича, и у нее, государыни, чтоб на таких великих преславных государствах быти Государем, и в мысли нет. Потому что он, Государь, во младых летех.

А Московского государства, всяких чинов люди, прежним государям не прямо служили, как праведными судьбами Божиими, блаженныя памяти, великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича всея России не стало, и после его, Государя, выбрали на Московское государство Царем и Великим

Князем Бориса Феодоровича Годунова, и крест ему целовали, что было ему и детям его служить и прямити, и, опричь его и детей его, на Московское государство иного никого не хотети: а после смерти его, на Московском государстве учинился Государем Царем и Великим Князем сын его, царевич Феодор Борисович: и, крест ему целовав, Московского государства всяких чинов люди, изменили, отъехали к вору Гришке, расстриге Отрепьеву.

И после того вора, Гришки Отрепьева, выбрали на государство Государя Царя и Великого Князя Василия Иоанновича всея России и, крест ему целовав, изменили ж, многие отъехали в Тушино к Вору, а которые от него, Государя, не отъехали, были на Москве, и они царя Василия постригли, а постригши его, и братию его, отдали в Литву. И сыну моему, виде таковое, прежним государем, московских людей крестопреступление и Московскому государству, от польских и от литовских, и от русских людей, разорение, что прежних великих государей, из давних лет, сокровища царские, литовские люди вывезли, а дворцовые села, и черные волости, и пригородки, и посады роз-

даны в поместья дворянам и детям боярским, и всяким служилым людям, и запустошены, а всякия служилые люди бедны, и ему, сыну моему, будучи на Московском государстве, всех служилых людей жаловать, и свои государевы обиходы полнити, и против недругов, польского и литовского королей и иных пограничных государей, стояти чем будет. Да и выбрану сыну моему на Московском государстве быть Государем опасно, что отец его, Государев, преосвященный митрополит Филарет Никитич Ростовский и Ярославский, ныне в Польше, в великом утеснении: а сведает то король Польский, что, по прошению и по челобитью всего Московского государства, сын его на Московском государстве Государем Царем и Великим Князем всея России, и король тотчас велит над отцом его Государевым, какое зло учинити. Да и без благословения отца своего, на Московском государстве ему, Государю, быти никак не мочно».

Эти отказы повергли в величайшее уныние всех членов посольства, которые в прямодушном слове великой старицы Марфы не могли не видеть истинной правды: действи-

тельно, люди Московского государства сильно измалодушествовались за Смутное время и государям своим прямо не служили; Смоленск и Новгород были отторгнуты поляками и шведами; царская казна была пуста; все находилось в страшно запущенном состоянии, разобратся в котором было чрезвычайно трудно молодому Михаилу; наконец, в глазах инокини Марфы ничто не являлось ручательством, что подданные будут служить ему лучше, чем прежним государям после смерти Федора Иоанновича, а между тем – согласие на избрание на царство могло немедленно отразиться на судьбе отца молодого государя, пребывавшего в плену, – Филарета Никитича.

Решительно отказав послам, инокиня Марфа и ее сын были тем не менее глубоко тронуты всенародным избранием Михаила Феодоровича. Вот почему, под влиянием таких разнородных чувств, их охвативших, они и отказывали послам, с «великим гневом и со многими слезами», и затем долго не хотели идти вместе с ними «за кресты в соборную церковь».

В соборе Ипатьевского монастыря, при мо-

лебном пении, послы и «всенародное множество всех православных христиан с великим слезным рыданием и воплем» опять били челом Михаилу Феодоровичу и его матери, чтобы они согласились на их усиленную просьбу.

Наконец, после нескольких отказов в продолжение шести часов, старица Марфа и ее сын, видя неотступное моление приехавших послов, убедились, что Сам Господь призывает Михаила на великий, но тяжкий подвиг служения измученной и вконец разоренной Родине.

Последовало умиленное зрелище: «Великая же Государыня, старица инока Марфа Ивановна, во мнозем душевном умилении и тихости сына своего... со утешением увещевала»; затем она сквозь слезы благословила плакавшего от глубокого сердечного потрясения Михаила Феодоровича.

По одному преданию, она сказала при этом следующее прочувствованное слово: «...Даю вам своего возлюбленного единородного сына, света очию моею, единородна ми суца Михаила Феодоровича: да будет вам госуда-

рем царем и великим князем, всея Руси Самодержцем, в содержание скипетра царствующего града Москвы и всех великих государств великого Российского царствия. А вы б, богомольцы наши, митрополиты, и архиепископы, и епископы и весь освященный вселенский собор, молили Всемилостивого, в Троице славимого Бога нашего, и Пречистую Его Богоматерь, и великих московских чудотворцев о его государском здравии, и о вселенском устроении, и о благосостоянии святых Божиих церквей, и об утверждении святых православных наших хрестьянских веры; и отвратил бы Господь Бог от нас ото всех православных хрестьян меч ярости Своея, и государство бы устроил мирно и немятежно и ото враг непоколебимо навеки, и покорил бы под нозе наша вся враги, восстающая на ны; а святая б наша и непорочная истинная хрестьянская вера сияла на вселенной, якоже под небесем пресветлое солнце, а хрестьянство б было в тишине и в покое».

«Бысть же в тот день на Костроме, – говорит летописец, – радость велия, и составиша празднество чудотворной иконе Пречистыя

Богородицы Феодоровской. К Москве же к боярам и ко всей земле послаша и возвестиша им всем. Бысть же радость на Москве велия, наипаче первая».

Таким образом, 14 марта 1613 года шестнадцатилетний Михаил Феодорович, представитель издревле блиставшего своим благородством и огромными государственными заслугами боярского рода Кобылиных-Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых-Романовых, внучатый племянник незабвенной царицы Анастасии Романовны и сын великого своей преданностью Родине и православию митрополита Филарета Никитича, по благословению родительницы своей, инокини Марфы Иоанновны, стал государем всея России.

О каком-либо ограничении его власти Боярской думой или Земским собором, как это имело место при переговорах о королевиче Владиславе, не могло быть, конечно, и речи. Народ, почти насильно умоливший Михаила Феодоровича вступить на царство, от чего последний отказывался с гневом и плачем, разумеется, полностью передал всю неограниченную власть прежних московских государей

своему возлюбленному избраннику, отныне Божиею милостию всем своим подданным в отцов и праотца место поставленному.

С 14 марта 1613 года Земский собор и воеводы ополчения, собранного на очищение земли, стали лишь простыми исполнителями царской власти до полного установления всех старых порядков Московского государства, так как Пожарский и Минин, как прекрасно выяснил И. Е. Забелин, шли с последними людьми от земли, «не для того, чтобы перестроить государство на новый лад, а напротив, шли с одной мыслью и одним желанием – восстановить прежний порядок, расшатанный от неправды...»

«...При этом необходимо еще запомнить, – говорит Забелин, – что с восстановлением старого порядка само собой последовало, никем не перевозглашенное, но всеми глубоко осознанное всепрощение для всех и всяческих воров и негодяев, которые, как скоро Смута утихла и излюбленный был избран, все тут же оказались людьми честными, и в нравственном, и в служебном смысле. Блудные сыны, постигнутые тьмой неразумия, образу-

мились, все люди в бедах поискусались и в чувство и в правду пришли!.. Все смутное воровство было забыто навсегда: кривые тушинцы смешались с прямыми нижегородцами, и старые жернова стали молоть по-старому, как было прежде, как было при прежних государях. А потому весьма понятно, когда прежние порядки установились на своих прежних местах, то и люди, восстанавлившие эти порядки, должны были остаться тоже на своих прежних местах, с прежним своим значением и положением в обществе, а особенно в службе».

Поэтому когда вслед за избранием Михаила Феодоровича подле него образовалась Боярская дума, то первое место в ней по-прежнему занял старейший из всех по отчеству князь Феодор Иванович Мстиславский, который, хотя и по принуждению Гонсевского, но все же служил в последние годы Сигизмунду. Тушинский боярин, князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой, не раз целовавший руку Вору, тоже стал, разумеется, гораздо выше стольника князя Димитрия Михайловича Пожарского.

19 марта государь вместе с матерью выступил на свой «подвиг» – как говорили современники – из Костромы в Москву, пребывая до этого времени в посте и молитве, и 21-го числа совершил свой въезд в Ярославль. В Ярославле ему пришлось задержаться из-за плохих дорог, а также и потому, что Москва не была готова для приема царя: казна его, после хозяйничанья поляков и Федора Андронova, была совершенно пуста, а в Кремле все здания были так повреждены, что требовалось время для их исправления. Вскоре в Ярославль начали съезжаться люди всякого звания, чтобы лично бить челом государю; выборные от Нижнего Новгорода, с доблестным протопопом Саввою во главе, были в числе первых явившихся.

Из Ярославля же начал отдавать свои царские распоряжения Михаил Феодорович.

23 марта государь послал Земскому собору свой первый указ, выразив в нем, что «его произволения и хотенья на престол не было», он обращается затем к боярам и всяким чинам государства с требованием: «Вам бы... стоять в крепости разума своего, безо всякого

позыбания нам служить, прямить, и воровникого царским именем не называть, ворами не служить, грабежей бы у вас и убийств в Москве и в городах и по дорогам не было, быть бы вам между собой в соединении и любви, на чем вы нам души свои дали и крест целовали, на том бы и стояли, а мы вас за вашу правду и службу рады жаловать».

Затем на приглашение собора поспешить государю своим приездом в Москву Михаил Феодорович отправил из Ярославля боярина князя Троекурова с запросом к членам Собора: «К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы, и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить?.. Бьют Государю челом стольники, дворяне и дети боярские, что у них дворцовые села отписаны и Государю от челобитчиков докука большая: как с этим быть? Чтобы на Москве и по дорогам грабежей никаких не было!

Дворяне и дети боярские и всякие люди с Москвы разъехались, – великому государю неизвестно, по вашему ли отпуску они разъехались или самовольством?» На эти запросы Собор отвечал, что он старается делать все, от

него зависящее, хотя в действительности положение его было крайне затруднительным, ввиду общего оскудения и безначалия, царившего в стране.

8 апреля царь, пояснив, что он медлит своим походом в Москву ввиду ее неготовности к его приему, писал между прочим Собору: «Сборщики, которые посланы вами по городам для кормов, в Москву еще не приезжали; денег ни в котором приказе в сборе нет... Атаманы и казаки беспрестанно нам бьют челом и докучают о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а нам их пожаловать нечем, и кормов давать нечего... И вам бы, богомольцам нашим, и боярам, и окольниковым, и приказным людям, о том приговор учинить... чем нам всяких ратных людей жаловать, свои обиходы полнить, бедных служилых людей чем кормить и поить...»

17 апреля государь прибыл в Ростов и писал оттуда на Москву: «А идем медленно, затем что подвод мало и служилые люди худы: казаки и дворовые многие идут пешком». 25-го числа царь приказал сделать на походе, в селе Любимове, поверку стольникам, стряп-

чим и жильцам, назначенным для его охраны. Оказалось, что 42 человек нет. Это, разумеется, было уже недопустимое своеволие, явившееся следствием общей распущенности Смутного времени. Чтобы положить конец такому порядку вещей, государь послал в Москву строгий приказ отобрать у «нетчиков» их поместья и вотчины в казну.

Тогда же, по государеву указу, бояре отправили отряд против Заруцкого, который был настигнут под Воронежом. «...Он же многих воронежцев побил и перелезе через Дон и с Маринкою и поиде к Астрахани степью». «А под Тихвину на немец Царь посла воевод своих: князя Семена Васильевича Прозоровского да Леонтия Андреевича Вельяминова со мною ратью».

Ко времени своего приезда в Москву государь приказал приготовить для себя палаты царицы Ирины Феодоровны, а для матери – хоромы жены царя Василия Ивановича Шуйского. Но бояре отвечали, что приготовили для него комнаты Иоанна Грозного и Грановитую палату, а для государевой родительницы – помещение в Вознесенском монастыре,

где жила инокиня Марфа, бывшая царица Мария Нагая; «тех же хором, что Государь приказал приготовить, скоро отстроить нельзя, да и нечем: денег и казны нет и плотников мало, палаты и хоромы все без кровли; мостов, лавок, дверей и окошек нет, надобно делать все новое, а лесу пригодного скоро не добыть».

Михаил Феодорович был недоволен этим ответом и писал боярам: «По прежнему и по этому нашему указу велите устроить нам Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей – хоромы царицы Марии: если лесу нет, то велите строить из Брусяных хором царя Василия; вы писали нам, что для матери нашей изготовлены хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромах матери нашей жить не годится». И действительно, великой старице Марфе не годилось жить там, где помещалась слабодушная царица Мария Нагая, в то время как она выдавала себя за мать Лжедмитрия, а затем где нашла себе приют и Марина Мнишек.

Из только что приведенных нами распоряжений государя мы видим, что кроткий и небожный новоизбранный царь Михаил, не

имея и семнадцать лет от роду, с первых же шагов стал совершенно твердо и прямо высказывать свою волю собору и боярам.

Особенно сердился государь на непрекращавшиеся грабежи и разбои. Сопровождавшие его Феодорит и Шереметев послали 28 апреля следующую грамоту собору: «Писал к вам Государь много раз, чтобы у вас на Москве, по городам и по дорогам убийств, грабежей и никакого насильства не было; а вот 23 апреля приехали к Государю на стан в село Сватково дворяне и дети боярские разных родов, переграблены донага и сечены... на дороге, на Мытищах и на Клязьме, казаки их перехватили, переграбили, саблями секли и держали у себя в станах два дня, хотели побить, и они у них, ночью развязавшись, убежали... Писали к Государю из Дмитрова приказные люди, что прибежали к ним из сел и деревень крестьяне жженные и мученые огнем; жгли их и мучили казаки».

За два дня до этого, 26 апреля, в обители Живоначальной Троицы государь и мать его, великая старица Марфа, призвали митрополита Казанского Ефрема и других членов со-

бора, присоединившихся к «походу», и говорили «с великим гневом и со слезами, жалеючи о православных крестьянах, что грабежи и убийства на Москве, и по городам и по дорогам встали воры великие и православным крестьянам, своей единокровной братье, чинят нестерпимые смертные муки и убийства и кровь хрестьянскую льют беспрестани...» «И Государь и мать его, видя такое воровство, из Троицкого монастыря идти не хотят, если всех чинов люди в соединение не придут и кровь христианская литься не перестанет».

Это крепкое слово государя, сейчас же всецело вставшего после своего избрания на защиту сирого и убогого люда, подействовало. 30 апреля собор приговорил отправить посольство с выборными из всяких чинов – бить челом царю, чтобы «он умилосердился над православными христианами, походом своим в Москву не замешкал; а про воровство про всякое митрополит и бояре заказ учинили крепкий, атаманы и казаки между собой уговорились, что два атамана через день осматривают каждую станицу, и, чье воровство сыщут, тотчас про него скажут и за во-

ров в челобитчиках быть не хотят».

Челобитье это, подкрепленное также просьбою вождей ополчения, Трубецкого и Пожарского, которые смиренно били челом государю, «чтобы им видеть твои царские очи на встрече», возымело свое действие.

1 мая Михаил Феодорович с матерью прибыли в село Тайнинское, а на следующий день последовало их торжественное вступление в столицу. «Царь же Государь и Великий Князь Михайло Феодорович всея Руси прииде под Москву. Люди еже Московского государства встретоша его с хлебами, а власти и бояре встретоша за городом со крестами. И прииде государь к Москве на свой царский престол в лето 7121 (1613) году, после Велика дни, в другое воскресенье Святых жен Мирносиц. На Москве же паки бысть радость велия, и пеша молебны». «И шел великий Государь и мать его, Государыня инока Марфа Ивановна до соборные церкви за кресты и за честными иконы пешы. А пришед в соборную церковь Успения Пречистыя Богородицы, Государь царь, и великий князь Михаил Феодорович всея России, соверша молебное пение,

приняли благословение от митрополита и архиепископов».

В тот же день «пожаловал Государь Царь и Великий Князь Михаил Феодорович всея России бояр и окольничих, и стольников, и стряпчих, и дворян, и приказных людей, и жильцов, и гостей, и торговых всяких чинов людей, веле быти у своей царской руки».

Венчание на царство было назначено на 11 июля, в канун именин Михаила Феодоровича, причем, чтобы не было никаких обид и пререканий, государь указал «для своего царского венца во всех чинах быти без мест». 10 июля по всем церквам были отслужены всеобщие.

Утром в день торжества государь послал «сказать боярство» своему двоюродному брату князю Ивану Борисовичу Черкасскому, а затем и стольнику князю Димитрию Михайловичу Пожарскому.

Венчание на царство было совершено по древнему чину и подробно описано в «Книге об избрании на царство», из которой мы приводим здесь несколько рисунков с изображением выдающихся мгновений этого дня.

После венчания был торжественный стол, так же как и в последующие два дня. 12 июля, в день своего ангела, государь пожаловал в думные дворяне Козьму Минина, что давало ему в то время право, наряду с боярами, окольными и именитыми людьми Строгановыми, писаться с «-ичем», почему он и стал прозываться с этих пор Козьмою Миничем Сухоруким.

Таким образом, в торжественные дни венчания государя на царство оба великих мужа, Пожарский и Минин, были вознаграждены за свои необычайные подвиги на пользу Родины: первый – пожалованием в боярство, а второй – в думные дворяне, что, по понятиям того времени, являлось вполне достойной наградой за их заслуги.

«Это и было торжеством справедливости и великою почестью для пожалованных», – говорит И. Е. Забелин. Большого, при тогдашних понятиях, царь ничего сделать не мог. «Наперекор желаниям даже самого Государя, – продолжает Забелин, – и Трубецкой, и очень многие другие бояре везде должны были первенствовать пред Пожарским. Однако

и то было великим делом, что на коронации он держал по чину третью регалию (принадлежность торжественного царского облачения), весьма знаменательную, державу, яблоко владомое, великодержавное. Первую регалию – корону (шапку Мономаха) держал дядя царя – Иван Никитич Романов, с которым было заспорил о месте Трубецкой, но был остановлен царем, который ему сказал, что, действительно, Романов меньше тебя, Трубецкого, но он мне по родству дядя, и потому быть вам без мест... Трубецкой держал вторую регалию – скипетр.

Спор Трубецкого о месте очень ясно свидетельствует, что здесь люди занимали между собой свои почетные места не по личным заслугам и достоинствам, а по заслугам и достоинству своего рода. Если б Пожарский был великороднее Трубецкого, он занял бы и место почетнее. И не один Трубецкой первенствовал в это время перед Пожарским. Выше его стоял и подручный его воевода по ополчению, боярин Василий Петрович Морозов. Впрочем, несмотря на тесноту от этих пресловутых отеческих мест, смысл подвига Пожар-

ского во время коронации избранного царя выдавался очень наглядно. Во время церемонии Пожарский предварительно был послан за царским саном на Казенный двор, откуда торжественно Благовещенский протопоп нес на блюде крест, диадему и Мономахову шапку; за ним Пожарский нес скипетр, а затем дьяк, будущий казначей, Трахониотов, нес яблоко – державу. Впереди, для чести сана, шел боярин Василий Петрович Морозов, что было почетнее, чем несение скипетра, но знаменательный почет оставался на стороне Пожарского.

Любопытно и то, что этот царский сан первыми выносили на торжество люди Нижегородского ополчения. Когда регалии были отнесены тем же порядком в собор и поставлены посреди храма на налое, тот же Пожарский оставался при них все время для почетного предстояния и оберегания. Таким образом, и на символическом «действе» коронации Пожарский, и он один, первый торжественно поднял давно оставленный скипетр Русского царства, первый принес его к священному торжеству царского постановления,

один оберегал царский сан до времени коронования, а потом ему же, не без знаменательного смысла, досталось при священнодействии хранить в своих руках державу того же царства, которая своим символом и обозначала это самое царство.

Нет сомнения, что в этом назначении для Пожарского церемониальных мест руководила царским повелением духовная власть, собравшиеся митрополиты и архиепископы, в числе которых вторым был ростовский святитель Кирилл, миротворец Нижегородской рати от Ярославля до Москвы. Современники, стало быть, очень хорошо понимали значение заслуг Пожарского и искренно выражали ему свою признательность во всех случаях, где этому не служили помехою чины (обряды) и места (теперешние чины)».

Так же смотрели на Пожарского и поляки; ведя через два года посольские переговоры с русскими, они прямо высказывали, что московское боярство «Пожарского в больших богатырях считает».

«Вот почему и мы, потомки, – говорит И. Е. Забелин, – почитаем его главным героем и

большим богатырем».

Конечно, таким же героем и большим богатырем навсегда останется в сердцах русских людей, как «выборный от земли», нижегородский посадский человек Козьма Минин Сухорук, так и вдохновивший его своим пастырским словом неоторимый и твердый адриант – святайший Гермоген, патриарх всея Руси, ныне причтенный нашею Церковью к лику святых.

Избранием на царство Михаила Феодоровича Романова закончилась Смута, наступившая в нашей земле с угасанием в лице Феодора Иоанновича царского рода из дома Иоанна Калиты.

Смута эта выразилась глубоким потрясением всех основ Московского государства, созданного неусыпными трудами его собирателей по заветам святого митрополита Петра Чудотворца, и разразилась многими великими бедами над землею: население от постоянных ратных дел, разбоев и грабежей, голода и мора должно было сильно уменьшиться в числе и до крайности обеднело, причем жестокая борьба бездомной голытьбы с имуществом

людом доходила порой до чрезвычайного озлобления.

Вмешательство Сигизмунда III в наши дела, сперва тайное, а затем и явное, вопреки голосу лучших людей Польши, привело к развитию сильнейшей вражды, и притом на весьма долгие годы, между двумя соседними славянскими государствами; при этом, пользуясь наступившей Смутой, в наши пределы вместе с поляками постоянно вторгалось немало и чисто русских людей, уроженцев Западной Руси и запорожских казаков, совершавших братоубийственные наезды на беззащитные московские города и селения.

К концу Смутного времени Смоленская земля оказалась во власти поляков, а Новгородская область – занятой шведами. Царская казна, после хозяйничанья Александра Гонсевского и Федора Андропова, была обобрана дочиста.

Разразившись над землею великими бедами, Смута явилась вместе с тем и великим испытанием для Московского государства.

Мы видели, что она началась тотчас же после кончины Грозного в боярских верхах, и

главным ее заводчиком был Борис Годунов – «муж чудный и сладкоречивый», одаренный великою мудростью мира сего, направленной исключительно к достижению своих личных честолюбивых и корыстных целей.

За Годуновым не замедлили встать и другие такие же честолюбцы и мудрецы, жестокие, алчные и хитроумные; одни из них подыскивались царства, другие – боярства, третьи – дворянства, четвертые – свободной и привольной жизни; всякий стремился захватить себе возможно более разных благ, вовсе забывая о служении родной земле.

Первая половина Смутного времени выводит наружу целые сонмы этих честолюбцев и хищников, быстро приведших своими действиями Московское государство к краю гибели, несмотря на подвиги высокого самоотвержения во имя любви к Родине некоторых отдельных светлых личностей.

После захвата поляками высшей власти в Москве и падения Смоленска Сигизмунд с торжеством возвратился в Варшаву и праздновал полную победу на недавно могущественной соседней державой, государствен-

ный порядок которой был в это время действительно окончательно разрушен.

Но Сигизмунд и поляки не обратили внимания, что Московское государство было вместе с тем и Церковью верующих, Третьим Римом, и этот Третий Рим, незримый для их очей, остался в полной неприкосновенности.

Гетман Жолкевский с недоумением рассказывает в своих «Записках», что при сожжении поляками Москвы и Смоленска многие из москвитян «добровольно бросались в пламя, за православную, говорили они, веру», – очевидно, считая, что они делали это под влиянием охватившего их безумия.

Старый гетман, обладавший тонким умом и огромной житейской опытностью, помогшими ему обойти седмочисленных бояр и ввести польские войска в Кремль, что привело к полному упразднению государственной власти в Москве, – не понял, однако, что москвитяне, кидавшиеся в пламя, были одержимы тем безумием, про которое говорит Апостол: «Будь безумным, чтобы быть мудрым, ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (Первое послание ап. Павла к Коринфя-

нам, III, 18, 19).

Это безумие привело сперва «за пристава», а затем и к голодной смерти или к удушению восьмидесятилетнего святителя Гермогена. Но православные обитатели Московского государства чутко прислушивались к глухо раздававшемуся из подземелья голосу своего духовного отца и укреплялись его пастырским словом в том же безумии.

Конечно, безумны, с точки зрения мудрости мира сего, беспримерная оборона обители Живоначальной Троицы преподобного Сергия, а также письмо соловецкого игумена к королю Карлу IX из сопредельного со шведскими владениями Сумского острога о нежелании видеть иноземца на царстве, написанное после того, как соловецкие иноки отправили свой последний рубль и последнюю серебряную ложку на вспоможение Московскому государству.

Отписки городов друг другу, пересылавшиеся при посредстве «бесстрашных людей» по стране, где кишели польские и воровские отряды, являются самым драгоценным для нас памятником того же безумия, охватившего

обитателей Московского государства, каковое безумие, по словам Апостола, есть мудрость перед Богом. В этом безумии открывается полностью все величие «прямых» русских людей, выступивших на смену «кривых» своих соотечественников для спасения Родины.

И во множестве городов, не бывших во власти польских и воровских шаек, «архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и весь Освященный Собор, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и головы и сотники стрелецкие и казачьи, и стрельцы, и казаки, и всякие служилые люди, и посадские старосты и целовальники, и все посадские и всякие жилецкие люди» – единодушно, всем миром, почти в одних и тех же выражениях, несмотря на то, что города эти находились в разных краях государства, постановляли приговоры, чтобы стоять всем единомышленно за истинную православную христианскую веру, за Дом Пречистой, где образ Божией Матери (Его же евангелист Лука написал), и за светильников и хранителей, митрополитов Петра, Алексия и Иону, чудотворцев московских, после чего тотчас же, на конях и на лыжах,

отправляли ратных людей для очищения Московского государства от поляков и Литвы.

Это очищение, как мы видели, вызвало крайне напряженную борьбу с внешними врагами и жестокие раздоры со своими же воврами и казаками, причем после убиения Прокофия Ляпунова дело земских людей, вставших на защиту Отечества, закончилось, как казалось, совершенной неудачей.

Но незримый Третий Рим – Православная церковь, объединявшая все верующие сердца жителей Московского государства – остался по-прежнему непоколебимым, и врата адавы не одолели его.

Наступившее вслед за убиением Ляпунова лихолетье вызвало небывалое усиление религиозного чувства русских людей; многие из них сподобились чудесных видений; повсеместно был установлен строгий трехдневный пост, даже и для «млекосущих» младенцев. Наконец, нижегородский посадский человек, Козьма Минин Сухорук, глубоко пораженный явлением ему преподобного Сергия и дошедшим до него последним пастырским призывом святителя Гермогена, «зело оскорбился»

бедствиями Родины. Он поднял своим пламенным словом «последних людей» Московского государства, которые, избрав доблестного князя Димитрия Михайловича Пожарского своим вождем, успели, наконец, после многих тяжких трудов очистить Родину от польских и литовских людей и вместе с тем сумели установить во имя православной веры соглашение и с казачеством, столь враждебно разошедшимся с Земщиной за Смутное время.

Затем тотчас же было приступлено к великому общему делу, к избранию царя-самодержца, во исполнение давнего горячего желания всей земли.

Не раз помянутый нами поляк Маскевич с удивлением отмечает в своем дневнике: «В беседах с москвитянами наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам – неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого – может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго, дело зятя-

нется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе Царь творит суд и расправу. Если же сам Государь поступит неправосудно – его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от Царя, чем от своего брата: ибо он – владыка всего света». Русские действительно уверены, что нет в мире монарха, равного царю их, которого по сему называют: «Солнце праведное, Светило русское».

21 февраля 1613 года Великий Земский собор единодушно избрал своим Солнцем праведным, Светилом русским не кого-либо из сильных и мудрых мира сего, подыскивавшихся царства, а неизвестно где находившегося в то время шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, который был всем дорог и близок, как свойственник угасшего царского рода, «по свойству свойственному Царскому семени Богом избранный цвет», как внучатый племянник незабвенной царицы Анастасии Романовны, как сын томившегося в польском плену за православную веру Фи-

ларета Никитича и как представитель славного боярского рода, давшего целый ряд верных слуг Московскому государству.

Единодушным избранием на царство Михаила Феодоровича был завершен подвиг русских людей для спасения своей Родины, и в этом избрании они полностью проявили все лучшие стороны своего великого сердца, для постижения которого Смутное время дает неоцененные данные.

Ни один народ в мире не имеет таких священных памятников своего прошлого, как отписки городов друг другу, свидетельствующие об изумительном единодушии и братстве обитателей Московского государства, невзирая на различие сословий и состояния, и о их глубокой и вполне сознательной вере в Бога живого, в Бога отцов, прах которых, по Писанию, должен воскреснуть. Как только дело дошло до возможности овладения и осквернения этого священного праха иноплемениками, так тотчас же вся народная твердь Московского государства встала на его защиту, причем, за отсутствием государя, она объединялась Домом Пречистой (Ее же образ

святой Евангелист Лука написал), светильниками и хранителями – митрополитами Петром, Алексием и Ионою и пастырским призывом святого Гермогена, Патриарха всея Руси.

Эта глубокая вера в Бога живого, в Бога отцов и была основанием того безумия, или мудрости перед Богом, которая зажгла сердца «последних людей» Московского государства; все они твердо верили в личную загробную жизнь и считали величайшей для себя наградой, приняв смерть за веру и Родину, свидетелься в будущем существовании со своими ранее умершими отцами и матерями: «Аще ли же избиени будем, – говорили доблестные сподвижники Ермака, прощаясь с Максимом Строгановым при отправлении на завоевание Сибирского царства, – да помянет нас любовь твоя в вечном успении, а чаем возвращения ко отцам своим и матерям». То же чувство глубокой веры в неразрывную связь живущих сынов с умершими отцами и матерями влекло всегда русских людей к гробам родителей, для молитвы и душевного укрепления, перед всяким важным решением или делом.

Смутное время показывает нам с необы-

чайной яркостью, что величие русского народа и его несокрушимая мощь исходят из горячего сердца русских людей, беззаветно мужественного и в то же время глубоко смиренного, великого своей беспредельной верой в Бога и способностью проникаться истинной братской любовью друг к другу, причем как именитый князь Пожарский, так и простой посадский человек Козьма Минин Сухорук – могут чувствовать, думать и действовать совершенно одинаково.

Величием сердца русских людей обуславливается искони присущая им необыкновенная простота во взаимных отношениях, а также способность проявлять родственные, братские чувства к представителям других народностей. Сподвижники Ермака, будучи глубоко православными и чисто русскими людьми, имели среди своих ратных товарищей – литовцев, немцев и татар, к которым относились как к родным братьям. «И Романовские, господа, мурзы и татаровья крест нам по своей вере дали, стояти с нами заодин, за православную христианскую веру и за святыя Божия церкви», – писали ярославцы во-

логжанам, находя вполне естественным братское единение, для защиты Московского государства, с живущими среди них татарами.

Это чувство родственной близости ко всем людям, присущее русскому православному человеку, является важным залогом успеха в великом общем деле всего русского народа и его венценосных самодержцев по собиранию и умиротворению земель и народов.

Другим таким же залогом успеха этого великого дела служит то замечательное обстоятельство, что вопрос об умиротворении был всегда основным, семейным вопросом Дома Романовых.

При произнесении одного только имени Михаила Феодоровича на Великом Земском соборе 21 февраля 1613 года – сразу же утихла всякая зависть и злоба, причем враждовавшие между собой Земщина и казачество, не стовариваясь друг с другом, избрали это имя как знамение всеобщего примирения, согласия и любви.

Царское самодержавие, по понятию русского народа, было всегда и прежде всего – умиротворением, то есть постепенным огра-

ничением взаимного истребления и ненависти друг к другу путем собирания, так как самодержавие неразрывно связано с православием, а православие является печалованием о розни и вражде и имеет своей высшей целью не подчинение и не разделение, а собирание всех людей для восстановления всеобщего родства по заповедям Господним.

За триста лет, истекших со времени знаменательного дня избрания на царство Михаила Феодоровича, первого царя-мироотворца из дома Романовых, государи наши, в единении со своими верными подданными, совершили немало великих подвигов в деле собирания и умиротворения земель и народов, но и в настоящее время каждый русский человек должен ясно сознавать, что, следуя по великому историческому пути, впервые начертанному святым митрополитом Петром Чудотворцем, нам предстоит впереди не меньшие подвиги для достижения той желанной поры, когда закончится полное собирание и наступит всеобщее умиротворение.